

Адольф Ефремович АНГЕЛЕВИЧ
ПЕРВЫЕ РАКЕТКИ
[Физкультура и спорт, 1985]

СОДЕРЖАНИЕ

- Предисловие
- Глава 1. Путешествие в прошлое
- Глава 2. На стыке эпох
- Глава 3. Народный чемпион
- Глава 4. Тысячи сетов Нины Тепляковой
- Глава 5. Рождённый Спартакиадой
- Глава 6. Золотая медаль чемпиона
- Глава 7. Главная роль Николая Озерова
- Глава 8. Фанатик
- Глава 9. Продолжательница традиций
- Глава 10. Гори, гори, моя звезда ...
- Глава 11. А любовь остаётся жить
- На пьедесталах почёта

ПРЕДИСЛОВИЕ

За те несколько десятков лет, что живёт на русской земле теннис, многое в нём переменялось. Совершенствовались правила, различный облик принимали ракетки и форма игроков, уходили одни фавориты и появлялись другие, расширялся, менялся календарь соревнований, умирали одни клубы и рождались новые. Но все эти годы неизменным оставался и остаётся горячий интерес советских людей к этой игре.

К сожалению, история её освещена у нас ещё пока недостаточно. А между тем она знает много примеров, которым можно и должно следовать, которые способны увлечь молодых на новые спортивные свершения.

Прошрое... Как часто мы находим в нём неисчерпаемые духовные силы, примеры и подвиги, зовущие вперёд, вдохновляющие молодёжь. Уверен, что книга "Первые ракетки", не претендующая на историческое исследование, но вместе с тем в портретах десяти самых выдающихся теннисистов страны так или иначе затрагивающая исторические этапы развития этой игры у нас, никого не оставит равнодушным.

Знатокам и любителям тенниса некоторые имена, эпизоды из повествования могут показаться знакомыми, даже хорошо известными. Действительно, уже написали свои книги А.Дмитриева и Н.Озеров, создана повесть о Н.Тепляковой. Однако это ни в коей мере не принижает значения работы автора, которую он отдаёт сегодня на суд читателей. А.Ангелевич взял на себя труд большой сложности – воссоздать творческие портреты наиболее ярких чемпионов советского тенниса – и, по-моему, хорошо справился с поставленной задачей. Собранные воедино, объединённые чёткой авторской позицией, осмысленные в динамике своего развития, эти биографии приобретают особое звучание, особый, не оставляющий никого равнодушным смысл. Они заставляют по-новому оценить отдельные периоды истории советского тенниса, увидеть действительные – яркие, достойные – достижения наших ведущих мастеров, советской школы тенниса, выдвинувшей из своей среды целую плеяду выдающихся мастеров и педагогов.

С удовольствием представляю читателям книгу А.Ангелевича, к слову сказать, активного работника Всесоюзной федерации тенниса, почётного судью СССР по спорту. Книгу, написанную с теплотой с позиции исключительно доброго отношения к прошлому, искрящуюся оптимизмом. Она зовёт к новым успехам отечественного тенниса и заставляет верить в то, что они будут. Обязательно будут!

Борис Волинов
*лётчик-космонавт СССР,
дважды Герой Советского Союза,
председатель Федерации тенниса СССР*

Глава первая ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ

Автор приглашает вас, друзья-читатели, в чудесный мир большого тенниса.

"Мир тенниса",... Наверно, это сказано точнее, чем просто – теннис. Именно мир со своей историей, со своими традициями, своеобразными законами, героями, неудачниками... Мир порой неизвестный и загадочный.

Исследователи обнаружили истоки тенниса ещё в Древнем Риме и даже у египтян. Но совершенно достоверно, что игра в маленький мяч, который перебрасывался поначалу ладонями, уже в XIII веке была широко распространена во Франции и называлась "же де пом". В 1480 году правивший в ту пору страной Людовик XI распорядился, чтобы мяч для этой игры, который первоначально делался из кусков материи или конского волоса, был покрыт сверху кожей и шерстью.

Реакция на это нововведение последовала немедленно: игроки надели кожаные перчатки. Затем кто-то попробовал отражать мяч не ладонью, а широкой палкой. Наконец, в XVI веке впервые появились ракетки, натянутые верёвками. В Париже один за другим возникали специальные залы для этой игры. Они оборудовались с большой роскошью и назывались "трипо". Залы эти никогда не пустовали. Английский путешественник того времени писал, что "во Франции больше игроков ладонью, чем на британских островах – пьяниц".

Но вскоре игра перекинулась и в Англию, где она получила имя, под которым осталась навсегда, – теннис. Хорошо известно – об этом свидетельствуют учёные труды историков и романы виднейших литераторов, что в этой игре находили забаву и Генрих VIII, и многие из Людовиков, и другие сиятельные вельможи, приближенные к их дворам.

Первый в истории печатный рассказ о теннисном матче поместил в начале прошлого века английский журнал "Спортинг мэгэзин". В дошедшем до нас лаконичном отчёте говорилось следующее: "Кошелёк в 100 гиней разыгрывался в мае 1816 Года Коксом, мастером теннисного корта Лондона, и Маркезио, сыном Маркезио, мастером теннисного корта Турина"... Как видим, профессиональные тенденции сопутствовали этой игре едва ли не с первых дней её рождения.

В этом нет ничего удивительного: ещё короли и вельможи XIII-XIV веков выигрывали и проигрывали друг другу большие суммы. Игра шла, как правило, на крупную монету в 60 су, называвшуюся в обиходе "коронай". Она разменивалась на четыре меньших, по пятнадцати су, которые и являлись, очевидно, стоимостью каждого из четырёх решающих ударов. Вот эта система борьбы "на интерес" и определила навсегда существо пятнадцатибальной системы теннисного счета, оставшейся неизменной до сих пор.

Однако вернёмся к упомянутому в названном нами выше отчёте – Коксу. Он, как утверждают журналисты той поры, звался в простонародье Старым Коксом (его настоящее имя было Филипп) и считался лучшим теннисистом своего времени. О его мастерстве складывались легенды, его игра привлекала множество зрителей. 25 июля 1819 года Старый Кокс в матче, длившемся два дня, блистательно доказал своё превосходство над не менее знаменитым чемпионом Франции Шарьером. Затем ещё в течение десяти лет он не знал поражений на корте. Но всё проходит в этом мире. Летом 1829 года солнце его славы зашло: Филипп был разбит французом Эдмоном Барром. Впоследствии за этим атлетом с берегов Сены утвердился авторитет величайшего игрока старого тенниса.

И, действительно, до шестидесяти лет Барр не имел, по существу, равных соперников. О его силе и непроходящем мастерстве свидетельствует такой факт. Когда Эдмону пошёл седьмой десяток, на горизонте появилась новая восходящая звезда тенниса – юный англичанин Томпкинс, который начал публично похвалиться, что побьёт великого ветерана. Француз послал ему приглашение прибыть в Париж, но самонадеянный соперник проигнорировал его. Тогда Эдмон сам пересёк Ла-Манш на паруснике, носившем почти символическое для данного случая название – "Ватерлоо".

Встреча между непримиримыми соперниками была назначена в пятнадцать сетов. Барр был уверен, что он и на этот раз победит, но когда началась борьба, великий француз понял, что несколько переоценил свои силы и недооценил соперника.

Но сдаваться он не собирался. Одним словом, матч Барр – Томпкинс длился пять дней и был, в конце концов, прерван при ничейном счёте. Этот поединок стал, по выражению Анри Коше, "одной из самых красивых и незабываемых легенд старого тенниса".

Жизнь вносила свои коррективы в игру, меняла её характер и облик. Дело в том, что ещё в прошлом веке англичанин, майор индийской службы Уолтер Уинкфилд, отталкиваясь от правил старого тенниса, предложил новую игру, доступную как мужчинам, так и женщинам любого возраста. 24 февраля 1874 года британский офицер получил патент на эту игру, названную им "сферистикой". Площадка для неё от сетки к задней линии расширялась, поле подачи, как и в старом теннисе, было обозначено только на одной её половине.

Прошёл всего лишь год, и "сферистикой" заинтересовались два ведущих крикетных клуба Лондона. Правила новой игры были ими дополнены, изменены, и после этого она стала называться "лаун-теннис", что в дословном переводе означает "теннис на лужайке" или

"травяной теннис". Этим подчёркивалось, что в лаун-теннис играют на траве под открытым небом (в старый теннис играли, напротив, только в залах и на деревянном полу), Со временем, как известно, стали играть и на земляных, асфальтовых, бетонных площадках, а затем и на крытых кортах с земляным, деревянным или пластиковым покрытием. И мы уже больше никогда не говорим "лаун-теннис", а просто – "теннис". Но играем точно по тем самым правилам, которые были выработаны немногим более ста лет назад. И первый официальный турнир, с которого исчисляется "чистая" история современного тенниса, состоялся в июне 1877 года на новых площадках Всеанглийского крокет-клуба в Уимблдоне.

Прошло совсем немного времени, и мир стал свидетелем явления столь грандиозного, сколь и прекрасного – возрождения духа и смысла греческих олимпиад и воплощения их в олимпиады современности. Право и честь провести у себя первую Олимпиаду наших дней было предоставлено Греции – стране, на земле которой ещё в далёкой древности родилось это великое и ни с чем не сравнимое чудо, имя которому – олимпийские игры.

5 апреля 1896 года в Афинах состоялось их торжественное открытие. Церемония привлекла невиданное по тем временам число зрителей – 80 000! Был спет гимн композитора Замара, прогремели пушечные залпы, взлетели в бездонное голубое небо голуби мира, и состязания, прерванные тысяча пятьсот три года назад, пробудились к новой жизни, стали её реальностью.

В программе I Олимпийских игр современности было всего девять видов спорта, и среди них достойное место занял теннис. Это достаточно красноречиво говорит о его размахе и популярности в ту пору. Вот интересные факты, подтверждающие это. Соревнования по греко-римской борьбе привлекли 5 участников из 4 стран, по фехтованию – 6 участников из 3 стран. Турнир теннисистов привлёк 13 спортсменов, представлявших Великобританию, Германию, Грецию и Францию. Как видим, представительство для той поры вполне солидное.

В дни своего олимпийского дебюта теннисисты оспаривали медали в двух разрядах. Героем турнира стал англичанин Дж.Болэнд. Он победил в одиночном разряде, выиграв в финале у представителя Греции Д.Касаглиса – 7:5, 6:4 и 6:1. Второй успех он разделил с немцем Фрицем Трауном, победив в парном разряде греческую пару Касдаглис-Петрококкинос – 6:2, 6:4.

Уровень соревнований теннисистов уже тогда, по свидетельству очевидцев, был достаточно высок. Дж.Болэнд, высокорослый, отлично сложенный атлет, проявил себя великолепным игроком. Сильная подача, хорошее чувство ситуации, большая подвижность давали ему значительное преимущество перед всеми остальными участниками.

Через четыре года олимпийцы планеты собрались в Париже. Одновременно с Играми в этом великолепном городе проходила Всемирная промышленная выставка, привлёкшая большое число туристов Старого и Нового Света. Разумеется, подавляющее большинство среди них составляли представители имущих классов – отпрыски императорских и королевских семей, высшие государственные чиновники, фабриканты, финансисты, бизнесмены... Они проявили особый интерес к турниру теннисистов, и трибуны вокруг олимпийского корта, рассчитанные на 12 000 зрителей, были, как сообщала пресса, всегда заполнены.

Состязания завершились полным и безоговорочным триумфом англичан. В одиночном разряде в финал вышли представители этой страны Хью Лоуренс Дохерти и Саймон Махони. Как свидетельствовали английские журналисты, их поединки на родине протекали необычайно остро, продолжаясь порой по пять-шесть часов. Но в Париже Лоуренс победил довольно легко (6:4, 6:2, 6:3), а главное, необыкновенно красиво. Публика буквально влюбилась в него и называла ласково – Лори.

Вместе со своим братом Реджинальдом Дохерти он первенствовал в парном мужском разряде, а в смешанном – с прекрасной соотечественницей Шарлоттой Купер, выигравшей перед этим одиночный женский разряд у француженки Симоны Прево – 6:4, 6:2. Между прочим, Купер занимает особое место в летописи олимпиад. Она первая в их истории женщина-чемпионка. В столице Франции она доказала, что "слабый пол" вполне освоился с теннисом и может демонстрировать игру самого высокого класса.

Хочу вернуться к братьям Дохерти. Они первые и пожалуй, единственные из олимпийцев, оставившие глубокий, яркий след в мировом теннисе. Достаточно сказать что братья в общей сложности побеждали в Уимблдоне девять раз! Большой До, как называли старшего, Реджинальда, любил играть, держа ракетку двумя руками Именно от него пошёл в мировом теннисе "пушечный удар". Лоуренс отличался крайне агрессивной манерой ведения игры, был очень подвижен и, казалось, неутомим. Маленький До, по мнению такого авторитета, как знаменитый французский мастер двадцатых и тридцатых годов Анри Коше, являлся самым элегантным игроком за всю историю тенниса.

В паре братья Дохерти выигрывали турнир в Уимблдоне восемь раз! Теннисный судья и публицист доктор Пирс писал в период расцвета их карьеры: "Дохерти прекрасно разработали свою совместную игру во всех деталях, и прямо жутко становится, глядя, как точно переходят они с места на место".

Олимпийские игры 1904 года проходили в американском городе Сент-Луисе, где, как и в Париже, обосновалась Всемирная выставка. Из-за дальности расстояния и высокой стоимости проезда на соревнования прибыло крайне ограниченное число спортсменов с других континентов. В теннисном турнире участвовали только хозяева. В мужском разряде высокий класс показал двадцатитрехлетний Бильс Райт, сразивший мощной напористой игрой своего соотечественника, неоднократного чемпиона США Роберта Лероя – 6:4, 6:4. Вторую победу Райт одержал в мужском парном разряде, где выступал вместе с Вильямом Леонардом.

Столицей следующей Олимпиады стал Лондон. В её программе прекрасная игра была представлена так широко, как никогда прежде. Первенство было разыграно в Же де Пом (полное название – "Жё де ля курт Пом"). Сам теннис присутствовал на Олимпиаде в виде двух самостоятельных турниров – на кортах и в зале. В обоих участвовали мужчины и женщины, а первенство разыгрывалось в одиночном и парном разрядах. Как пишет один из видных исследователей олимпийского движения Кук, "это был настоящий праздник тенниса, и ни одно соревнование по программе Олимпиады не привлекло большего внимания, чем встречи мастеров ракетки". О характере представительства можно судить по тому, что только первенство в мужском одиночном разряде оспаривал 31 участник из 9 стран мира.

Не меньший интерес вызвали теннисные соревнования и в Стокгольме в 1912 году. Казалось, процветанию этой игры под сенью пяти колец ничего не угрожает. Но в дело вмешался исторический парадокс. Первая после мировой войны 1914 года и VII по официальной нумерации Олимпиада 1920 года избрала своей столицей Антверпен. В ту пору президентом МОК и президентом Международной федерации тенниса были представители Бельгии. Казалось, – лучше не придумаешь. Однако, на беду, два джентльмена, занимавшие эти высокие посты, оказались в глубоком, непримиримом личном конфликте.

- На нынешней Олимпиаде мы участвовать не будем, – заявил президент теннисистов. И этот его шаг дорого обошёлся представителям маленького мяча. Выпрыгнув однажды из олимпийского поезда, они не садились в него более 60 лет, пропустив ни много ни мало полтора десятка олимпиад. И только начиная с 1988 года теннис восстанавливается в правах и возвращается в олимпийскую семью.

Правда, теннисистам скучать не приходилось: к их услугам огромное число турниров самого различного ранга. Но вот парадокс: в теннисе, одном из древнейших видов спорта, не разыгрываются официальные чемпионаты мира. Авторитет сильнейшего игрока планеты завоёвывается иным путём. Он приходит к тем, кому удаётся преодолеть сложный барьер крупнейших, наиболее престижных международных состязаний, собирающих под свои знамёна поистине всех "звёзд".

Фундамент главных соревнований мирового теннисного календаря сложился ещё в начале нынешнего века и за восемь десятилетий не претерпел сколько-нибудь существенных изменений. И в этом "консерватизме", несомненно, есть своя прелесть – прелесть постоянства, стройности системы. Как же она выглядит?

Уже в январе, когда в Европе и Америке холод загоняет мастеров ракетки в залы и Дворцы спорта, на ослепительно зелёных площадках под небом Южного полушария разыгрывается открытое первенство Австралии. Затем в мае на грунтовых кортах фешенебельного парижского стадиона Ролан-Гаррос сильнейшие оспаривают открытое первенство Франции, в июне – открытое первенство Англии, широко известное под именем Уимблдонского турнира, и, наконец, в сентябре – открытый чемпионат США.

Каждое из этих четырёх соревнований собирает самых выдающихся мастеров ракетки, победа или даже участие в любом весьма престижны, но все-таки среди них своим авторитетом, традициями, значением особо выделяется Уимблдонский турнир.

Вот уже более ста лет подряд (исключая лишь военные годы) на площадках Уимблдона собирается весь цвет мирового тенниса. Утверждают, что правила и система проведения турнира за этот немалый срок не претерпели фактически никаких изменений. Англичане бережно охраняют его традиции. Всё здесь отработано до мелочей, расписано по минутам и повторяется с завидной пунктуальностью из года в год.

Турнир Уимблдона начинается в третий понедельник июня и заканчивается в первую субботу июля. Первый день – мужской. Ровно в 14 часов на центральный корт выходит прошлогодний победитель, а в случае его отсутствия – финалист, и соревнование считается открытым. Без каких-либо речей, без труб и барабанов.

Первенство Уимблдона... Однажды побывав на нём, вы навсегда знаете его регламент. Можно предугадать всё начиная от формы судей и мальчиков, подающих мячи, кончая ежедневным меню для участников и программой их отдыха. И только одного никогда нельзя знать заранее – кто победит. История Уимблдона богата сенсациями, волнующими и поистине незабываемыми поединками, рассказы о которых ещё долго передаются из уст в уста.

Вспоминается, например, как в 1963 году австралиец Эмерсон, названный всеми обозревателями теннисистом номер один, проиграл Бунгерту – спортсмену из ФРГ, не попавшему при предварительном рассеивании участников даже в восьмёрку сильнейших. Бунгерт действительно был классом ниже Эмерсона, но к турниру он пришёл в блестящей форме, а в тот памятный день был, как говорится, ещё и в ударе. У Эмио – так называли австралийца все теннисисты мира – игра явно не шла. То есть не то чтобы не шла в обычном нашем понимании. Нет, Эмио играл великолепно, дай бог так играть каждому, и всё же чуть хуже, чем всегда и чем полагалось звезде первой величины. И хотя, конечно же, он страстно хотел выиграть, но поделаться с агрессивным, честолюбивым соперником ничего не мог и выбыл из соревнования. Это поражение фаворита номер один долго обсуждалось мировой спортивной прессой.

Ещё более неожиданное событие произошло в 1966 году. Кому не известно имя Маргарет Смит? Она сразу вошла в большой теннис, одержав несколько триумфальных побед, в том числе две из них – в 1963 и 1965 годах – на Уимблдонском турнире. Всем казалось, нет – все были просто уверены, что звезда Смит зажглась надолго. Высокая, стройная, отлично физически подготовленная, она неизменно демонстрировала лучшие черты австралийской национальной школы: очень сильный крученный удар справа, точный резаный слева и сильную мужскую подачу, которая на "быстрых" травяных кортах Уимблдона давала ей ещё один важный козырь в борьбе с соперницами.

В 1966 году никто из маститых не надеялся выиграть у Смит. Но вот во втором круге против неё вышла Билли-Джин Моффит из Калифорнии, новичок этого турнира. Рыженькая, коренастая, в очках, она в сравнении со Смит выглядела жалким мышонком, брошенным на растерзание кошке. Но Моффит довольно быстро доказала своё превосходство.

На корте в тот день творилось что-то невероятное. Билли-Джин молнией носилась по площадке. Она вытягивала самые безнадежные мячи, эффектно играла у сетки, сильно била и слева, и справа, противопоставив великолепной технике Смит не менее великолепные скорость и резкость. Словом, за полтора часа она разрушила все прогнозы, все надежды и преподнесла сенсацию номер один, по крайней мере за все послевоенные годы.

Да, Уимблдон всегда полон неожиданностей – больших и маленьких. Интерес любителей тенниса к нему огромен. Уже в феврале все билеты на трибунах бывают распроданы. Вернее, разыграны в своеобразной лотерее. Счастливики затем спокойно ожидают начала игр, те же, кому не повезло, в дни турниров фактически переселяются на стадион. Всякий раз, уезжая вечером с кортов, можно увидеть, как они, эти неистовые болельщики, вооружившись спальными мешками, плащами, термосами, пакетами с бутербродами, устраиваются ночевать под забором теннисного клуба, ибо это единственный способ на следующий день попасть по входным билетам на стоячие места.

Интерес этот вполне понятен и оправдан. Ведь через Уимблдон обязательно проходят все истинно великие игроки. Да просто игрок никогда не будет признан великим, если не сыграет и не победит здесь.

В самом деле, история восхождения ярчайших теннисных "звёзд" – это история их побед на кортах столицы Англии. В начале 90-х годов прошлого века здесь доминировали "хозяева" – Уилфред Баддели и Джошуа Пим. Особых успехов в ту пору добивается Баддели, который становится победителем в одиночном разряде в 1891, 1892 и 1895 годах. Причём, первый раз успех пришёл к нему в 19 лет и дал ему славу самого молодого чемпиона Уимблдона в мужском одиночном разряде. Этот "рекорд" англичанина не побит до сих пор и, как считают многие специалисты, ещё непременно отпразднует своё столетие.

Потом наступила "эра братьев Дохерти", о которых вы уже знаете как о чемпионах III летних Олимпийских игр в Париже. Но слава и достижения их значительно шире. Их теннисный тандем господствовал на кортах мира целое десятилетие – с 1897 по 1906 год. За свою блистательную карьеру старший из братьев – Реджинальд – побеждал в одиночном финале Уимблдона четыре раза, а Хью – пять раз и восемь раз они побеждали семейным дуэтом в парном разряде.

Уход братьев Дохерти из большого тенниса положил конец монополии англичан в этом виде спорта.

У нас нет никакой возможности хотя бы перечислить всех героев Уимблдона. Укажем лишь самых ярких, самых значительных из них. Навсегда оставили свой неповторимый след в истории мирового тенниса австралиец Н.Брукс (победитель Уимблдона в 1907 и 1914 гг.), американец У. Тилден (1920, 1921 и 1930 гг.), знаменитые "мушкетёры" из Франции Ж.Баротра (1924 и 1926 гг.), Р.Лакост (1925 и 1928 гг.), А.Коше (1927 и 1929 гг.), англичанин Ф.Перри (1934, 1935 и 1936 гг.), австралийцы Л.Хoad (1956 и 1957 гг.), Р.Эмерсон (1964 и 1965 гг.), Д.Ньюкомб (1970 и 1971 гг.), чех Я.Кодеш (1973 г.), американцы Д.Коннорс (1974 и 1982 гг.), А.Эш (1975 г.), Д.Маккинрой (1981, 1983 и 1984 гг.) и, наконец, "чемпион чемпионов" Уимблдона швед Б.Борг, побеждавший здесь пять лет подряд (с 1976 по 1980 г.).

На берегах Темзы родилась и блистала слава многих выдающихся теннисисток. Это англичанки Ш.Дод (1887, 1888, 1891, 1892, 1893 гг.) и Б.Бингли Хильярд (1886, 1889, 1894, 1897, 1899, 1900 гг.), англичанка Д.Дуглас Ламберт-Чамберс (1903, 1904, 1906, 1910, 1911, 1913, 1914 гг.), француженка С.Ленглен (1919, 1920, 1921, 1922, 1923 гг.), американки Э.Уилс-Муди (1927, 1928, 1929, 1930, 1932, 1933, 1935, 1938 гг.), Л.Браф (1948, 1949, 1950, 1955 гг.), М.Коннолли (1952, 1953, 1954 гг.), Б. Кинг (1966, 1967, 1968, 1972, 1973, 1975 гг.), И.Гулагонг (1971 и 1980 гг.), К. Эверт (1974 и 1976 гг.)... За каждым из этих имён стоит подлинное чудо спортивного мастерства, смелого новаторства, мужества, преданности игре и непревзойдённого трудолюбия. Эти спортсмены и многие другие, здесь не названные, оставили о себе память своими прекрасными победами в открытых чемпионатах Австралии, Франции, США.

"А можно ли в течение одного года победить во всех этих четырёх главных турнирах одновременно?" – вот вопрос, который начал волновать мировую общественность и умы самых прославленных мастеров ракетки. Ещё тридцатые годы нашего века к осуществлению мечты победить во всех четырёх соревнованиях и завоевать самый почётный приз мирового тенниса – "Большой шлем" – были вроде бы совсем близки такие гроссмейстеры корта как американец Элсворт Вайнс, австралиец Джек Крауфорд и англичанин Фред Перри, но каждый раз они спотыкались на каком-то из <препятствий>. Наиболее близко продвинулся к желанной цели Джек Крауфорд. В 1933 году он с блеском выиграл Уимблдонский турнир завоевал лавры чемпиона Австралии и Франции, вышел в финал чемпионата США, но тут...

уступил под ударами соперника. Комментируя его трагедию, газета "Нью Йорк тайме" устами своего теннисного обозревателя У. Тиллена провозгласила: "Большой шлем" – это крепость, которая была и останется неприступной. Взять её штурмом – выше человеческих сил". Однако известный знаток тенниса оказался плохим провидцем. Прошло всего пять лет после сделанного им заключения, и "неприступная" крепость пала.

Человеком, свершившим это "чудо", стал 23-летний американец Дональд Бадж, обладавший виртуозной теннисной техникой и весьма своеобразной тактикой. "Страшный" по силе удар справа, идеально отработанный удар слева, резкая, хорошо пассивированная подача, фактически безошибочная игра с задней линии и уверенная игра с воздуха – всё это повергало самых сильных и опытных соперников. И вот в 1938 году он совершает великий спортивный подвиг – выигрывает "Большой шлем". Когда произошло это знаменательное событие, многие специалисты считали, что повторить его невозможно. Но это сделал австралийский спортсмен Лэйвер.

Сравнение мастерства теннисистов разных эпох и поколений – задача столь же трудная, сколь и неблагодарная. И всё же, если бы когда-нибудь пришлось составлять десятку самых выдающихся мастеров за всю историю тенниса, то её бы, несомненно, возглавил австралиец Родни Джордж Лэйвер. Подавляющее большинство знатоков справедливо считает его самым талантливым и техничным игроком всех времён и народов.

Все, чего достиг Лэйвер, все, чем он обладал – и богатый арсенал ударов, и редчайшее мастерство их исполнения, и тонкая тактика, – явилось результатом огромного повседневного труда.

Думается, современные тренеры дважды задумались бы прежде чем взять к себе в группу маленького, слабенького, рыжеволосого мальчугана с впалой грудью, каким был Родни в детстве. Единственно, что уже тогда подкупало в нём, – это спокойствие и уверенность в себе. Он вставал ежедневно в пять утра и приступал к тренировкам. Последняя из них часто заканчивалась поздно вечером.

В тринадцать лет "гадкий утёнок" выиграл первенство Австралии среди школьников, что уже само по себе было серьёзным достижением. Вскоре его взял под свою опеку знаменитый тренер Гарри Хопман, который сразу же подметил у ученика хорошую работу ног и поразительное владение всеми ударами из арсенала современного тенниса. В 17 лет Лэйвер выигрывает юношеский чемпионат Кливленда, годом позже становится второй ракеткой страны среди юниоров. Его подключают к тренировкам и выступлениям за сборную, куда в ту пору входили ли такие знаменитости, как, например, Розуол.

Началось восхождение – постепенное, но довольно уверенное. В 1959 и 1960 годах Род, как его называли сокращённо, становится финалистом Уимблдона, в 1961-м – победителем, – а в 1962-м завоёвывает "Большой шлем", чего, к слову сказать, никогда не смог добиться его кумир – Хоад. Поднявшись на все возможные вершины, он... перешёл в профессионалы, которые тогда были отгорожены непроницаемым барьером от любителей. (Сейчас эти суровые законы смягчены, любители и "профи" часто встречаются и спорят, как говорится, под одной крышей).

Хотя уход Лэйвера был огромной потерей для любителей, все восприняли его как нечто естественное и закономерное. А он был вне себя от радости. "Я счастлив, – говорил Род, – я безумно люблю теннис. Это моя жизнь. Но мне ещё многое нужно улучшить. В любительском теннисе это уже невозможно".

Его мастерство росло год от года, и в конце концов он становится лидером и в новой компании. Но и этим блестящая карьера Лэйвера не завершается. В 1968 году профессионалов допускают к участию в турнирах любителей, и Род в третий раз выигрывает Уимблдонский турнир, а в 1969 году удивляет и восхищает весь теннисный мир, вновь завоевав "Большой шлем", и впервые в истории становится двукратным обладателем этого достигаемого для многих приза.

У женщин его владелицами были американка М.Конноли (1953 г.) и австралийка М.Смит-Корт (1967 г.). О них нельзя не рассказать особо.

Моурин Конноли. Это имя в женском теннисе звучит так, как в мужском имя Лэйвера. Виднейшие специалисты считают её самой одарённой и яркой представительницей своего вида спорта. Она впервые заставила говорить о себе ещё в 1951 году, когда завоевала звание чемпионки США в одиночном разряде. Тогда ей едва исполнилось 16 лет. Затем она три года подряд выигрывает Уимблдонский турнир и в 1953 году первой среди женщин становится обладателем "Большого шлема". Моурин известна как спортсменка огромной силы воли, решительности, высоких бойцовских качеств. В период наибольшего расцвета своего таланта она потерпела более чем в 150 матчах лишь одно поражение, да и то в одном из второразрядных турниров в Калифорнии.

Спортивную карьеру этой выдающейся теннисистки оборвал нелепый случай – серьёзная травма ноги, полученная при неудачном падении с лошади. В ту пору Моурин исполнилось всего 20 лет, и она могла бы ещё долго блистать на кортах всех стран и материков.

Не менее блистательна судьба и Маргарет Смит-Корт. В семнадцать лет она стала чемпионкой Австралии, победив знаменитую М.Буэно. Затем дважды выигрывала Уимблдон – в 1963 и 1965 годах. На следующий сезон Маргарет фактически прекращает выступать, через три года выходит замуж, а в 1970-м потрясает всех знатоков вернувшись на корт, она становится второй в истории мирового тенниса спортсменкой, добывшей "Большой шлем".

После этой великолепной победы Корт готовилась стать матерью. Поклонники её необыкновенно яркого дарования были уверены, что на этот раз расстанутся со своей любимицей навсегда. И снова она поразила воображение, не только вернувшись в спорт, но сумев в 1973 году вновь стать первой в мировой классификации. Она осталась в памяти всех блестящим мастером, исповедующим атлетический теннис, с мощной, почти мужской игрой. На её лицевом счёту три личные победы в Уимблдоне, четыре – в парном разряде, пять – в смешанном, выигрыш "Большого шлема", пять побед на открытых чемпионатах США, звание одиннадцатикратной чемпионки Австралии и много других высоких званий и по чётным титулов. Шесть раз за свою сравнительно недолгую карьеру она возглавляла десятку сильнейших теннисисток мира.

В 1972 году родилось марафонское по продолжительности соревнование для мужчин, названное "мировым чемпионатом", хотя оно и не объявлено официально таковым Международной федерацией тенниса. Оно проходит ежегодно почти без перерывов в течение примерно четырёх месяцев (с января по первую половину мая) и собирает всех сильнейших мастеров, как любителей, так и профессионалов. По пути мужчин тут же пошли и представительницы "слабого пола", для которых было учреждено аналогичное соревнование, которому дали романтическое название – "Шлем Вирджинии" (сейчас у него новое имя – "Авон"). В них блистали такие выдающиеся мастера, как Д.Ньюкомб (Австралия), А.Эш, Д.Коннорс, Д.Макинрой (все – США), Б.Борг (Швеция), а у женщин Б.Кинг, К.Эворт (обе – США), И.Гулагонг (Австралия), О.Морозова (СССР)...

Право, все многочисленные соревнования, которыми насыщен мир большого тенниса, и не перечислишь. Есть в нём наряду с личными и несколько командных турниров. Наиболее известен и престижен среди них Кубок Дэвиса.

В прежние времена команды сначала играли в зонах, затем встречались между собой победители зон. И, наконец, только одна, лучшая, команда удостоивалась права играть с командой – обладательницей Кубка в так называемом "защитном круге".

В 1972 году правила розыгрыша этого популярнейшего приза существенно изменились. Отменено право победителя предыдущего года играть в финале так называемый "защитный круг" против победителя всех отборочных соревнований. Отныне обладатель Кубка Дэвиса включается в очередное состязание на равных правах со всеми участниками.

Сам турнир стал проводиться в более сжатые сроки. Как и прежде, команды – участницы распределяются по зонам на основе географического принципа, а вот внутри зон они теперь делятся на три группы – слабую, среднюю и сильную. Определён строгий регламент хода борьбы. Так, ещё осенью, накануне очередного сезона, проводится первый круг соревнований, в котором участвуют

самые слабые команды. Во втором круге в дело включаются средние по силам сборные и лишь в третьем – сильнейшие. А в четвёртом круге – группа финалистов зон предыдущего сезона.

Это новшество, введённое Международной федерацией исключило встречи различных по классу команд и сделало все матчи на Кубок Дэвиса ещё более интересными. Разрешено проводить встречи на площадках с любым покрытием, в том числе и на площадках "под крышей" И, наконец, в команды открыт доступ профессионалам, что, естественно, сразу подняло спортивный уровень соревнования.

За всю историю Кубка Дэвиса его владельцами чаще всего были команды США и Австралии. На протяжении долгих лет спор за победу шёл, по существу, лишь между ними. Однако их монополии, похоже, пришёл конец В 1975 году победу в турнире одержала сборная Швеции, возглавлявшаяся знаменитым Боргом, в 1976-м – сборная Италии, а в 1980 году – молодая команда Чехословакии. Заметно сдали свои позиции австралийцы. А американская команда по-прежнему остаётся здесь грозной силой. В 1982 и в 1983 годах она вновь выиграла этот почётный трофей. А 1984 год ознаменовался великолепной победой молодой команды Швеции, одолевшей американцев.

История тенниса в нашей стране начинает свой отсчёт с 28 августа 1878 года – дня, когда в Петербурге по окончании Всероссийской теннисной ярмарки был принят "Манифест о всемерном развитии лаун-тенниса в России" Примерно в это же время при Санкт-Петербургском крикет-клубе появилась первая теннисная секция. За первой ласточкой последовали другие, стали организовываться специализированные клубы. В 1907 году состоялся первый чемпионат России, победителем которого стал петербуржец Г. Брей. Пять лет спустя соревнованиям был придан открытый характер, и на берегах Невы стали наведываться иностранные мастера – из Германии, Франции, Англии.

Если спорт в царской России был уделом представителей имущих классов, забавой и утехой избранных, то к теннису это относится вдвойне. Мир его был обособленным миром спортсменов из имущих классов.

Передо мной журналы той давней поры "Лаун-теннис" и "Ежегодник Всероссийского союза лаун-теннисных клубов". Почти на каждой их странице встречаешь имя Михаила Сумарокова, его фотографии, отчёты о проведённых им встречах. И это понятно: именно с этого человека, тогда студента Петербургского университета, молодого графа Сумарокова-Эльстон, началась истинная история русского тенниса. Он, четырёхкратный чемпион России в одиночном разряде, изумлял своей совершенной по тем временам игрой, "бил" на корте всех иностранных мастеров, приезжавших к нам в страну, участвовал в Олимпийских играх 1912 года и, хотя не снискал славы их победителя, представил наш спорт вполне достойно. Во втором круге олимпийского турнира Сумароков блестяще обыграл непобедимого в Швеции чемпиона Сеттерваля (6:3, 6:3, 11:13, 6:2), а в третьем круге с минимальным счётом уступил второй ракетке Германии Крейцеру. Комментируя выступление нашего чемпиона на кортах шведской столицы, "Ежегодник Всероссийского союза лаун-теннисных клубов" писал: "По мнению большинства зрителей, без различия национальностей, и по отзывам печати, класс и поразительный блеск игры Сумарокова превосходили всё виденное в Стокгольме и ставят его на одно из первых мест среди игроков всего мира".

Выделялись своим мастерством и другие русские теннисисты, из которых в первую очередь следует назвать А.Аленицина, Л.Урусова, Б.Струкова, А.Васильева, В.Косякова, Н.Коробова, братьев В. и Е.Вербицких, М. и А.Успенских, многократную чемпионку страны Н.Мартынову... В 1914 году в командном матче Россия – Франция убедительную победу со счётом 10: 2 сдержали спортсмены нашей страны. Комментируя событие, журнал "Лаун-теннис" отмечал: "Одержанный успех позволяет надеяться, что игра эта обретёт себе новых поклонников и приобретёт более массовый, нежели сейчас, характер".

В царской России это было абсолютно невозможно. Но пора, когда теннис превратится в народную игру, была уже не за горами.

Глава вторая НА СТЫКЕ ЭПОХ

В августе 1975 года, во время проведения Московского международного теннисного турнира, на второй тумбочке пьедестала почёта стояла его победительница в женском одиночном разряде заслуженный мастер спорта Ольга Морозова, а на самой вершине, счастливая и смущённая, устроилась Софья Васильевна Мальцева, которой в те дни исполнилось восемьдесят лет. Зрители заполнившие трибуны, участники соревнований, судьи – все в едином порыве поднялись со своих мест, приветствуя бурной овацией старейшую теннисистку страны, одну из наших первых прославленных чемпионки.

В адрес юбиляра было произнесено тогда много самых тёплых, искренних слов. Отвечая на добрые приветствия, Софья Васильевна сказала:

- Друзья! Когда я смотрю на нашу молодёжь, на то какие исключительные условия предоставлены ей для занятий физической культурой и совершенствования в спорте, мне хочется кричать на всю страну: "Дорогие девушки и юноши, цените это сказочное богатство, которое дала вам наша Советская власть. Нам, чьё детство прошло при царизме, о подобном даже и не мечталось. Это говорю вам я – одна из тех, кому выпало стоять на стыке двух веков и увидеть своими глазами два мира."

Её семья жила в Петровско-Разумовском, где в ту пору размещалась сельскохозяйственная Академия. Сейчас это едва ли не один из самых центральных районов столицы, раскинувшийся в нескольких минутах ходьбы от станции метро "Динамо", а тогда это был дальний пригород второй столицы России. Чудесный парк с вековыми деревьями, свежий воздух, простор необжитых человеком мест располагали к движению, к активному действию. И молодёжь, проживавшая здесь, особенно из числа "академиков", жадно тянулась к тому, что мы называем сейчас физической культурой. Но начальство и слышать о подобных "глупостях" не хотело. Только после многократного требования студентов и при их самом непосредственном участии было сооружено на одной из заповедных полян футбольное поле. На нём и началась спортивная биография Мальцевой.

Софья Васильевна до сих пор бережно хранит выцветшую фотографию десятых годов, на которой запечатлена женская футбольная команда Московского кружка любителей спорта: одиннадцать гимназисток в матросских блузках, в коротких суконных брючках и в скороходовских туфлях на низком каблуке. В этой команде Софья Мальцева исполняла две роли – капитана и центр-форварда. Сколько было окрыляющих побед, огорчающих поражений, заставлявших лучше тренироваться и мечтать о реванше!

Прошло некоторое время, и неподалёку от футбольного поля энтузиасты соорудили общественную теннисную площадку: пыльный, покрытый кочками корт, за которым никто не ухаживал. Вместо линий были набиты деревянные рейки. Для ограждений использовали невесть где раздобытые деревянные щиты. Но игра так понравилась Софье, что она не обращала внимания на такие мелочи, старалась использовать каждую возможность, чтобы познакомиться с таинствами тенниса, как можно скорее овладеть ими. Изредка на площадке устраивались соревнования, и тогда она стремилась быть среди зрителей, жадно, с неподдельным интересом наблюдала за игроками, училась у них.

Вот тогда-то и заразилась Мальцева любовью к спорту. Но как же тяжело было в ту пору попасть в число спортсменов. Клубы, хорошие площадки, инвентарь – всё это было только за деньги, причём большие деньги, а следовательно, доступно лишь богатым. Ну а женщинам дорога в спорт вообще была заказана.

- Господи, сколько мне пришлось выслушать предостережений только за то, что отважилась выступать на людях, спорить с такими же отчаянными девушками, какой была сама, в силе, ловкости, быстроте, – вспоминает Софья Васильевна.

- И как же вы преодолели общественное мнение? – спрашиваю я.

- Что-то уже тогда подсказывало мне: "Не обращай внимания на хулу и пересуды. Ты поступаешь правильно". И я тянулась за тремя своими братьями. Вместе с ними играла в городки, "чижика", лапту, мне хотелось попробовать себя во всем, силы бродили во мне, и физические возможности казались безграничными.

В июне 1912 года, когда в Стокгольме русские спортсмены один за другим терпели горькие поражения на V летних Олимпийских играх, Высшие женские курсы, функционировавшие в Москве, устроили в Сокольниках состязания в беге и прыжках женщин с целью "...пробудить у населения интерес к идеям физической закалки". Между прочим, это были вообще первые в истории женские легкоатлетические состязания в Белокаменной.

На старт вышло всего несколько участниц. Зато в зрителях не было недостатка: на спортсменок пришли глазеть как на чудо. Форма одежды предельно сдержанная: платья, чулки.

Софья, конечно же, не могла не принять участия в этих соревнованиях. Что-то подталкивало её на этот шаг, звало испытать свои силы.

Программа предстоящего турнира отважных фрейлин королевы спорта была предельно короткой: бег на 100 метров и прыжки в длину. В обоих видах первенствовала Софья Мальцева. Дистанцию она преодолела за 14,6 секунды, а в прыжках приземлилась на отметке 3 метра 40 сантиметров. Оба эти результата были признаны рекордами России для женщин. О них и об их обладательнице сообщили в разделе хроники крупнейшие газеты страны. Это не принесло радости Софье, ибо для девушки заниматься спортом в те годы считалось не совсем приличным. Исключение составляли лишь, пожалуй, коньки и теннис. Особенно теннис, считавшийся в ту пору игрой аристократов и пользовавшийся благосклонным вниманием властей.

Благодаря большой группе сильных мастеров во главе с Михаилом Сумароковым, игра приобретала всё большую популярность. Чемпионаты страны и другие соревнования становились крупными спортивными праздниками, а теннис завоёвывал всё больше и больше поклонников. Появлялись новые корты, главным образом в дачной местности, куда выезжали на лето представители зажиточных слоёв общества.

В 1915 году семья Мальцевых поселилась на подмосковной станции Сходня. Здесь в ту пору были два хороших корта, и поиграть на них приезжали москвичи Ульянов, Емельянов, Ферман, впоследствии ставшие довольно известными игроками. Посмотреть на их поединки собиралось немало народу, и среди зрителей всегда неизменно была Софья Мальцева. А когда состязания ведущих оканчивались, начинались встречи рангом ниже.

Но даже в часы затишья на главную площадку – пусть и совсем пустовавшую – новичков не пускали. Основной корт считался святыней, его берегли как зеницу ока. Не беда: Софья с удовольствием тренировалась на "запасном". Проводила здесь долгие часы, сражаясь со случайными партнёрами или – если их не было – отрабатывая удары у стенки.

Однажды на Сходню для проведения товарищеского матча по теннису приехала команда московского клуба "Унион", в составе которой оказалась и особа женского пола. Игра с ней входила в зачёт по обговорённым заранее условиям состязания, но об этом как-то позабыли. Срочно стали искать партнёршу для гостыи и вдруг вспомнили про девушку, которая целыми днями пропадает на кортах.

- Надо срочно послать за ней, – крикнул капитан команды дачников и вдруг услышал рядом взволнованный девичий голосок:

- Да я уже давно здесь...

Это было первое в жизни Мальцевой официальное выступление в состязаниях по теннису. Казалось, поражение во встрече со спортсменкой, представляющей известный московский клуб, неизбежно. Но отсутствие опыта, видимо, достаточно компенсировала разносторонняя, очень солидная по тем временам общефизическая подготовка. К удивлению всех присутствовавших и, прежде всего членов своей команды, Софья победила испытанную во многих турнирах соперницу с разгромным счётом – 6:1, 6:0. Этот сенсационный

результат, а главное – смелый, атакующий стиль, благодаря которому он был достигнут, во многом определили дальнейшую спортивную судьбу Мальцевой. Она получила официальное предложение вступить в члены "настоящего клуба".

А теперь нам придётся познакомиться со сравнительно небольшим уголком Москвы на севере столицы. В пору молодости Софьи он был окраинным. Но Москва раздвинулась на многие километры вширь, и сегодня здесь вознёс свои конструкции гигантский крытый стадион "Олимпийский" на 40 тысяч мест, одна из ярких достопримечательностей нашей столицы.

Но это сегодня, а в дни её юности всё здесь выглядело иначе: тишина, запустение, убогость. В скособоченном, патриархальном Самарском переулке стоял маленький уютный стадиончик – "Унион".

Много стадионов – величавых, современных – выросло теперь у нас, но Софья Васильевна, по её словам, никогда не забудет чудесный оазис физической культуры, существовавший долгие годы в Самарском переулке. Он менял своих хозяев, менял несколько раз своё название (был "Унионом", после революции нарекался "Профинтерном" и "Буревестником"), но скромно делал своё дело и на протяжении десятилетий воспитал несколько поколений столичных спортсменов. Здесь долгие годы "царствовал" прославленный чемпион мира по конькам, гордость русского спорта Николай Струнников, здесь начинали свой путь к победам многие выдающиеся сороходы, легкоатлеты, футболисты...

Старенький стадион в Самарском стал для Мальцевой настоящей школой физической культуры. О своей теннисной альмаматер Софья Васильевна до сих пор вспоминает с глубоким уважением и трогательной признательностью. В "Унионе" уровень учебно-тренировочной работы был для своего времени достаточно высок. Именно здесь впервые утвердилась, стала нормой система круглогодичной тренировки. Здесь регулярно устраивали всевозможные состязания, на которые приглашались лучшие теннисисты Москвы и Подмосковья. Мальцева выступала во всех турнирах, где для неё находились соперницы. Чаще – побеждала, случалось и уступала в напряжённой борьбе. Но её игра всегда привлекала необычайной свежестью, азартом, непредсказуемостью теннисных ходов. Ей органически были чужды как бесстрастная перекидка, так и тягостное выжидание ошибки противника. Она часто рвалась вперёд, к сетке, проявляя свою природную склонность к риску, к смелым и решительным действиям. Женщин в клубе было мало, и Мальцева нередко сражалась против мужчин, что, несомненно, наложило определённый отпечаток на её игровой почерк.

Осенью 1916 года для популяризации тенниса среди "слабого пола" и привлечения в клуб нового контингента занимающихся руководство "Униона" впервые устроило розыгрыш первенства клуба среди женщин. Оспаривать его вышли всего пять участниц. Турнир проводился по круговой системе, и Мальцева, выступавшая с большим подъёмом, победила всех своих соперниц. Но этот успех не принёс ей славы. Газета "Русское слово" писала:

"В женских соревнованиях для выявления сильнейших теннисисток "Униона" участвовало пять претенденток. Всеобщее же мнение таково, что лучше бы их не было вовсе".

Подобное выступление в печати могло отбить охоту заниматься спортом у кого хочешь, но Мальцеву оно не остановило. Очарование большого тенниса окончательно покорило её, а "Унион" стал вторым домом. Здесь ждали не только увлекательные поединки на корте, но и встречи с интересными людьми, радость всевозможных открытий и увлечений, здесь освежал вольный ветер бурной общественной деятельности: недаром за стадионом в Самарском прочно укоренилась слава самого демократичного. Да ко всему, Софья умела смотреть в будущее с оптимизмом. Она говорила тем, кто уверял её в бесперспективности женского спорта в России:

- Ничего! Настанет и наше время. Вот увидите!

И ждать, оказывается, пришлось совсем недолго. Прогремел залп "Авроры", пронеслась над страной очистительная гроза революции, и вслед за ней новые понятия, новые названия, новые идеи властно ворвались в жизнь. Александровская площадь была

переименована в площадь Борьбы, Екатерининская в площадь Коммуны, Институт благородных девиц перестал существовать, и его владения были отданы под Центральный Дом Красной Армии. А старенький милый "Унион" стал "Профинтерном"...

Но, конечно же, не в перемене названий тут было дело. В сути. Хозяевами страны, обладателями и распорядителями её величайших культурных и духовных ценностей теперь были люди труда. И спорт становился народным, понятным и доступным для масс.

Ещё гремели пушки на фронтах гражданской войны, ещё голод и эпидемии мучили молодую Республику Советов, а в Москве летом 1918 года уже было проведено "Первое революционное первенство города по теннису". Плакаты, развешенные на тумбах для объявлений, написанные энтузиастами на серой обёрточной бумаге, призывали: "Свободные женщины Страны Советов – отбросьте предрассудки, начинайте активно заниматься спортом".

Софья посоветовалась с друзьями и решила принять участие в первенстве города. На этот раз соревнование привлекло немало участниц. Мальцеву в те годы знали лишь на "Унионе", но, может быть, для неё это было даже лучше. "Неизвестная" Мальцева победила одну за другой пять претенденток на высшую награду и уверенно вышла в финал. Теперь о ней заговорила вся теннисная Москва. Посмотреть поединок "возмутительницы спокойствия" с известной в ту пору теннисисткой Анной Генц, считавшейся фавориткой турнира, собралось необычайное для той поры число зрителей – около тысячи.

Встреча началась бурным натиском воспитанницы "Униона". Смело атакуя, то и дело выходя вперед, умело перехватывая пассивированные удары соперницы, она довольно легко выиграла первый сет – 6:3. Обескураженная натиском молодой спортсменки, Генц обратилась к судьям с просьбой дать ей отдохнуть. Устроенный по её настоянию перерыв длился почти двадцать минут. Эта вынужденная пауза "застудила" Мальцеву, расслабила её и второй сет был начисто проигран – 1:6. По началу решающего сета многим знатокам показалось, что в ходе поединка наступил перелом в пользу фаворитки. Но Мальцева вновь перехватила инициативу. При этом, верная избранной тактике, Анна Генц вновь попросила дать ей отдохнуть. Тут Мальцева решительно запротестовала, её единодушно поддержали зрители, и судья дал команду:

- Игру продолжать!

И все увидели настоящее чудо. Мальцева показали москвичам поистине большой теннис. её посетило вдохновение, когда всё удаётся, всё получается. Анна Генц уже ничего не смогла противопоставить своей сопернице. И в этом была определённая тенденция. Генц представляла собой поколение, развлекающееся теннисом, Мальцева же была уже спортсменкой – первой, настоящей, боевой спортсменкой в нашем теннисе. И спортсменка в конце концов победила, став первым в истории чемпионом советской столицы в одиночном разряде среди женщин. Её победа – победа никому не известной молодой Мальцевой – была столь же сенсационной, сколь и убедительной. Ей прочили блестящее будущее.

Но после интересного, полного неожиданностей и открытий чемпионата Москвы 1918 года теннисная жизнь столицы, как и всей страны, на какое-то время замирает. Виной этому были отнюдь не спортсмены, а обстоятельства. В те годы в нашем физкультурном движении, которое решало задачу скорейшего оздоровления широких масс трудящихся, было немало курьёзов, которые сегодня могут вызвать лишь улыбку. Многим видам спорта приклеивался ярлык буржуазности, и они объявлялись вредными и нежелательными для пролетариата. Тут прежде всего досталось теннису. Ему ставились в вину индивидуальность, "аристократичность", белые брюки и юбки, в которых тогда выступали игроки. Некоторые "теоретики" договаривались до того, что объявляли увлечение теннисом чуть ли не преступлением перед революцией. Естественно, что всё это привело к тому, что даже немногочисленные в ту пору корты на время опустели...

Но длилось это состояние, к счастью, недолго. Уже в начале 1921 года журнал "Вестник физической культуры" выступает со статьёй, призывающей "отбросить предрассудки и продвигать теннис в массы, как игру полезную и нужную для пролетариата".

Летом двадцать второго года московские теннисисты вновь разыгрывают свой чемпионат. Софья Мальцева по ряду причин оказалась не готовой к соревнованиям и присутствовала лишь в качестве зрителя. После турнира сильнейших экс-чемпионка столицы возобновила регулярные тренировки. Стремясь наверстать упущенное, она много работает над техникой, жадно ищет встреч с самыми сильными соперницами. Она снова во власти игры, она живёт упоением борьбы, радостью движения.

1924 год. Впервые разыгрывается первенство Советского Союза по теннису. Это большой праздник всех поклонников прекрасной игры. И Мальцева участвует в нём, больше того – она одно из главных действующих лиц. Уверенно одерживает победу за победой, и только в финале уступает ленинградке Т.Суходольской. Но и это поражение несколько не поколебало её авторитета. Комментируя только что закончившийся чемпионат, знаток спорта, талантливый советский журналист Михаил Ромм писал: "Достойна самой большой похвалы занявшая второе место Софья Мальцева. У неё много достоинств, но мне бы хотелось выделить поистине классический удар слева, точнейшую плавную подачу мяча и на редкость уверенную игру на задней линии, что, впрочем, не мешает ей при каждом удобном случае смело выходить вперёд".

Шёл сезон за сезоном. И вот настал 1928 год – год I Всесоюзной спартакиады (о которой, к слову сказать, мы расскажем подробно в следующей главе). Это крупнейшее комплексное соревнование, которому не было прецедента в истории страны, всколыхнуло спортивную жизнь. В начале июня теннисисты столицы провели первенство для определения окончательного состава сборной команды Москвы. В женском разряде его выиграла Нина Теплякова – в ту пору хорошо известная и бурно прогрессирующая спортсменка, стремительно ворвавшаяся в когорту сильнейших. Мальцева уже в третьем круге проиграла Людмиле Преображенской. Это поражение очень огорчило Софью Васильевну, и она даже не помышляла об участии в грядущем празднике спорта. Но председатель Всесоюзной теннисной секции (так назывался в ту пору высший общественный орган) Василий Николаевич Манцев стоял на участии Мальцевой в турнире Спартакиады личном зачёте.

- Ручаюсь, она ещё проявит себя с самой лучшей стороны, – пообещал он своим коллегам. А Мальцевой, пытавшейся послушаться, заявил: – Голубушка, да вы ещё сама не знаете, на что способны. Перестаньте упрямяться и беритесь снова за ракетку!

Немало известно в истории спорта случаев, когда допущенный к соревнованиям в последний момент участия показывает неожиданно высокий результат. Так случилось и на этот раз. Софья успешно начала турнир, побеждая одну участницу за другой. Однако внимание знатоков по-прежнему было приковано к двум очень выдвинувшимся за последнее время, непримиримо соперничавшим друг с другом спортсменкам – Александровой (Посельской) и Тепляковой.

Никто не сомневался, что именно они в конце концов разыграют главный приз.

И вот в одном из полуфиналов фаворитка турнира Елена Александрова встречается с Софьей Мальцевой. Первый сет хотя и прошёл в исключительно острой борьбе, но Александрова выиграла его со счётом 8:6. Но последующие события развернулись отнюдь не по предполагаемому сценарию. Усиливая натиск, действуя на корте безошибочно, более того – вдохновенно, Мальцева выигрывает второй сет 6:4, а в решающем добивается убедительного преимущества – 6:1.

Александрова была ужасно расстроена этим неожиданным для неё поражением, которое, как ей казалось открыло лёгкий путь к успеху Тепляковой. Она так и сказала в раздевалке своей обидчице:

- Ну зачем ты, Софа, меня обыграла? Подарила Нине лёгкую жизнь – и только!

И вот финал, в котором чемпионка Москвы 1918 года Софья Мальцева выступает против чемпионки Москвы 1928 года, чемпионки СССР 1927 года Нины Тепляковой. Они вышли на корт в традиционных тогда белых юбках и блузах, сопровождаемые бурной овацией зрителей. И началась напряжённая встреча, одна из тех, которые запоминаются надолго и тем, кто в них участвовал, и тем, кто их видел. Одна из встреч, где участники проявляют не только высшее мастерство, но и несокрушимую волю, мужество, целеустремлённость.

Сражалась Мальцева за каждый мяч, стремилась спасти каждое очко. Не отставала от неё в упорстве и её соперница. Но в конце концов пересилила воспитанница "Униона" и завоевала почётнейшее звание чемпионки I Всесоюзной спартакиады.

Время было трудное, шёл всего лишь одиннадцатый год Советской власти, и средств на призы у организаторов соревнования не было. Спортсменов награждали скромным дипломом, значком победителя и билетом в Большой театр на балет "Красный мак". Какое счастье испытала тогда Софья Васильевна! И сегодня она с гордостью показывает посвящённую тем самым главным, самым важным в её жизни соревнованиям статью, в которой говорится: "Софья Мальцева, выигравшая Спартакиаду в одиночном женском разряде, показала нам удивительно расчётливую, свежую, по-настоящему хорошую игру."

Четыре сезона спустя Мальцева повторила свой успех, во второй раз завоевав звание сильнейшей теннисистки страны. И хотя чемпионке СССР было уже 37 лет, она не думала прятать ракетку и ещё долго продолжала выступать в состязаниях, радуя людей своим неиссякаемым задором и мастерством. Её спортивное долголетие удивительно: как игрок сборной Москвы, она четырнадцать раз выступала в матчах против ленинградцев и несколько раз входила в десятку сильнейших теннисисток СССР. Неизгладимое впечатление оставили её выступления в смешанном парном разряде, где её партнёром был один из выдающихся мастеров корта, артист Московского художественного театра Всеволод Вербицкий. Этот дуэт радовал своей оригинальностью, неповторимостью почерка, постоянным стремлением к импровизации, активным, смелым действиям. На счёту его в двадцатые годы было не мало побед.

Софья Васильевна Мальцева вошла в историю нашего спорта не только как первая чемпионка Москвы, первая чемпионка I Всесоюзной спартакиады, но и как провозвестница нового стиля, новой манеры игры, как спортсменка, сумевшая заглянуть в завтрашний день. её с полным основанием можно назвать основоположником активного женского тенниса – красивого, смелого, агрессивного.

Всю войну Софья Васильевна провела в Москве; никакие уговоры, разъяснения и даже приказы не могли заставить её эвакуироваться. Ездил на трудовой фронт, копала окопы и выполняла множество других скромных, но важных дел, ложившихся прочными кирпичиками в воздвигавшееся нашим народом здание Победы.

А когда Победа пришла, Мальцева снова посвятила себя теннису и до сих пор, несмотря на свой возраст, верно служит ему. Не было, пожалуй, за последние сорок лет ни одного крупного всесоюзного соревнования, ни одного турнира в Москве, в котором бы она не принимала участия как судья – член секретариата. Всесоюзная федерация тенниса ещё в середине сороковых годов привлекла Софью Васильевну к составлению ежегодной классификации сильнейших теннисистов страны. Четыре десятилетия она бескорыстно, преданно, со скрупулёзной точностью занималась этим очень важным делом, требующим огромного труда. И радуется, что спорт, с которым она подружилась ещё в далёкой юности, с ней! И мы счастливы знакомством с этой доброй, скромной, трудолюбивой женщиной и великолепной теннисисткой.

Теннисная «гвардия» (слева направо): Э. Негребецкий, Б. Новиков, З. Александрова, С. Мальцева

Глава третья НАРОДНЫЙ ЧЕМПИОН

Есть имена, которые представляют целую спортивную эпоху. Среди них можно с полным основанием назвать имя Евгения Аркадьевича Кудрявцева – одного из самых выдающихся и самых ярких советских теннисистов двадцатых-тридцатых годов, а по существу, всей довоенной поры. С ним неразрывно связано становление и развитие этой игры, рост её массовости и популярности. Своим удивительным мастерством, неутомимостью (он оставил большой спорт лишь накануне своего пятидесятилетия), жадной борьбой,

страстностью Кудрявцев, подобно гигантскому магниту, притягивал внимание десятков тысяч людей. Каждый матч с его участием без преувеличения становился событием, вызывал всеобщий интерес, будоражил умы. Достаточно перелистать подшивки газет той поры, чтобы убедиться в этом. Описанию поединков, проведённых Кудрявцевым, "Красный спорт" отводил целые полосы, и фамилия нашего прославленного чемпиона смотрела с них на читателя кричащими буквами. И не удивительно: за популярность, славу, всеобщую любовь он заплатил большим трудом.

...В 1908 году в посёлке Лахта, дачном местечке под Петербургом, в теннисном клубе с романтическим названием "Клеверный листок" десятилетний Женя Кудрявцев впервые познакомился с теннисом. Он начал с того, что подавал взрослым мячи во время игры и впитывал царившую вокруг атмосферу высокой торжественности. Ведь "Клеверный листок" был как-никак первым в истории России лаун-теннисным клубом, начавшим свою летопись с 1888 года. И все, кого он объединил, очень гордились этим. В клубе свято оберегались спортивные традиции, до тончайших деталей соблюдались установленные церемонии и ритуалы, а главное – неизменно устраивались всевозможные соревнования, в которых принимали участие все лучшие игроки страны. Здесь впервые увидел Женя молодого Сумарокова, его постоянного партнёра и непримиримого соперника Аленицина, а также других известных мастеров того, теперь уже несказанно далёкого времени.

Присматриваясь к их сражениям на корте, мальчишка постигал тонкости правил, счета, техники, тактики, а когда выпадала возможность – брал в руки ракетку и пробовал подражать взрослым.

Тут следует пояснить, что в Лахтинском теннис-клубе детям разрешалось в дневные часы занимать два из шести имевшихся корта. И это носило громкое название "детская школа", хотя никакого тренера или просто постоянно наблюдающего за малышами лица не было. И юные энтузиасты, как говорится, варились в собственном соку. Через два года мальчишки уже участвовали в соревнованиях, и взрослые с интересом и нескрываемой радостью наблюдали за их первыми успехами. Ведь теннис становился в ту пору довольно популярным, признанным видом спорта, и нужно было думать не только о сегодняшнем дне, но и о том, кто придёт на смену нынешним чемпионам.

И вот в тёплое, необычно сухое для Петербурга лето 1910 года происходят два знаменательных события: в июне теннис-клуб в Лахте проводит первенство среди обучающихся в его "школе" мальчиков, а месяц спустя на этих же кортах разыгрывается детское первенство России. Оба эти знаменательных турнира, вызвавших повышенный интерес любителей тенниса, выиграл двенадцатилетний Женя Кудрявцев. Этот неожиданный успех отметил "Ежегодник Всероссийского союза лаун-теннисных клубов", поместив небольшую заметку, в которой победителю прочили блестящее спортивное будущее. И в самом деле через три года в порядке исключения Евгений был принят в члены Лахтинского теннис-клуба, хотя положением было оговорено, что сюда допускаются игроки, достигшие 17 лет.

И Кудрявцев доказал своё право на исключительность. В год вступления в "Клеверный листок" он выиграл первенство клуба среди взрослых, показав содержательную, интересную игру. О молодом талантливом спортсмене заговорил Петербург. Его приглашает к себе в качестве спарринг-партнёра неоднократный чемпион России Михаил Сумароков. Чуть позже в интервью для журнала "Лаун-теннис" он даёт лестный отзыв о своём юном сопернике.

- Это, безусловно, интересный, прогрессирующий игрок, который при соответствующих условиях, может стать настоящим маэстро, – таково было заключение первой ракетки России.

Эти оценки, похвалы, раздававшиеся в его адрес, не вскружили голову Евгению. Наоборот, они заставили юношу более серьёзно и ответственно относиться к своим занятиям спортом. Он стал уделять серьёзное внимание общефизической подготовке: зимой много ходил

на лыжах, увлёкся скоростным бегом на коньках, а с наступлением первых тёплых, сухих дней снова брался за любимую ракетку. Он мог часами заниматься у стенки, отрабатывая удары, постигая сложнейшую технику тенниса.

Однажды, понаблюдав за его занятиями в течение полутора часов один из почтенных членов клуба, некто граф Алексей Васильевич Мордвинов, спросил Кудрявцева:

- И что это вы, батенька, так истязаете себя ?

- Видите ли, граф, не знаю как для вас, а для меня теннис – это весна. Это любовь. Чем больше я занимаюсь им, тем большее испытываю удовольствие...

В этих словах – весь Кудрявцев, его отношение к игре, его понимание сущности и смысла спорта. И именно они, эти слова, лучше всего объясняют нам то, что произошло с этим человеком в наше советское время.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию он встретил, выражаясь языком его дневниковой записи, "...как благодатную очистительную грозу, которую давно ждалась Россия". С февраля 1918 года Евгений Кудрявцев – воин только что рождённой Красной Армии. Многие из близких друзей, как выясняется, не знали этой страницы его биографии. От природы скромный, немногословный, он не любил рассказывать о былом, чтобы кто-нибудь, чего доброго, не подумал, будто он выставляет себя героем.

А между тем славного, истинно героического в его армейской жизни было немало. В семейном архиве сохранилось благодарственное письмо командования XI армией за участие в беспримерном штурме Кронштадтской крепости с моря при подавлении белогвардейского мятежа. Довелось ему сражаться против Деникина и Врангеля. Недаром много лет спустя на встрече советских спортсменов и писателей, состоявшейся в Ленинграде, он сказал:

- Песня о Каховке – одна из самых близких сердцу. Это песня о нашей военной молодости, о романтике пережитых нами походов...

Демобилизовался Евгений только в двадцать третьем. Родной Питер жил новыми большими делами, новыми планами, люди труда жадно тянулись к знаниям, искусству, спорту. "Все достижения человеческой культуры – народу" – полыхал на ветру протянутый с одного "берега" Невского на другой плакат. И он как бы подсказал вернувшемуся с фронтов гражданской войны красноармейцу, что надо делать.

Через неделю после приезда Кудрявцев включается в работу по созданию Крестовского теннис-клуба. У входа Евгений самолично прикрепил придуманный им девиз "Теннис – народу". Служению этой благородной цели он и посвятил свою жизнь.

В том же памятном двадцать третьем родилось у нас в стране первое пролетарское спортивное общество "Динамо". Евгений Кудрявцев становится страстным, активным динамовцем. Он ведёт педагогическую работу в клубе и сам много тренируется, справедливо считая, что лучший способ пропаганды любимой игры – личный пример. И сильнее, чем когда-либо прежде, горит желанием добиться высоких результатов, а главное – показать людям всю красоту, всё неповторимое многообразие тенниса.

Уже на следующий сезон Кудрявцев завоёвывает звание чемпиона Петрограда и получает путёвку на первый в истории чемпионат молодой Республики Советов. В одиночном разряде он доходит до финала, где встречается с москвичом Г.Столяровым. Выиграв первый сет с подавляющим преимуществом, спортсмен с берегов Невы, не имевший опыта участия в подобных турнирах, занервничал, стал делать не свойственные ему ошибки и в конце концов проиграл 4:6, 6:8. Правда, он взял реванш в парном разряде, где вместе со своим напарником и товарищем по клубу Б. Шпигелем завоевал звание чемпиона.

Несмотря на этот немалый успех, ленинградец свой дебют на турнире сильнейших теннисистов страны оценил в целом критически. Выступая на заседании теннисного клуба "Динамо" (так теперь называлось его детище на Крестовском), он говорил:

- Моей игре не хватало уверенности, а точнее – достаточного уровня мастерства. Постараюсь извлечь из преподнесённого мне урока максимум пользы на будущее.

В этих словах просветляется одна из чрезвычайно сильных черт характера спортсмена: его предельная самокритичность и постоянная готовность работать, исправлять недостатки, трудиться упорно, не жалея сил.

Это качество, умение не жалеть себя во имя того, чтобы прибавить в мастерстве, вскоре принесло свои плоды. Кудрявцев выигрывает два последующих чемпионата в одиночном разряде и становится первой ракеткой молодой Республики Советов. В августе 1927 года в составе сборной команды страны ленинградец выезжает в Берлин на большой теннисный турнир, организованный немецким рабочим спортивным союзом. Советские теннисисты выиграли во всех пяти финалах. По этому поводу одна из наших газет написала довольно восторженный отзыв. Прочитав его, Кудрявцев отправил в редакцию письмо:

"Товарищи! Наше выступление в столице Германии имело большое политическое значение, но в спортивном плане не представляло никакого интереса, так как все иностранные участники, включая хозяев, были откровенно слабы. Поэтому подавать нашу победу как нечто значительное, делающее нам честь, попросту неэтично. Объективность и честность – вот высшие критерии при оценке любого спортивного выступления".

В ту пору Евгений особенно серьёзно тренируется, много работает над совершенствованием техники ударов, ищет новое в тактике. В двадцать четвёртом вместе со своими земляками М.Суходольской, В.Гиршфельд, Б.Шпигелем он выезжает в буржуазную Эстонию. В Ревеле (ныне Таллин) состоялся крупный международный турнир. В полуфинале Кудрявцев встретился с немцем Мольденгауером, в ту пору одним из сильнейших игроков Европы. Соперник всё время рвался к сетке, смело выходил вперёд. Для ленинградца такая игра была откровенно новой, и он уступил тогда сопернику 1:6, 3:6. Но урок усвоил крепко. Через несколько дней, участвуя в открытом первенстве Риги, сам попробовал атаковать и, победив финале чемпиона Латвии Макферсона (7:5, 7:5), занял первое место. Хрустальная вазочка, бережно хранимая Евгением Аркадьевичем, напоминала ему об этом успехе, которым он откровенно гордился:

- Приятно сознавать, что это самый первый завоёванный советским теннисистом-мужчиной международный приз.

То памятное турне по Эстонии и Латвии открыло для Кудрявцева современный теннис, показало воочию, что пора отсиживания на задней линии, пора "перекидки", какой бы высокой техникой она ни была отмечена, прошла. И теперь, у себя дома, он стремился стать выразителем и законодателем нового, повести за собой остальных. Он чувствовал постоянно ответственность лидера. Он сердцем угадывал приближение исключительных событий.

Есть в нашей жизни, в нашей истории дни, отмеченные особым смыслом. Перенесёмся мысленно в знойный август 1928 года. Тогда произошло событие, имевшее исключительное значение для судеб советского физкультурного движения и отечественного спорта.

Шёл одиннадцатый год Советской власти. Страна ещё не избавилась от страшных последствий мировой и гражданской войн, иностранной интервенции. Трудными были годы восстановления. Но уже тогда больше, чем в любой другой стране земного шара, делалось у нас для охраны здоровья трудящихся. Один за другим открывались пролетарские спортивные клубы, строились стадионы, спортивные залы, многочисленные площадки, сотни тысяч людей вовлекались в регулярные тренировки...

И вот решено было подвести первый итог этой грандиозной работы, провести свой физкультурный праздник – праздник всей страны. Он посвящался завершению первого пятилетнего плана и десятилетию Великого Октября. Встала задача: как определить его характер, какое дать ему имя? И вот тогда, именно в те незабываемые дни, родилось, утвердилось в нашем лексиконе теперь такое привычное, а тогда необыкновенно красивое, полное романтики слово – Спартакиада.

Всесоюзная спартакиада 1928 года стала поистине грандиозным, величественным событием. В ней участвовали спортсмены всех братских народов, населяющих нашу страну. От РСФСР (края и области), Москвы и Ленинграда было 3035 участников, от Украины – 405, Закавказья – 402, Узбекистана – 189, Белоруссии – 185, Туркмении – 107. Красная Армия и Военно-Морской флот, выступавшие тогда отдельным коллективом, прислали 1094 участника. Кроме того, для участия в Спартакиаде прибыло 612 спортсменов, представлявших

рабочие спортивные организации 17 стран, в том числе Англии, Аргентины, Германии, Норвегии, Уругвая, Франции, Чехословакии... Таким образом, Спартакиада приобрела и весомый международный характер. В этом грандиозном празднике, программа которого включала соревнования по 21 виду спорта, приняли участие 7125 спортсменов – количество небывалое до этого в истории не только нашего, но и мирового спорта.

12 августа – в день торжественного открытия Спартакиады – на Красной площади столицы состоялся физкультурный парад. С одиннадцати утра и до трёх часов дня шла мимо Мавзолея В. И. Ленина спортивная молодёжь Страны Советов. Шли в ярких национальных костюмах русские, украинцы, белорусы, узбеки, грузины, таджики, армяне, казахи, представители других национальностей и народностей, населяющих Советский Союз. Шествие поражало богатством красок, а главное – искренностью, оптимизмом участвовавших в нём людей. Парад и массовые выступления на Красной площади завершились пением "Интернационала". Многотысячным хором и оркестром дирижировал восьмидесятилетний Пьер Дегейтер, специально прибывший для этого в Москву. В тот же день состоялось большое праздничное гуляние на Воробьёвых (ныне – Ленинских) горах, в многочисленных парках города.

Замечательным подарком Спартакиаде стал построенный к её открытию Центральный стадион "Динамо", в котором проходили поединки мастеров кожаного мяча. Он, по свидетельству приехавших из-за рубежа гостей, был одним из самых красивых, удобных и вместительных в Европе. Об этом стадионе, ставшем украшением столицы первого в мире государства рабочих и крестьян, с большим удовлетворением и теплотой писал в те дни основатель олимпийских игр современности Пьер де Кубертен.

Программа нашей I Всесоюзной спартакиады была обширной, она вобрала в себя состязания по двум десяткам видов спорта. И среди них достойное место занял теннис.

Ни одно советское теннисное соревнование из прошедших до той поры не могло сравниться по своему блеску с турниром на Всесоюзной спартакиаде. Достаточно лишь перечислить, что среди участников были спортсмены Австрии, Финляндии, Белоруссии, Закавказья, Украины, Туркменистана, Узбекистана, многих областей, краёв и автономных республик России, лучшие силы Москвы и Ленинграда. Иными словами, советский теннис был представлен в тот раз и во всей полноте, и во всем блеске.

Во время Спартакиады центральной базой стали только что отстроенные десять игровых площадок в чудесном парке Центрального Дома Красной Армии. Новые корты оказались прекрасно оборудованными лучшим инвентарём, с громадными забегами, дающими возможность беспрепятственного движения по площадке, и великолепными синими фонами, чрезвычайно выделяющими мяч. Одним словом, праздник у мастеров ракетки был полный. В корреспонденции, посвящённой его открытию, известный в пору теннисист и журналист Б. Ульянов писал: "Уже сам факт участия в этих состязаниях делает честь каждому. Какою же высокой меркой будет оценена любая победа в нём!"

Что же можно сказать о Евгении Кудрявцеве, который трижды стал чемпионом I Всесоюзной спартакиады – в мужском одиночном, парном и смешанном разрядах ?!

Постараемся восстановить картины тех незабываемых состязаний. В одиночном разряде ленинградец последовательно выиграл у С.Дементьева, Б.Ульянова, А.Дементьева. Эти игроки входили тогда в десятку сильнейших теннисистов, и победа над каждым из них была значительным достижением.

Наступила пора полуфиналов. Здесь жребий свёл ленинградца со второй ракеткой страны, чемпионом Москвы Евгением Тихоновым. Как рассказывают очевидцы, трибуны, рассчитанные на две тысячи зрителей, не смогли вместить желающих увидеть поединок, в котором предлагалась на редкость ожесточённая борьба. Но её не получилось. Москвич прилагал колоссальные усилия, чтобы переломить ход встречи в свою пользу, но чемпион страны от начала до конца владел инициативой и победил в трёх сетах – 6:3, 7:5, 6:4. В другом

полуфинале многоопытный Всеволод Вербицкий, любимец столичной публики, в многочасовой дуэли одолел своего молодого земляка Бориса Новикова – 6:3, 6:4, 1:6, 5:7, 6:4.

И вот мужской одиночный финал, в котором спортивная судьба свела соперников столь же давних, сколь и непохожих друг на друга. Всеволод Вербицкий, артист Московского художественного театра, был, несомненно, отмечен печатью теннисного гения. Он обладал прирождённым чувством мяча и ритма, одним из первых в нашей стране начал играть по восходящему мячу, что очень убыстряло темп состязания и держало противника в постоянном неведении в отношении направления его очередного удара. Он сочетал мощную, агрессивную игру с тончайшими приёмами теннисной техники. В минуты вдохновения он был способен на проявление высшего теннисного мастерства, и знатоки игры, многочисленные почитатели его таланта всегда ждали от Вербицкого какого-то чуда. Как мы сейчас увидим, ждали не зря.

Удивительное, неповторимое зрелище представляли собой в день финала теннисного турнира Спартакиады трибуны стадиона в парке ЦДКА. Здесь можно было увидеть весь цвет артистической Москвы во главе с Константином Сергеевичем Станиславским, видных музыкантов, писателей, поэтов. Это мир искусства пришёл болеть за "своего" человека. Да и большинство из двух тысяч счастливых, сумевших попасть на финал, искренне болели за земляка. И все до единого жили предчувствием того, что станут очевидцами необычайно красивого и значительного действия.

И предчувствие это не обмануло. С первой подачи, с первого розыгрыша мяча на корте развернулось упорнейшее сражение. Вербицкий, далеко не всегда относившийся серьёзно к тренировкам, далеко не всегда придерживавшийся строгого спортивного режима, на этот раз очень серьёзно готовился к соревнованию и был в великолепной форме. Кудрявцев это знал и мобилизовал всё своё умение. Он играл ровно, мощно, почти безошибочно и несмотря на отчаянное сопротивление соперника, довольно убедительно выиграл два сета – 6:4 и 6:3. Казалось, игра уже сделана.

И вдруг всё переменялось как в сказке, как по мановению волшебной палочки. Вербицкий, и до того действовавший отлично, вдруг так прибавил "обороты", что игра стала необыкновенно яркими красками. Не было мяча, за который он бы не боролся до последней возможности. Его пассивировка, игра у сетки и мячи с задней линии стали неотразимыми. Он выходил к сетке и заканчивал розыгрыш мяча "мёртвыми" ударами с лёта, великолепно использовал все средства современного большого тенниса: могучую подачу, игру с лета, дроп-шоты, свечи... Никто даже из очень близко знавших спортсмена не помнил ничего подобного. На трибунах, вопреки издавна установившимся традициям благоговейного уважения тишине во время матча, на этот раз бушевала буря оваций. Сет был выигран Вербицким, причём выигран с необыкновенной лёгкостью и небывалым для таких поединков счётом – 6:0.

Такой поворот событий способен был вывести из равновесия кого угодно. Но когда, чуть отдохнув, соперники продолжили борьбу, все увидели на корте невозмутимого, не изменившего ни на йоту манеру игры, великолепного, уверенного в своей силе Кудрявцева. Ленинградец вроде бы играл, как всегда, и в то же время знатоки отметили в его действиях предельную собранность, внимательность, готовность к мгновенным тактическим решениям. Он как бы наперёд прочитывал намерение соперника и отвечал на него смелыми, острыми и ещё более неожиданными ходами. Сет был выигран отнюдь не легко, но выигран – 6:4, а с ним и матч, и звание чемпиона Всесоюзной спартакиады.

Комментируя этот успех, столичная пресса справедливо отмечала, что он объяснялся необычайно высокой подвижностью ленинградца, его всесторонне развитой техникой, дававшей ему возможность почти одинаково хорошо играть и на задней линии, и у сетки. Он хорошо атаковал как с низких мячей, так и с высокого отскока. Его игра отличалась чрезвычайной быстротой, чёткостью, сочетанием свободного вдохновения и предельного рационализма.

Тот незабываемый день финалов теннисного турнира Всесоюзной спартакиады стал поистине "днём Кудрявцева. Вместе со своим земляком В.Мультино он выигрывает мужской парный разряд у московского дуэта Е.Ованесов – Н.Бочаров (6:2, 6:2, 6:1), а затем, выйдя на корт с Т.Суходольской против земляков А.Махмуд-Бек В.Мультино, снова празднует победу, да ещё какую лёгкую – 6:0, 6:1. Таким образом Кудрявцев стал трижды чемпионом Всесоюзной спартакиады. И журналист- известинец, сам в недалёком прошлом замечательный спортсмен, победитель первой легкоатлетической эстафеты по Бульварному кольцу Борис Громов, написал по этому поводу такие замечательные слова: "Здесь, на Спартакиаде, увидели, как теннис, превратившись в наше советское время из забавы аристократов в игру народную, доступную широким массам трудящихся, выдвинул из своей среды подлинно народного чемпиона, коренного питерца, воина, сражавшегося с оружием в руках за рабоче-крестьянскую власть, а сегодня сумевшего доказать, что и нам подвластны любые высоты в спорте, – Евгения Кудрявцева".

Это была, пожалуй, самая ослепительная победа выдающегося мастера, хотя и его яркая жизнь в большом теннисе продолжалась ещё много лет. Несмотря на то, что в конце двадцатых и начале тридцатых годов на корты нашей страны пришла талантливая молодёжь, среди которой особо выделялись Б.Новиков, Э.Негребецкий, а также некоторые другие, "несгибаемый великан" продолжал радовать своим поразительным искусством.

Подходила середина тридцатых годов. Это было знаменательное время. Молодой спорт первого в мире государства рабочих и крестьян бурно набирал темпы.

27 мая 1934 года Центральный Исполнительный Комитет СССР принял постановление об учреждении почётного звания "Заслуженный мастер спорта". А через месяц страна узнала имена первых гвардейцев советского физкультурного движения. В их тогда ещё немногочисленном отряде был и Евгений Аркадьевич Кудрявцев. Принимая высокий знак отличия, ленинградец сказал:

- Это признание Родины вернуло мне молодость...

И, словно подтверждая справедливость этих слов, к удивлению многих, к беспредельной радости поклонников, ленинградец вновь выигрывает звание чемпиона СССР в одиночном разряде. При этом показывает игру необыкновенно свежую, молодую, словно не было за его спиной груза в тридцать шесть лет.

В те годы говорить о выездах на зарубежные турниры почти не приходилось: молодая Страна Советов находилась в жестоком кольце культурной изоляции. И все-таки они были. Не частые и, может быть, именно поэтому особенно памятные.

1935 год. Большая спортивная делегация СССР, в которую входили представители самых различных видов спорта, отправилась в Париж на состязания, организованные рабочим спортивным союзом Франции. Теннисный турнир в рамках этих соревнований собрал довольно солидный состав участников. В первом круге против ленинградца выступил "хозяин корта" Донималь. Накануне матча прошёл дождь. Во время одной из очередных атак Евгений поскользнулся и растянул связки правой ноги. Превозмогая боль, проявив завидную силу воли, наш спортсмен довёл поединок до победы – 6:3, 6:4, 6:3. На следующий день он в хорошем стиле переиграл одного и сильнейших игроков Бельгии Блюма – 7:5, 6:4, 2:6, 8:6. Попал в полуфинал, где по другую сторону сетки выступал сильнейший английский мастер Бомбери. Поединок привлёк большое число зрителей. Борьба выдалась на редкость упорной. Первый сет за нашим спортсменом – 7:5, второй взял англичанин – 8:6, в третьем снова впереди Кудрявцев – 6:4. И тут, в одном шаге до победы, подвела полученная два дня назад травма: боль в ноге стала невыносимой, и ленинградец вынужден был отказаться от дальнейшего ведения матча. Его удачливый соперник стал затем победителем турнира. Приняв награду, Бомбери сказал:

- Я должен, по крайней мере, поделить её с таким замечательным мастером, каким показал себя русский товарищ. Он играет очень хорошо.

С той парижской поездкой связан и эпизод, ставший своеобразной вехой в наших контактах с зарубежным миром, с нашей проверкой своих сил и возможностей. К тому времени советские спортсмены начали всё чаще встречаться с некоторыми представителями буржуазного спорта. Футболисты сыграли с чехословацким профессиональным клубом "Жидинице", в Москве состоялся ряд шахматных турниров с участием зарубежных игроков, выступили в столице и знаменитые норвежские конькобежцы. Перед отъездом из Франции Кудрявцеву предложили провести "разведку боем" – встретиться с кем-нибудь из признанных знаменитостей. В Париже работники нашего посольства организовали ленинградцу матч с Жаном Баротра, одним из самых выдающихся мастеров двадцатых годов. Он дважды выигрывал Уимблдон в одиночном разряде – в 1924 и 1926 годах, был победителем многих других крупных международных турниров. По стилю игры это был, как говорят, типичный "сеточник". Скорость его перемещений по корту, мощь подачи были выше всяких похвал, о нём ходили легенды.

Нужно ли говорить, как волновался перед матчем с "выдающимся артистом корта" (так называла Баротра французская пресса за его откровенную любовь превращать свои поединки в своеобразные спектакли) наш чемпион. Когда Жан вышел на корт в небрежно наброшенном на плечи белом пальто, также небрежно взял из рук подскочившего мальчика стакан с лимонадом, Кудрявцев, как он писал потом в своих воспоминаниях, "чуть не упал со страха". По-видимому этот испуг, прежде всего, предопределил проигрыш советского спортсмена, хотя и оказал знаменитому французу куда более стойкое сопротивление, чем многие европейские знаменитости, которых "летающий гасконец", как его называли на родине, бивал покрепче. Матч, протекавший почти три часа при довольно большом стечении зрителей, завершился со счётом 6:1, 6:3, 5:7 и 6:4 в пользу хозяина корта. После окончания встречи Жан стал жаловаться Евгению, что годы мешают играть с былой лёгкостью. Кудрявцев, в свою очередь, заметил, что ему тоже "стукнуло" 37 лет. И тут выяснилось, что они – ровесники.

Знаменитый француз поделился своими впечатлениями об этой игре:

- Признаюсь откровенно, – заявил он, – я не ожидал встретить в лице советского чемпиона такого упорного и искусного соперника. Если бы вам дать опыт международных игр, вы, несомненно, были бы в числе европейской элиты. После сегодняшнего дня я твёрдо верю в будущее вашего тенниса.

С тех пор прошло много лет, но мы никогда не должны забывать и не забудем, что именно заслуженный мастер спорта Евгений Кудрявцев приоткрыл для нашего тенниса окно в мир. Он же, по существу, стал главным "виновником" того, что на следующий год к нам в гости приехал другой великий француз – Анри Коше.

На своём веку теннисный мир знал и видел немало знаменитостей, но, по всеобщему признанию, ни у кого теннисный талант не был столь ярко выраженным, как у Анри Коше. К таким игрокам как нельзя лучше подходит выражение – "родился с ракеткой в руках".

Впервые он заявил о себе в 1926 году, когда, будучи никому не известным игроком, в финале открытого чемпионата США в блестящем стиле разгромил "великого" Тилдена, свергнув идола американских болельщиков с мирового теннисного трона, на котором тот восседал без сражений целых шесть лет. На следующий сезон он выигрывает Уимблдонский турнир, победив на пути к высшей ступени пьедестала почёта таких "звёзд", как Хантер, Тилден и Баротра. Причём его матч с Тилденом в полуфинале был единодушно признан обозревателями одним из самых ярких и волнующих в истории мирового тенниса. Проиграв две первые партии, француз и в третьей отставал со счётом 1:5. Никто уже не сомневался в его поражении, но Анри сумел сотворить чудо, выиграть партию 10:8, а затем и весь матч! В 1929 году Коше повторил свой успех в Уимблдоне, а затем решающим образом помог сборной Франции отстоять Кубок Дэвиса в финальном матче против национальной команды США. И хотя тридцатые годы ознаменовались выходом на международную арену нового поколения теннисных звёзд, имя Анри Коше ещё долго сверкало на самых представительных турнирах.

Знаменитый француз был одним из тех, кто проявил искренний интерес к "секретному" матчу Баротра – Кудрявцев. Игра ленинградца ему понравилась, после её окончания он зашёл к нему в раздевалку и высказал это в самой доброжелательной форме. Завязался дружеский разговор. Советский чемпион сказал Анри:

- У нас в стране вас хорошо знают и с радостью следят за вашими блестящими успехами.

- Зато я почти ничего не знаю о советских теннисистах, – искренне признался Анри. – Вы мне открыли сегодня глаза на мир, которого я не знал...

- Приезжайте к нам в гости и увидите много интересного.

- Если будет сделано официальное приглашение, я с удовольствием приму его.

В первый свой приезд, в 1936 году, знаменитый маэстро провёл серию показательных матчей с нашими лучшими теннисистами в Москве, Ленинграде, Киеве.

- Везде, – заявил он в интервью корреспонденту Советского радио Вадиму Синявскому, – моим основным соперником был Евгений Кудрявцев. Несомненно, это мастер высокого класса. За ним стоит способная молодёжь.

Год спустя Анри Коше вновь приехал в нашу страну пробыл здесь с 25 июня по 7 сентября, организовав своеобразную "теннисную школу". За это время он сыграл целую серию тренировочных матчей с Евгением Кудрявцевым, Борисом Новиковым и Эдуардом Негребецким. В Ленинграде дуэт Кудрявцев – Негребецкий победил Коше, выступавшего в паре с советским мастером Н. Аристовым. Победа досталась ленинградцам нелегко – 9:7, 9:7, 6:2. Игра изобиловала острейшими моментами и по своему содержанию была признана обозревателями одной из самых лучших, самых ярких среди всех когда-либо сыгранных у нас в Союзе. Покидая СССР, Анри Коше сказал:

- Стране, в которой уже выросли мастера, подобные Евгению Кудрявцеву, несомненно, предопределено большое теннисное будущее.

Это высказывание знаменитого гостя говорит о том, что ленинградец, уже достигший к тому времени 39-летнего возраста, по уровню техники, боевому настрою, общему классу игры продолжал оставаться эталоном советского мужского тенниса. И не случайно в том же, 1937 году мы увидели его имя среди двадцати двух советских спортсменов, впервые удостоенных за свои выдающиеся достижения высоких правительственных наград. На груди заслуженного мастера спорта Евгения Кудрявцева засверкал орден Трудового Красного Знамени. Принимая его из рук Михаила Ивановича Калинина, он сказал:

- Наша советская действительность делает меня молодым, способным на новые свершения.

И доказал справедливость этих слов, выиграв ещё три года подряд первенство СССР в парном разряде.

Своими необычайно яркими победами на корте Евгений Аркадьевич очень много сделал для популяризации советского тенниса. Ещё находясь в расцвете сил и славы, ленинградец начал любовно передавать молодёжи свой богатейший опыт. Среди его учеников немало известных мастеров, в том числе неоднократная чемпионка страны Галина Коровина.

Возвращаясь к тому, с чего начал: с именем Евгения Кудрявцева связана целая спортивная эпоха. То время, когда он достиг своего изумительного мастерства (1925 – 1935 гг.), можно смело назвать самым блестящим в истории советского тенниса. Стиль Кудрявцева и сейчас – да, и сейчас! – может считаться образцом для каждого молодого спортсмена. Среди выдающихся игроков своего времени, сражавшихся преимущественно с задней линии и рассчитывавших больше на ошибку противника, чем на выигрыш мяча, Кудрявцев резко выделялся агрессивной, разнообразной, техничной игрой. Быстрый и точный удар с задней линии, стремительный удар с лета, губительный для соперников смеш... Да, впрочем, всем арсеналом теннисной техники Кудрявцев владел в совершенстве. Он никогда не

играл в "перекидку", не ждал чужой ошибки, а смело шёл к сетке после каких-нибудь двух-трёх "пристрелок" с задней линии, решительно, резко "убивал" мячи соперника.

Прекрасное чувство корта, настойчивость, подвижность, непреклонная воля к победе позволяли ему выходить с успехом и честью из самых трудных испытаний. И никогда, даже находясь на грани поражения, он не переходил на тактику, навязанную ему противником, не изменял своему стилю, не отказывался от своей спортивной индивидуальности. В решающий момент он усиливал игру и напрягал все свои способности, но при этом всегда оставался Кудрявцевым и – только им. За это его безоговорочно любила публика, поэтому все матчи с его участием проходили при переполненных трибунах и становились большим событием не только теннисной, но и всей спортивной жизни страны. Он был и остался в нашей памяти Спортсменом с большой буквы – утверждающим новое и увлекающим за собой на большие творческие дела, на спортивные подвиги!

Глава четвёртая ТЫСЯЧИ СЕТОВ НИНЫ ТЕПЛЯКОВОЙ

Чтобы ни случилось, раз в году она обязательно должна была побывать в Мамонтовке. Здесь, в уютном подмосковном местечке, правда, теперь так неузнаваемо изменившемся, более шестидесяти лет назад она впервые взяла в руки ракетку и прикоснулась к теннису, ещё не зная и не ведая, что он станет её судьбой и её жизнью.

Первые тренировки, первые товарищеские встречи принесли с собой радость движения, радость красивого, интересного отдыха. Партнёры там, за сеткой (а это в подавляющем большинстве своём были мужчины, очарованные её молодостью, покоряющей женственностью, грациозностью), улыбались, любезно подавали мячи, охотно прощали промахи, а чаще всего и вовсе не замечали их. Было легко, интересно и весело.

В этой обстановке душевного подъёма мастерство юной Тепляковой созрело с необыкновенной быстротой. И летом двадцать второго, когда Нине едва исполнилось восемнадцать лет, её первый тренер, замечательный теннисист и педагог, впоследствии заслуженный мастер спорта Николай Николаевич Иванов, сказал:

- Пора выходить в свет...

Она появилась на кортах столицы. Наступила пора розыгрыша очередного первенства Москвы. Иванов заявил свою ученицу и в "миксте" (в паре с собой), и в одиночном разряде. Жребий свёл её тогда с одной из сильнейших Теннисисток, уже хорошо известной нам Софьей Мальцевой. Теплякова даже не успела опомниться, как всё было кончено: 0:6, 0:6! Дебютантку потряс и сам проигрыш, и – в ещё большей мере – то, как он произошёл: серия безжалостных ударов, сокрушительных, не знающих пощады атак, Нине едва хватило сил, чтобы добежать до раздевалки, а там полились такие слезы, раздалось такое рыдания, что не передать словами.

Не буду! Никогда больше не буду соревноваться! – выдавливала она между рыданиями.

- Чудачка, – сказал ей Николай Николаевич. – Ты думала спорт – забава. А это борьба, непримиримость, постоянная необходимость побеждать, прежде всего саму себя.

Ей трудно сказать почему, но именно это объяснение, что трудности будут, что без них нельзя, успокоило её. Она начала тренироваться. Теперь уже в Москве, а не в Мамонтовке. Да ещё как!

Тут нужно сказать, что в ту пору не было современного института тренеров, никакими штатными расписаниями не была даже предусмотрена такая должность. Спортсмены занимались в подавляющем большинстве каждый на свой риск и страх, приглядывались к лидерам и в лучшем случае получали общие замечания руководителей клуба.

Нина Сергеевна, вероятно, не только первая советская теннисистка, но и вообще первая советская спортсменка у которой был "свой", "персональный" учитель. А Николай Николаевич Иванов, несомненно, первый в истории советского тенниса тренер, причём тренер в самом современном понимании этого слова. Произошло это не в силу каких-то административных распоряжений или организационных декретов. В дело вмешалась сила, имя которой – Любовь.

Николай Николаевич, тогда уже вполне сложившийся мужчина, один из сильнейших теннисистов столицы страны, увидел на танцевальной площадке в Мамонтовке Нину и полюбил её. Но юная Теплякова, обожавшая танцы, отлично знавшая в них толк, не обращала на Ник-Ника особого внимания, так как он был явно не подходящим для неё партнёром на паркете или деревянном полу танцевальной площадки. И тогда Иванов решил "заманить" Теплякову в большой теннис.

Вот с чего началось. Прошло время, они стали мужем и женой. Потом судьба развела их. Но Николай Николаевич всегда был с Тепляковой, и в её восхождении, а точнее сказать – взлёте, в её многочисленных, ярких победах, в её почти сказочном творческом долголетии, в её непревзойдённом мастерстве его роль совершенно исключительна. Именно Иванов разглядел в Нине, страстно мечтавшей о карьере балерины, яркий спортивный талант и движимый любовью к своей ученице и к теннису, взялся шлифовать его.

Время, прошедшее от того горестного поражения, о котором мы рассказали выше, было занято работой. Николай Иванов готовил свою ученицу очень серьёзно. Она когда-то, в Мамонтовке, играя с ним на корте, кокетничала, не хотела стараться, откровенно злила своего поклонника. Но этот проигрыш сильно разозлил её. Как-то она призналась в этом Иванову. И он сказал ей тогда:

- Вот первый признак, что ты спортсменка по призванию. Слабые после поражений сникают, сильные – загораются жаждой реванша. Ты сильная, Нина. И должна это доказать. А доказать можно только серьёзной работой. Ежедневной, самоотверженной – как в балете.

На эту тираду она ответила одним коротким словом:

- Согласна!

И эта непривычная, никогда прежде не проявлявшаяся ею покорность тоже подсказала Иванову многое. Теперь он твёрдо знал: от Нины можно требовать всё то, что он требовал в теннисе от самого себя. В самом деле, четыре сезона подряд Теплякова тренировалась с поражающей его самоотверженностью. Отказываясь от развлекательных матчей, совершенствовала технику, изучала манеру игры ведущих теннисисток, занималась гимнастикой, акробатикой, зимой каталась на коньках.

И вот настало время, когда Николай Николаевич снова вывел её "в свет". В 1926 году на традиционном в ту пору матче сильнейших, который, по существу, заменил первенство страны (оно в тот год не разыгрывалось), 21-летняя спортсменка <побила> всех своих титулованных соперниц, включая Елену Александрову и Софью Мальцеву, и, к изумлению знатоков, заняла первое место. Как часто бывает в таких случаях, это назвали сенсацией, неожиданностью. А одна очень уважаемая газета, выходящая в Москве, поместила короткую заметку о только что закончившемся турнире, в которой объясняла успех Тепляковой... плохим самочувствием её соперниц. На что героиня турнира только руками развела:

- Надо же придумать такое?!

Пожалуй, подобные высказывания всё же оказались для неё скорее полезными, чем вредными. Они сыграли свою благотворную роль. В самом деле, кому угодно выслушивать раз за разом заявления, что да, ты победила, но победила случайно. Нина злилась и делала все, чтобы доказать: успех минувшего сезона закономерен и будет подтверждён новыми.

Наступил 1927 год – один из самых радостных и ярких в её спортивной биографии. Сезон стартовал в первый день лета. Соревнования, которые так и назывались – "На приз открытия", собрали весь цвет женского тенниса столицы. Спор между "старой гвардией" и ворвавшимся в элиту новичком вызывал повышенный интерес знатоков. Не очень вместительные трибуны старенького, уютного стадиончика, умело спрятавшегося во дворе одного из домов на Петровке, были заполнены. И не просто заполнены, а заняты глубочайшими знатоками и преданными служителями тенниса: игроками, педагогами, судьями, журналистами. Почтенная публика спорила по поводу того, кто победит. Больше верили, конечно, в кумиров. Особенно в Александрову. Знали удивительную силу и точность её ударов, её огромную волю, её умение навязывать соперницам свой стиль. Спорили, сколько продержится "дерзкая девчонка". Но Теплякова озадачила всех, а больше всего – свою грозную соперницу, добившись довольно лёгкой с виду победы – 6:2, 6:4 (на самом деле, как рассказывала мне Нина Сергеевна, она, выйдя на корт, почувствовала, что по-прежнему ужасно боится Александрову и до последнего розыгрыша мяча не верила в благополучный исход встречи). Через день она обыграла Софью Мальцеву и заняла первое место. Но и эта победа не рассеяла сомнений знатоков. Многие продолжали видеть в успехах Тепляковой элемент случайности и говорили:

- Первые соревнования ещё ничего не значат... Впереди такой большой сезон...

Да, сезон в тот год выдался поистине необыкновенный. Лето сворачивалось в клубок интересных, ярких соревнований: первенство Москвы, турнир десяти сильнейших, Всероссийский праздник физической культуры, чемпионат Советского Союза. И в каждом из них лучшей, непобедимой оказывалась Теплякова. К концу года её спортивный авторитет был уже непререкаем. Известный в нашей стране футболист, неоднократный игрок сборной России, ставший в двадцатых годах весьма плодотворно выступать на журналистской ниве, Михаил Ромм написал в одном из своих публицистических произведений: "Год десятилетия Советской власти прошёл как смотр наших достижений во всех областях политической, экономической и культурной жизни. Предъявил свои веские доказательства роста и наш спорт. Из его среды выходят яркие личности, такие, как теннисистка Нина Теплякова. Фейерверк побед, одержанных ею в нынешнем году, поистине ослепителен."

Итак, юбилейный год стал её звёздным часом. Интересно, что именно в двадцать седьмом у нас в стране впервые была введена теннисная классификация. И список лучших из лучших в одиночном женском разряде по праву открыла Нина Теплякова. В дальнейшем она добивалась этого права ещё девять раз – в 1930, 1931, 1933, 1934, 1935, 1936, 1937, 1938 и 1939 годах. А вообще за четырнадцать сезонов, в течение которых эта выдающаяся теннисистка оставалась в большом спорте, она десять раз шла в классификации первой, два раза второй и один – третьей (в 1932-м она из-за болезни не выступала). Начиная с 1934-го и по 1939-й включительно Теплякова шесть раз подряд выигрывала звание чемпионки СССР в одиночном разряде. И это несмотря на то, что советский теннис выдвинул в ту пору молодых, талантливых и разных мастеров, таких, как З.Клочкова, Н.Белоненко, Г.Коровина, О.Калмыкова, Т.Налимова, О.Ольсен, и многих других. Для каждой из них пределом мечтаний было победить непобедимую Теплякову и хоть разочек – всего один разочек – подняться вместо неё на первую ступеньку всесоюзного пьедестала почёта. Но шёл год за годом, а мечту эту так и не удавалось осуществить никому. Более того, почти все свои матчи, в том числе и с основными, очень грозными соперницами, Теплякова оканчивала в два сета.

Что же обеспечило ей столь блестящую и столь длительную спортивную карьеру? Какими словами можно объяснить её бесспорное величие, о котором говорили и говорят все специалисты?

Ответ на эти вопросы следует искать отнюдь не в каких-то непознанных тайнах мастерства.

- Я знаю: чисто технически моя игра была далека от совершенства, – признавалась Нина Сергеевна. – У меня был слабый для чемпионки удар слева, имелись и другие погрешности, над исправлением которых, правда, я всегда работала старательно...

От себя добавлю, что и в области трактовки игры Теплякова, во всяком случае, не обгоняла время. И в дни дебюта, и в годы наивысшего расцвета Нина оставалась на корте сама собой: не шла, как правило, к сетке, а предпочитала действовать с задней линии. И при этом одерживала победу за победой над самыми современными, агрессивными и – в подавляющем своём большинстве – более молодыми соперницами.

Разгадка её "чуда" проста. Нина была человеком огромной воли, удивительного упорства, редчайшей настойчивости.

Это был боец в самом высоком и прекрасном смысле этого слова, – сказала о ней Софья Васильевна Мальцева.

Действительно, вся жизнь Тепляковой в спорте – это пример удивительного мужества, упорства, умения преодолевать любые трудности и препятствия. Долгие месяцы и годы "царствования" на теннисном престоле наложили на Теплякову неимоверно тяжёлую ношу ответственности. Каждый раз она должна была доказывать своё превосходство в отчаянной борьбе с соперницами, для которых победа над ней была задачей номер один, задачей максимум.

- Нина никогда не имела возможности просто проиграть. В каждом матче она вынуждена была сражаться за своё звание, за свой непререкаемый авторитет чемпионки, – заявил однажды Николай Николаевич Иванов. И он был, бесспорно, прав.

Вспоминаю солнечный февральский день тридцать восьмого года. Я оказался тогда среди счастливчиков, заполнивших трибуны закрытых кортов стадиона "Динамо" где разыгрывалось очередное зимнее первенство страны. На корте 33-летняя Нина Теплякова и 25-летняя неоднократная чемпионка Украины Ольга Калмыкова – теннисистка азартная, смелая, даже, можно сказать, дерзкая.

Верная своей манере, киевлянка сразу пошла в атаку, нападая то с задней линии, то решительно выходя к сетке. Игра у неё пошла. Теплякова казалась растерянной, даже сломленной. Она, к нашему общему изумлению, быстро отдала первый сет и во втором проигрывала 0:3.

- Колоссально!

- На этот раз Тепляковой поражения не избежать, – то и дело слышался шёпот зрителей. В перерывах между розыгрышем мяча москвичи, славящиеся своей необыкновенной объективностью, восторженно приветствовали гостью, игравшую выше всяких похвал.

Эта "измена", по-видимому, изрядно рассердила чемпионку. Оставаясь, как и прежде, в глубине площадки, она значительно усилила игру, "разбрасывая" мячи по дальним углам. На корте завязывалась упорнейшая борьба. Ценой невероятных усилий москвичка выравнивает счёт – 3:3. Но киевлянка снова выходит вперёд – 4:3. Теплякова опять выравнивает игру – 4:4. Следует бурный натиск украинской спортсменки, и она опять впереди – 5:4. До долгожданной победы, казалось, всего один шаг. Уже никто не сомневался, что она за Калмыковой.

А Нина продолжала сражаться. Ценой невероятных усилий она снова приводит счёт к ничейному – 5:5. Начинается одиннадцатый гейм. И в самом его начале Теплякова, стараясь достать "безнадёжный" мяч, падает на корт. Встаёт и чувствует острую боль в ноге. Начинает хромать.

И тут происходит совершенно неожиданное: обычно предельно сдержанная, отличающаяся исключительной корректностью теннисная публика "вскипает". Люди не верят в истинность того, что произошло на самом деле.

- Притворяется...

- Чувствует, что проиграла, вот и чудить стала...

Именно эти высказывания, долетевшие до Тепляковой, заставили её продолжать игру. Продолжать, преодолевая боль душившие слезы, наплывавшее отчаяние. И каким-то чудом – да, именно чудом без кавычек, иначе это не назовёшь – Теплякова вырвала сет – 7:5.

В раздевалку её привели под руки. Врач осмотрел опухшую, посиневшую ногу и покачал головой:

- Растяжение связок. Играть нельзя.

Да, она имела полное право отказаться от продолжения поединка. Более того, она обязана была отказаться: этого требовал здравый смысл.

Но она была Тепляковой и, упросив медиков сделать "заморозку", вышла на корт. И, забыв о травме, не думая о последствиях, заиграла мощно, агрессивно, неожиданно остро. И – выиграла! Выиграла почти безнадёжный матч, и он стал в ряду самых дорогих и самых памятных в её биографии. Памятных, между прочим, и тем, что московская публика, поняв, наконец, правду и драматизм случившегося, проводила её с корта бурной, искренней овацией.

Не менее ценным и важным, чем отвага, среди качеств, определявших непобедимость Тепляковой, следует назвать её редчайшее тактическое чутье, её удивительное умение разобраться в тонкостях и осложнениях любого поединка.

Долгие годы пребывания в большом спорте были для неё, по существу, непрекращающейся цепью дуэлей со своими основными соперницами. И хотя ежегодно они встречались не менее пяти-шести раз друг с другом, понять и разгадать Теплякову никому из них так и не удалось. Играя в свою игру, оставаясь всегда собой, Нина Сергеевна в то же время умела быть каждый раз новой, неожиданной и непонятной для каждой из тех, кто стоял по ту сторону сетки. Это происходило потому, что для Тепляковой каждый матч был творчеством, новым произведением, и она озаряла его своей мыслью, своим редчайшим умением чувствовать игру, как музыкант чувствует звучание своего инструмента.

Среди сильнейших теннисисток страны тридцатых годов одной из самых популярных была ленинградка Галина Коровина. Человек интересной судьбы, она по-настоящему пристрастилась к теннису в 24 года – то есть в том возрасте, в котором сейчас спортсменов иногда уже называют ветеранами и торжественно провожают на "заслуженный отдых".

Но в тридцатые годы всё измерялось в советском спорте иными мерками, и, начав серьёзные тренировки лишь 1933 году, талантливая ленинградка уже в 1936-м заняла третье место во всесоюзной классификации, а годом позже вышла в финал первенства Советского Союза. Здесь она бросила дерзкий вызов Тепляковой. Первую партию выиграла москвичка – 6:3. Казалось, всё идёт нормально. Но во второй ход встречи переменился. Спортсменка с берегов Невы, удачно применяя свой коронный – "нестандартный", "неклассический", как о нём говорили, – удар слева, сочетая мощную игру с задней линии с выходами к сетке, повела в счёте. Да как – 5:2! До выигрыша партии ей оставался всего один гейм, а там... Публика была наэлектризована.

- Не зря, значит, хвалят Коровину.

- Да, добиться такого превосходства в партии с Тепляковой...

И вдруг у ленинградки вовсе "пропал" удар слева, как будто кто-то околдовал её. Это соперница резко изменила характер игры. Её сильнейшие, пассивированные, точно рассчитанные удары с задней линии отправляли мяч на противоположную сторону с таким ювелирным расчётом, что Галина или вовсе "зевала" его, или доставала с огромным трудом.

- Смотрите, она уже не играет, эта Коровина, она просто отбивается, – промолвил кто-то из знатоков. И это была точнейшая характеристика происходящего. Каким-то совершенно незаметным для постороннего глаза образом прославленная чемпионка резко изменила рисунок игры. Теперь у неё всё получалось, и она взяла четыре гейма подряд, впервые выйдя в этом волнующем поединке вперёд 6:5! Неимоверным усилием воли ленинградка выровняла счёт. Но большего сделать не смогла. Теплякова раз за разом усиливала натиск, ставя перед своей соперницей всё более сложные задачи, и выиграла вторую партию, а вместе с ней и этот трудный матч.

Тем не менее о нём ещё долго говорили и спорили в спортивных кругах. Ещё бы: то, что кто-то оказал Тепляковой упорное сопротивление, поставил на грань проигрыша хотя бы в одной партии – уже было событием из ряда вон выходящим.

На протяжении всего довоенного периода у ленинградцев с москвичами на теннисных кортах шёл постоянный непримиримый спор. Традиционные матчи Москва-Ленинград считались едва ли не самыми важными, самыми престижными состязаниями сезона.

Появление Галины Коровиной взбудрило теннисный Ленинград. В её лице видели человека, способного сокрушить непобедимую москвичку. (В городе на Неве была и до этого выдающаяся теннисистка – Зинаида Клочкова. Первой у нас в стране она демонстрировала великолепную игру У сетки. Смелые атаки, разнообразие ударов, гибкая тактика делали Клочкову игроком подлинно современным, грозным для любого соперника. На её счёту были победы над всеми сильнейшими мастерами страны, но с Тепляковой на чемпионатах Советского Союза она ничего не могла поделать). Эта надежда выросла в уверенность после описанного матча.

- На следующий год ты победишь Нину, – сказал Коровиной Евгений Кудрявцев.

Чтобы воплотить это обещание в жизнь, он сам взялся тренировать Галину. Он поставил ей игру на хавкорте, научил выходить к сетке, а главное – построил тактическую схему противодействия чемпионке. Он без устали повторял своей ученице:

- Если ты будешь активно, смело выходить к сетке, если будешь играть Тепляковой под левую руку – она "сломается". Вот увидишь...

Чемпионат следующего, тридцать восьмого года про- водился в Ростове-на-Дону. Он собрал весь цвет женского тенниса страны. В борьбу за почётный титул включились киевлянка О.Калмыкова, москвички Н.Белоненко, З.Черятова, О.Ольсен, Е.Александрова, ленинградка Т.Налимова... Но все они пали под сокрушительными ударами главных фаворитов.

И вот финал Теплякова – Коровина. Накануне в интервью для местного радио заслуженный мастер спорта Евгений Кудрявцев заявил, что он уверен в успехе своей ученицы. Нина Теплякова слышала эту передачу. И, ни к кому не обращаясь, задумчиво произнесла:

- Что ж, может быть, он и прав. Галя играет здорово.

Много-много лет спустя Теплякова откровенно призналась, что здорово побаивалась соперницу. А когда шла на корт, эта боязнь переросла в страх. Ибо Теплякова сразу почувствовала, что за минувший год Галина очень прибавила в мастерстве. Её смелые выходы к сетке, её заметно усилившийся удар справа, и отличное видение поля говорили сами за себя. Нина и оглянуться не успела, как проиграла 2 : 6. Но, вытирая полотенцем взмокшее лицо, она вдруг почувствовала, что страх исчез.

- Что же случилось? – спрашиваю её. – Ведь вы же уступили этот сет ленинградке.

- Да, уступила, – слышу в ответ. – Но и отчётливо увидела, что нужно сделать, чтобы спасти игру.

- Что же именно?

- Галя была слишком однообразна, посылая мне мячи только под левую руку. И я построила схему движения так, что отлично приоровилась брать их. Играла просто безошибочно. Каждый мяч, который Коровина, вероятно, уже считала выигранным, возвращался к ней обратно. Это выбило из колеи ленинградку, заставило нервничать. Она металась по площадке и... не знала что же делать со мной. Пока размышляла, счёт стал 6:0 в мою пользу.

К чести Коровиной надо сказать, что этот "разгром" не сломил её. Третий сет получился захватывающим, острым, нервным. Весы удачи попеременно склонялись то в одну, то в другую сторону. Но, всё чаще делая самые лучшие, самые острые "ходы", непрестанно заставляя соперницу ошибаться, навязывая ей свою волю, Теплякова вырвала сет со счётом 9:7, а с ним – и матч.

И вновь они сошлись в финале очередного чемпионата страны в Ленинграде. Было известно, что за истекший год Коровина в ещё большей степени усилила игру. А тут ещё родные стены, благожелательная публика... Да, всё было, кажется, за то, что на пьедестале почёта произойдёт смена караула.

Но началась игра, и все увидели, что ни один мяч Коровиной не достигает цели. Теплякова диктовала свою схему игры. Она лишила соперницу всех её козырей и в шестой раз подряд стала чемпионкой страны. Это был своеобразный рекорд в истории нашего женского тенниса, который не побит до сих пор! Да, никому больше не удавалось полдюжины лет оставаться непревзойдённой, непобедимой чемпионкой Советского Союза.

К отличительным качествам Нины Сергеевны нужно отнести её удивительное умение учиться, извлекать уроки из каждого матча и решительно прибавить в мастерстве. Справедливость этих слов подтверждают две незабываемые в её жизни встречи. Впрочем, незабываемые и для нас всех, для всей истории отечественного тенниса.

Летом тридцать восьмого года к советским теннисистам приехала в гости команда знаменитого чехословацкого клуба "ЦЦЦ" во главе с первыми ракетками своей страны, всемирно известными мастерами Ж.Сибой и Л.Киселовой. Этот визит стал для поклонников тенниса исключительным событием. Попастъ на теннисный стадион ЦДКА, где была намечена первая встреча, смогли лишь немногие счастливицы из 50 000 москвичей, подавших заявки на билеты.

Энтузиазм любителей был полностью вознаграждён. Чехи показали великолепную игру, и их лидеры довольно легко обыграли советских теннисистов. Нина Теплякова, на которую мы надеялись больше всего, уступила Киселовой в двух сетах – 4:6, 5:7! Наша чемпионка боролась, как могла, но ей никак не удавалось доставать укороченные мячи Киселовой, и впервые в глазах своих многочисленных поклонников она выглядела неопытной и беспомощной.

- Да, – говорили знатоки, покидая трибуны. – Этот кусок нашей Нине не по зубам.

Другие констатировали ещё короче:

- Положение безнадежное...

Но Теплякова, хоть и подавленная тяжёлым проигрышем, думала иначе. Едва покинув корт, она начала мечтать о реванше. И когда гости поехали в турне по Советскому Союзу, Нина отправилась за ними. В Ленинграде и в Киеве она сидела на трибунах. Сидела и училась, жадно присматривалась к каждому движению Киселовой, старательно обдумывала, как "отомстить обидчице".

И вот 18 июля 1938 года в присутствии огромного количества зрителей (официально теннисный стадион в парке ЦДКА имел пять тысяч мест, но на этот раз людей собралось куда больше – заняты были все проходы, балкончики, даже у задних ограждений центрального корта пристроились любопытные) чемпионка Советского Союза и одна из сильнейших в Европе скрестили оружие.

В тот день в Москве стояла сорокаградусная жара. Было знойно и душно. Люди на трибунах старательно обмахивались программками, когда соперницы, одетые в ослепительно белые костюмы, вышли на залитый солнцем и от этого казавшийся ещё более красным центральный корт.

Начало поединка напоминало точь-в-точь тот, первый. Успешно применяя своё "секретное" оружие, практически незаметное движение ракеткой, после которого мяч не летел, а "умирал" на чужой стороне почти у самой сетки, Киселёва вновь выиграла сет с поразительной лёгкостью – 6:2.

- Ничего не изменилось, и сейчас всё будет кончено, – сокрушённо говорили знатоки.

И лишь один человек знал в тот миг, что борьба только начинается. Преодолевая волнение, подавляя страх перед грозной чехословацкой теннисисткой, Теплякова внушала себе: "Я должна лучше следить за укороченными. Должна!!!"

Ускорив продвижение по площадке, демонстрируя необыкновенную даже для неё выносливость, скорость, точность приёма и атакующего удара, Теплякова одерживает первую победу: выигрывает сет. В борьбе, в мучениях, на предельном напряжении сил, но выигрывает. Зрители, славящиеся особой "теннисной корректностью", взорвались криками и аплодисментами, словно отчаянные футбольные болельщики. Овация в честь любимицы московской публики гремела долго – судьям даже несколько раз пришлось просить спокойствия и тишины.

Самолюбивую чешскую спортсменку такая реакция московской публики откровенно рассердила. А Теплякова после выигрыша сета немного расслабилась и была жестоко наказана за это: соперница быстро повела в третьей партии – 4:2. О том, что произошло дальше, Нина Сергеевна рассказывала так:

- Тогда-то я и сказала себе: "Умру, но выиграю!" Для меня исчезли публика, сорокаградусная жара, голубое небо, даже мой дорогой наставник и друг Николай Николаевич Иванов, который во время матча помогал мне в перерывах очень ценными советами. Но и он вдруг исчез из сознания. Только мяч и лицо соперницы были в моих глазах. Даже голоса судьи не слышала, сама считала – 3:4, 4:4. Далее Киселёва выиграла гейм 4:5, а я – сравниваю. 5:5. И снова – 5:6. Потом 6:6. Наконец, на своей подаче выигрываю гейм и впервые в этой партии выхожу вперёд – 7:6! И вот наступило решающее мгновение. Ничто в жизни не помню так отчётливо, как это. Киселёва подаёт, я принимаю и отвечаю длинным, вдоль самой линии ударом. Смена квадратов. И опять происходит то же самое. 0:30! Киселёва не выдерживает моей тактики. Киселёва проигрывает. Говорят, что последние минуты нашей встречи проходили в полной тишине. Я не знаю, честное слово. Никогда я так полно не отключалась от окружающего, как тогда. И ни одна победа не была мне дороже этой.

Эта победа важна была не только для советской спортсменки. Ведь именно после неё французский журнал "Матч" написал, что вслед за футболистами, тяжелоатлетами, легкоатлетами Советы продемонстрировали свои успехи в теннисе, своё право на европейский авторитет в этой игре.

Это право одной из первых отвоевала для нас Нина Теплякова.

Победа над Киселовой, а точнее то, что ей предшествовало – наблюдения, тщательное изучение чужой манеры игры, проникновение в тайны психологии противницы, – многое изменили в сознании Тепляковой. Нина, до сей поры продолжавшая служить двум богам – балету и спорту, окончательно поняла, что её единственное и настоящее призвание – теннис. Поняла великую справедливость слов, которые ещё полтора десятка лет назад произнёс Николай Николаевич Иванов:

- Пойми, ты рождена для этой игры!

Поняла, что должна отплатить сполна за всё, что дала ей Родина: ведь ещё в 1936-м ей было присвоено звание заслуженного мастера спорта, а годом позже вручён орден "Знак Почёта". И она окончательно оставляет сцену, решив идти одной дорогой: играть в теннис и учить людей теннису.

Сколько было смелых планов, сколько желаний, сколько надежд. И вдруг – война. Враг подходил всё ближе и ближе к столице. Нине звонили по телефону Друзья, советовали:

- Надо эвакуироваться!

- Ни за что на свете! – отвечала она.

Окончила семинар по рукопашному бою. Стала инструктором Всевобуча Коминтерновского района. До сих пор среди её бумаг лежит справка № 03/20 от 20 марта 1943 года, подтверждающая, что она подготовила для фронта 760 бойцов. Работала и швеей – шила обмундирование для тех, кто в великом наступлении гнал фашистов с родной земли. В конце июля сорок второго она приняла участие в чемпионате Москвы – одном из первых во время войны соревнований в городе и в десятый раз стала чемпионкой столицы. Как спортсменка она победила в последний раз. Нине было только тридцать семь, и сил ещё оставалось много.

Участвовала в неофициальных турнирах и однажды, нанеся сокрушительное поражение Лизе Чувыриной, увидела, как ужасающе, расстроилась молодая соперница. Тогда она ей сказала:

- Ты думаешь спорт – это только радость, забава? Нет, милая, – это борьба, постоянная необходимость побеждать и превосходить самого себя...

Лиза Чувырина её первая ученица. Она попала под опеку Тепляковой в мае сорок восьмого, а в 1951-м стала чемпионкой страны в одиночном разряде. И затем ещё три года подряд повторяла этот успех. Значительное достижение! На корте её отличали необыкновенное мужество, умение бороться за победу до конца, вытаскивать её "зубами".

- Сдаётся, – говорили знатоки, – что Нина вселила в неё свой характер, свою душу.

В пятьдесят третьем, когда Лиза была ещё в зените славы, она привела к Нине Сергеевне свою шестилетнюю дочь Маринку:

- Отдаю её вам. Мечтаю, чтобы пошла по моим стопам. Только вы можете помочь осуществить эту мечту...

И вот летом 1968 года московская динамовка мастер спорта Марина Чувырина в паре с киевлянкой Галиной Бакшеевой стала чемпионкой Советского Союза. Она стояла на высшей ступеньке пьедестала почёта, а где-то в толпе зрителей, счастливо улыбаясь, сидела Нина Сергеевна – человек, отдавший семье Чувыриных почти три десятилетия жизни. Сделать "дубль" – вывести маму и дочку в чемпионы Советского Союза – многим кажется делом невозможным. А у Тепляковой это лишь одна страница биографии, яркий, интересный, но все-таки всего лишь эпизод в ряду многих других, не менее прекрасных. Достаточно вспомнить, что она подготовила, воспитала, вывела в мир большого тенниса, на турниры самого высокого ранга ныне заслуженного мастера спорта Анну Дмитриеву, которая не раз достойно представляла нашу страну на самых престижных международных соревнованиях. Или то, что она и её ученики завоевали в общей сложности более пятидесяти золотых медалей чемпионов страны. Или то, что она обучила высшей математике тенниса, начиная с азов, ныне заслуженного мастера спорта Ольгу Морозову, о которой в нашей книге ещё пойдёт речь.

Когда я произносил имя Оли, лицо Нины Сергеевны всегда озарялось счастливой улыбкой. Она не скрывает – Ольга её самая талантливая и самая любимая ученица. В 1967 году она выступала ещё только на X Всесоюзной спартакиаде школьников. А через год – уже Уимблдон, неофициальный, но всеми признанный де-факто чемпионат мира, съезд некоронованных королей и королев ракетки. Просто выступить здесь – мечта каждого большого теннисиста. А Оля в год своего дебюта дошла до юниорского финала. О подобном успехе многие даже и не мечтали.

Потом новое испытание – розыгрыш Кубка Суабо. Это соревнование – командное первенство Европы для теннисисток не старше двадцати лет.

Мне повезло: на эти соревнования, проходившие во французском курортном городке Ле Туке, вместе с советской командой (Оля Морозова, Рауза Исланова, Аня Еремеева), тренером Тепляковой вылетел и я. В самолёте мы с Ниной Сергеевной сидели рядом, и она, предавшись воспоминаниям, рассказывала, как сама в качестве игрока, тридцать пять лет назад, приехала вместе с Евгением Кудрявцевым в Париж. Они участвовали в международных рабочих соревнованиях. Легко выиграв их, Нина, совершенно неожиданно для себя, стала объектом внимания коммунистической прессы. Газета "Юманите" на первой полосе дала её большой портрет, снабдив его громкой надписью – "Чемпионка Страны Советов демонстрирует высокий класс игры". А орган французского комсомола "Авангард" поместил о ней и Кудрявцеве большую статью.

Потом, как известно, Евгений Кудрявцев играл со знаменитым Жаном Баротра. Теплякова тоже решила встретиться хотя бы в неофициальном матче с какой-нибудь известной французской теннисисткой.

В Париже в те августовские знойные дни известных теннисисток найти не удалось: они разъехались по средиземноморским курортам. И тогда знаменитый, легендарный Жан Баротра сказал нашей чемпионке:

- Я не нашёл ни одной женщины, которая была бы достойна вас! И я вам подобрал в качестве партнёра одного из тренеров нашего клуба "Рэсинг".

Она играла с этим малым (и даже обыграла его), а судил их сам Баротра. Потом, на следующий день, в паре с Баротра она выступала против Евгения Кудрявцева и своего вчерашнего соперника. И хотя всё то было скорее весёлой забавой, чем серьёзным спортивным состязанием, она сохранила память об этом событии, о встречах с великим теннисистом своего времени на всю жизнь. Так же, как о неоднократных встречах у нас в стране с его не менее великим напарником Анри Коше, который, кстати, очень высоко отзывался об игре советской чемпионки и не раз с удовольствием выступал в паре с ней в многочисленных тренировочных матчах.

Обо всем этом я услышал в самолёте. Когда же мы прибыли в Лу Туке, Нину Сергеевну словно подменили. Она уже не помнила прошлого, не знала ничего кроме своих девочек, возле которых она хлопотала, как наседка. К слову сказать, это ни с чем не сравнимое глубоко заинтересованное, подлинно материнское отношение к своим ученицам – всем без исключения – всю жизнь было свойственно Нине Сергеевне. Если я был главным судьёй соревнований, она подходила десятки раз и заявляла, что её девочек не так "посеяли", им дали не то время, не те корты... И при этом она никогда не выглядела просительницей, а человеком, требующим высшей спортивной справедливости. Также убеждённо отстаивала она интересы тех, кого воспитывала, на заседаниях федерации и тренерского совета, на... Да, впрочем, она дралась за них везде, где это было нужно, не жалея ни сил, ни времени.

Но главное – она делала их великими мастерами. Когда в газете "Экип" была напечатана статья о том, что русские создали свою замечательную школу женского тенниса, лучшим выразителем которой стала Ольга Морозова", я подумал о Нине Сергеевне – человеке, который является основателем и духовным, творческим руководителем этой школы.

И ещё подумалось вот о чем: Нина Сергеевна в своё время играла совсем в "другой" теннис. Он был, конечно, современным и характерным для того периода: длинные, мощные, предельно точные удары с задней линии. Таково было кредо Тепляковой-игрока. Каким же нужно было обладать талантом, чувством современности, умением видеть будущее тенниса, чтобы, став педагогом, в корне пересмотреть своё мировоззрение! Какой нужно было обладать смелостью, чтобы решительно отбросить всё старое и, обучая других, непрестанно учиться самой! Теплякова-тренер была проводником наиболее современного стиля в женском теннисе – атлетического, атакующего, разнообразного. И не случайно именно её ученицы принесли нам самые яркие победы и самую громкую славу на мировой арене.

Можно написать целые трактаты о манере её тренерской работы. Но главное в ней – любовь к девочкам, которые вверили ей свою судьбу. О том, как она переживала во время игры, ходят легенды. О том, как яростно, зло спорила с нами, судьями, чтобы её подопечные ни в коем случае не играли в одно и то же время ("как же, простите, я буду смотреть за ними?"). О том, как с мамами своих воспитанниц она ежедневно разговаривала по телефону – об отметках, фасонах платьев, режиме и многом другом, люди рассказывают друг другу с истинным благоговением.

Нина Сергеевна человек исключительной судьбы. Я не знаю ни одного сколько-нибудь крупного соревнования в нашей стране, где бы в той или иной мере не ощущалось её реальное участие, её – если не физическое, то уж духовное обязательно! – присутствие. Вот один из характерных примеров, подтверждающих эту мысль.

В конце мая и первых числах июня восемьдесят третьего года в залитом ослепительным солнцем, исключительно гостеприимном Ташкенте проходил теннисный турнир по программе VIII летней Спартакиады народов СССР. Это грандиозное соревнование в блестящем стиле выиграла сборная команда Москвы. В её составе были две ученицы Тепляковой – мастера спорта международного класса Светлана Чернева и Ольга Зайцева. Телевизионные и радиорепортажи из столицы Узбекистана о встречах сильнейших мастеров ракетки вела в те дни заслуженный мастер спорта Анна Дмитриева, а на трибуне сидела и самым внимательным образом следила за происходящим старший тренер женской сборной команды СССР заслуженный мастер спорта Ольга Морозова. Однажды кто-то из думающих фотокорреспондентов собрал этих четырёх женщин, представляющих три поколения советских теннисисток, и сделал фотографию которую назвал – "Они из команды Н. С. Тепляковой". И, рассматривая этот снимок, мы ещё и ещё раз думали и говорили о Нине Сергеевне и о том, что, по существу, границам "её команды" нет предела.

За спиной почти восемь десятков лет. У неё уютная квартирка в новом доме на улице Чкалова. Но до последнего времени она бывала в ней лишь поздно вечером. С утра – на стадионе. Сначала группа мастеров, потом молодёжь, потом физподготовка, игра у стенки. Мелькают мячи. Мелькают сетки. Если посчитать их все – и те, что отыграла сама, и те, что провели её ученицы, – наберутся

десятки тысяч. Один за одним, один за одним. Вроде бы всё однообразно. А закроешь глаза, представишь её путь от того теперь уже такого далёкого дня, когда в подмосковной Мамонтовке впервые вышла она на корт, и до сегодняшних свершений, и встаёт перед тобой яркая, необыкновенно красивая и содержательная жизнь, подобная подвигу!

Летом восемьдесят третьего года, когда работа над этим очерком была уже закончена, нас всех ошеломила тягостная весть: Нины Сергеевны не стало. Её сразили не годы, а тяжёлая, неизлечимая болезнь. Провожать великую чемпионку и великого тренера собралась вся теннисная Москва, пришли представители многих других видов спорта, люди искусства, знаменитые актёры.

Было много цветов и много трогательных слов. Но из всех запомнилась одна фраза:

- Не будем грустить, друзья. Такие люди, как Нина Сергеевна, не умирают. Они остаются с нами и будут всегда жить в том деле, которое озарено светом их таланта, их любви, их беспредельной преданности.

К этому, право, нечего добавить!

Глава пятая РОЖДЕННЫЙ СПАРТАКИАДОЙ

В шестьдесят седьмом году, накануне пятидесятилетнего юбилея Советской власти, Ленинградский городской спортивный комитет провёл серию встреч молодёжи с прославленными чемпионами и рекордсменами, в разные периоды защищавшими честь города на Неве. На одной из них перед юными ленинградцами выступил прославленный советский теннисист Эдуард Эдуардович Негребецкий. Обращаясь к многочисленной аудитории, к людям, заполнившим до отказа вместительный зал Окружного Дома офицеров, ветеран сказал:

- Меня, как игрока, как будущего чемпиона "родила" Всесоюзная спартакиада 1928 года. Вся моя спортивная жизнь чётко разделена на два периода: до Спартакиады и после неё...

Эдуард Негребецкий родился 24 ноября 1908 года в городе Тифлисе в большой семье, где работал только отец. Скромный заработок бухгалтера едва позволял, как говорится, сводить концы с концами. Мать с утра до вечера была занята по хозяйству. Маленький Эдик в силу этого обстоятельства почти с самых ранних лет был предоставлен самому себе.

Рядом с Татьяниной улицей (теперь она носит имя 27 февраля), на которой жили Негребецкие, ещё до революции построили скетинг-ринг, а году примерно в пятнадцатом на его месте сделали две асфальтированные теннисные площадки.

Играть на них допускались только избранные, разумеется, за весьма солидную плату. Семилетний Эдик вместе с другими ребятами жадно наблюдал за диковинной игрой.

А потом, разобравшись в чем дело, познакомившись с правилами, мальчишки на расположенном неподалёку от настоящего корта пустыре сами, без чьей-либо помощи и подсказки, оборудовали площадку. Натянули поперёк неё верёвки, смастерили из фанеры и досок ракетки. Только мячи у "дикой команды" были настоящие: они залетали изредка на пустырь из "запретной зоны" и становились трофеем детворы. Играли мальчишки азартно, смело, по своим правилам. Яростные сражения "на выкидку" (проигравший уступает место очереднику) разворачивались почти ежедневно. И не было среди сверстников равных Эдику: случалось, что он по пять-шесть часов кряду "держал марку" и покидал площадку только по собственному желанию, когда чувствовал, что сил не осталось.

Самодельные турниры: этим и ограничивалась их спортивная жизнь. По тем временам это был едва ли не максимум возможного. Во всем Тифлисе не было тогда ни одного стадиона, ни одной специально оборудованной спортивной площадки для массового пользования. Да и само понятие "физическая культура" подавляющему большинству не было известно.

На настоящих теннисных площадках Эдик Негребецкий и его товарищи смогли играть только после того как в Грузии установилась Советская власть. Но они могли наблюдать, им разрешалось подавать мячи, и это уже было большим счастьем: ведь они подавали их мастерам своего дела местным знаменитостям – доктору Карлу Тотвену, служащему государственного банка Омару Гомеру... Для своего времени те обладали достаточно высоким мастерством, и на их примере учились орлята. Перенимали технику, манеру ведения поединков, способы владения ракеткой...

Однажды, придя на корт, чтобы, как обычно, подавать мячи, двенадцатилетний Эдик, к своему удивлению не встретил там ни мастеров, ни своих товарищей. Только недоступный Тотвен, тоже, видимо, не понимавший в чём дело, со злостью вбивал мячи в тренировочную стенку. Взглянув несколько раз на мальчишку, знаменитый чемпион вдруг предложил:

- Хочешь сыграть со мной?

Будь Эдик поразговорчивей, он бы наверняка признался, что не раз видел это мгновение в своих детских снах, и непрестанно мечтал о нём наяву. Но от неожиданности он только мотнул головой и буркнул под нос:

- Хочу...

Импровизированный матч между ними затянулся до темноты и заканчивался уже при большом стечении людей, постепенно подошедших на теннисный стадион. Счёт соперники не вели, но насквозь промокший костюм Тотвена и пот, струившийся по его лицу, говорили сами за себя. С достоинством, как равному, пожал он руку юному партнёру и сказал:

- А ты молодец, однако. Приходи почаще, будем играть!

Постепенно вокруг ветеранов сгруппировался кружок юных спортсменов. Эдуард Негребецкий, братья Серебряковы, Долидзе. Жизнь закипела. Конечно, ни о каких тренировках, ни о какой продуманной методике не было и речи: просто играли до иступления – и всё тут. Но уже тогда ясно просматривалась безусловная одарённость Негребецкого. Если другим мальчишкам взрослые мастера всегда давали различную фору, то с Эдиком играли на равных.

Это были бесхитростные игры, в основе которых лежал "чистый" любительский интерес. Если и проводились соревнования, то лишь придуманные самими участниками. Ни медали, ни чемпионские звания победителей не ожидали.

- Мы сражались во имя собственного удовольствия да ещё во имя интереса. Вот и все, что руководило тогда нами, – вспоминает Эдуард Эдуардович.

Но вот пришло известие о проведении I Всесоюзной спартакиады. В её программу был равноправно включён и теннис. Нужно было выявлять сильнейших, собирать команду. Атмосфера беззаботности сменилась большой творческой взволнованностью, чувством ответственности каждого участника. Резко изменился сам характер состязаний. Весной 1927 года проводится Спартакиада Закавказья. 18-летний Эдуард Негребецкий выигрывает теннисный турнир, а весной следующего года становится чемпионом Тифлиса в одиночном разряде. Журналист Д. Чохели в корреспонденции, посвящённой этому соревнованию и его итогам, писал: "Когда-то бытовало мнение, что лаун-теннис не что иное, как забава аристократов. Но в эти дни мы увидели на корте скромного монтажника городской электростанции, овладевшего всеми тайнами этой игры и доказавшего, что ему нет равных по мастерству в солнечной Грузии".

Негребецкий включён в сборную команду Закавказья, отправляющуюся на Всесоюзную спартакиаду в Москву. На перроне в Тифлисе спортсменам устроили пышные проводы. Было много цветов, улыбок, добрых пожеланий.

- Посмотрите, как люди играют, и себя покажите.

- Не бойтесь встреч с грозными чемпионами.

- Пусть узнают в Москве о спортсменах нашего края, – напутствовали провожающие.

И вот посланцы Закавказья в столице нашей Родины.

Большой спортивный праздник подхватил, закружил их в своей многоцветной карусели. Но сколько бы интересного ни было вокруг, главными оставались соревнования, страстное желание проверить свои силы и возможности в поединках с лучшими представителями теннисной гвардии страны.

Тут нужно сказать, что соревнования по спортивным играм в программе Всесоюзной спартакиады 1928 года проводились по весьма своеобразной системе. В одной группе первенство разыгрывали команды, представляющие РСФСР (Волжский район, Северный Кавказ, Урал, Ленинград, Москва, Крым, Центрально-промышленный район, Сибирь, Район автономных республик и областей, Северный район, Дальний Восток, Центрально-земледельческий район), в другой – союзные республики (Туркменистан, Белоруссия, Украина, Узбекистан, ЗСФСР).

Турнир теннисистов начался 15 августа. Игры шли на вновь вступивших в строй кортах ЦДКА, а также на площадках стадионов Инфизкульта, Красных Сокольников, Металлистов и Совторгслужащих... Расписание было крайне напряжённым. Так, матч Белоруссия – Туркменистан начался в 9 часов утра. Довольно легко его выиграли белорусские спортсмены – 11:0. Вечером им предстояло скрестить оружие со спортсменами Закавказья. Общее мнение специалистов сводилось к тому, что команда Белоруссии и здесь окажется сильнее.

Однако, как это часто бывает в спорте, прогноз не оправдался. Сборная Закавказья, ведомая своим молодым капитаном и первым игроком Эдуардом Негребецким одержала победу – 6:5. 19 августа с таким же счётом была повержена и сильнейшая дружина украинских спортсменов. Таким образом, команда ЗСФСР стала победителем первенства по группе союзных республик. И только в финале, где шла борьба за звание абсолютного чемпиона Спартакиады, закавказцы с достойным счётом уступили сборной Москвы. Комментируя выступление южан, один из игроков столичной команды и признанный историограф советского тенниса Б. Ульянов писал в те дни на страницах одной из наших газет:

"Замечательно проявила себя команда Закавказья, буквально разгромившая Украину, которой не удалось выиграть ни одного матча в мужских встречах. Интересно отметить, что команда-победительница состоит наполовину из молодёжи, впервые выступающей на крупных состязаниях. Весь её мужской состав: Негребецкий, Гомер, Хангулян, Серебрянников сделали любимцами московской публики, и все дальнейшие их игры в индивидуальных разрядах смотрелись с огромным интересом, вполне оправданным закавказцами, так как за ними, в конечном результате, оказался ряд блестящих побед над высококлассными игроками".

Особенно отличился Эдуард Негребецкий. В мужском одиночном первенстве СССР (группа "А", класс 1) он победоносно прошёл три круга и лишь на пороге полуфинала в упорнейшей борьбе уступил седьмой ракетке страны москвичу Е. Тихонову – 3:6, 3:6, 5:7. Причём обозреватели единодушно назвали их встречу одной из самых красивых. Так, Борис Громов писал в "Известиях": "20-летний дебютант из Тифлиса изрядно заставил поволноваться поклонников москвича. Южанин откровенно красив, смел, его открытая манера игры, приверженность к атаке подкупает каждого, кто хоть что-нибудь понимает в этой игре. У Негребецкого уже сегодня мы отмечаем черты яркого таланта и вместе с тем с горечью констатируем отсутствие турнирного опыта. Вот чего недостаёт этому юноше для больших побед!".

Совершенно очевидно, что такие оценки вдохновили молодого спортсмена.

- С этим выступлением в столице неразрывно связано все, что произошло в моей дальнейшей судьбе. Спартакиада родила меня как игрока и пробудила во мне спортсмена. В ту пору я работал на монтаже Закавказской ГЭС, зарабатывал и отдавал все деньги в семью, чтобы дать возможность учиться трём младшим братишкам и сестрёнке. Был период, когда откровенно подумывал о том, чтобы оставить теннис. Но после поездки в Москву об этом не могло уже быть и речи. Я "заболел" игрой, – вспоминал Эдуард Эдуардович в одном из своих интервью.

Нелегко было совмещать работу с упорными тренировками. Летом трудовой день начинался в шесть часов утра – на корте, где молодой спортсмен отрабатывал и совершенствовал технические приёмы. А вечером, отдохнув после восьмичасовой смены, он проверял себя в товарищеских матчах с самыми лучшими, самыми сильными партнёрами, которых только можно было найти.

На Спартакиаде в Москве я увидел образцы высокого теннисного мастерства. Приблизиться к ним – моя сокровенная мечта, – говорил Эдуард своим друзьям и близким.

И стремление это он подкреплял упорными, чётко спланированными тренировками. Его свободолюбивой раскрепощённой натуре подчинение строгому режиму, "железной" организации распорядка давалось нелегко, но он заставлял себя подчиняться, готовя к грядущим, спортивным поединкам не только тело, но и волю.

В сентябре 1930 года сборная команда Москвы, возглавляемая Николаем Ивановым и Ниной Тепляковой приехала в Тбилиси. Встреча лучших мастеров двух столиц стала большим событием спортивной жизни. На всю страну разнеслась весть о небывалой победе южан в этом матче. Хозяева кортов победили во всех мужских встречах. Самым захватывающим, необыкновенно интересным по сюжету стал поединок Иванов – Негребецкий. Москвич в тот год занимал во всесоюзной классификации второе – четвёртое места (он делил их вместе с ленинградцем В.Мультино и земляком Е.Ованесовым), в блестящем стиле выиграл звание чемпиона Москвы, имел в своём активе ряд самых престижных побед. И многочисленных зрителей, заполнивших трибуны теннисного стадиона спортивного комплекса "Динамо", больше всего интересовало, как выступит в состязании со знатным гостем их любимец. ^

Поначалу инициативу захватил Николай Иванов. Довольно легко он добился успеха в первом сете – 6:2. По-видимому сказалось волнение Негребецкого, который действовал в несвойственной ему манере, преимущественно оборонялся, допускал грубые ошибки. '

Но неудачное начало не сломило южанина. Наоборот, оно как бы успокоило его. Поняв, что "терять больше нечего", Негребецкий преобразился. Его мощные подачи, сильные и точные удары, смелые выходы к сетке озадачили москвича. Опытный турнирный боец оказался неподготовленным к такому натиску и уступил три сета подряд – 5:7, 3:6, 6:8! Пожимая руку своему победителю, известный спортсмен и педагог сказал:

- Вам давно пора регулярно выступать во всесоюзных состязаниях, Эдик. Местные рамки для вас откровенно узки. Вам нужны самые серьёзные испытания и самые сильные соперники. Лучше всего переехать на север, в один из наших главных теннисных центров. Вы ведь рождены для тенниса. Для больших побед в нем.

Эти слова заставили задуматься тбилисского спортсмена над дальнейшей судьбой, и он сделал выбор, решив переехать в Ленинград. Ленинградцы были в то время законодателями в нашем теннисе. По всей стране гремела слава их лидера Евгения Кудрявцева. Нужно ли говорить после этого, почему манил Негребецкого этот город. Для молодого, обретавшего крылья спортсмена он был чем-то вроде "земли обетованной".

Впервые в Северную Пальмиру Негребецкий попал в 1931 году. Он приехал сюда в составе сборной команды Тбилиси на матчевую встречу. Посланцы Грузии уступили тогда ленинградцам. Проиграл Кудрявцеву и Эдуард Негребецкий. Но как! Их матч стал событием, о котором ещё долго говорили знатоки. Выходившая в ту пору в городе газета "Спартак" назвала разыгравшуюся между ними дуэль одной из самых увлекательных и самых "качественных" за всю нашу теннисную историю. Автор отчёта предрекал гостю из тёплых краёв большое будущее. "Но, – писал он, – Негребецкому, несомненно, нужна серьёзная школа, нужна возможность постоянно повышать свой класс".

Эдуард и сам отлично понимал это. Вот почему после долгих и мучительных размышлений он решается на переезд в Ленинград на постоянное местожительство. В ноябре того же года на стадионе "Динамо", главном спортивном сооружении Ленинграда, приступил к исполнению служебных обязанностей новый электромонтёр. Старательный, чёткий, предельно исполнительный, отзывчивый, он быстро

завоевал симпатии сотрудников. И, конечно, немаловажную роль в этом сыграли успехи Эдуарда Негребецкого на теннисной площадке, которые не заставили себя ждать.

На чемпионате СССР 1932 года в финале одиночного мужского разряда встретились Евгений Кудрявцев и Эдуард Негребецкий. О молодом мастере повсюду говорили тогда как о восходящей звезде, но авторитет бессменного чемпиона страны был так высок, так непререкаем, что едва ли кто-нибудь сомневался в исходе предстоящего поединка. М. Ромм писал в статье, опубликованной в день финалов: "Наступление молодёжи отрадно, но едва ли можно предположить, что Негребецкий, отлично обыгравший в полуфинале Мультино, готов к борьбе на равных с первой ракеткой страны".

Долгожданная встреча состоялась. Вот как характеризовала её главная спортивная газета страны: "Бой двух теннисных богатырей Кудрявцева – Негребецкого – замечательный, невиданный бой. Три тысячи зрителей были поистине захвачены им и почти непрерывно аплодировали обоим участникам. Да и как было не аплодировать, если перед нами разворачивалось нечто грандиозное. С одной стороны – молодость, физическая сила, заключающаяся в колоссальной выдержке. С другой – техника, прекрасная тактика и десятилетний опыт игры".

- Эта встреча между Кудрявцевым и Негребецким навсегда вошла в историю нашего вида спорта, – говорил один из самых интересных, самых преданных пропагандистов тенниса, в прошлом сам великолепный игрок Александр Викторович Правдин. И с его оценкой охотно соглашались все, кому в своё время довелось стать её свидетелем. Впрочем, и нам подвластно, если и не пережить полностью её волнующие перипетии, то хотя бы воссоздать мысленно картину отшумевшего более полувека назад "сражения".

В первом сете всё складывалось так, как и предсказывали специалисты: в счёте решительно повёл Кудрявцев. Блестяще используя ошибки явно нервничавшего, спешившего с приёмом мяча соперника, умело сочетая безупречную игру на задней линии с решительными выходами к сетке, чемпион довольно легко заканчивает "раунд" в свою пользу – 6:3. И на трибунах этот результат воспринимается как само собой разумеющийся.

- Кудрявцева не переиграешь.

- Да, пока ему равных не было и нет, – слышалось тут и там.

Но постепенно разговоры смолкли. Все присутствовавшие на стадионе смотрели на происходящее как зачарованные. Казалось, действующие лица поменялись ролями. Теперь главный герой на площадке Негребецкий. Куда делись робость, спешка, волнение – теперь у него всё получается. Прекрасные удары справа, с воздуха, сильная и точная первая подача, смелые, неожиданные атаки озадачили чемпиона. По всему чувствуется: Кудрявцев растерян, он явно не готов к такому натиску соперника. Второй сет заканчивается с тем же счётом – 6:3, но теперь уже не в его пользу. На огромных демонстрационных щитах появились одинаковые цифры, отражавшие наступившее равновесие – 1:1. И знатоки понимали, что теперь многое, очень многое будет значить третий сет. Отчётливо представляли это и сами соперники.

Не удивительно поэтому, что каждый из них вкладывал в ход поединка всё своё умение, всю силу мышц и духа. Напряженнейшая, непримиримая борьба шла за каждый мяч, за каждый гейм.

Поначалу в этой дуэли огромного физического и морального напряжения впереди с минимальным преимуществом шёл чемпион – 1:0, 2:1, 3:1. Негребецкий кажется надломленным, он подряд допускает несколько грубых ошибок. Создаётся впечатление, что Кудрявцеву удалось уйти в решающий отрыв. Но именно в этот момент Негребецкий находит в себе силы выровнять положение – 5:5. И этот рывок молодого спортсмена – рывок мощный, смелый, исполненный упоительной дерзостью – явно деморализовал вечно спокойного, славившегося своей невозмутимостью Кудрявцева. Видно, как он волнуется, как выбит из колеи неутомимостью нападающего с новой силой молодого соперника. И вот уже Негребецкий впереди – 6:5.

- Дело сделано, Эдик! – кричит ему во время короткого отдыха кто-то из близких друзей.

- Не каркай! – отвечает довольно зло Негребецкий.

Нервы у него напряжены до предела: победа вроде бы так близка, а попробуй захвати её. И словно бы подтверждая необычайную сложность этой задачи, Кудрявцев снова уравнивает счёт геймов – 6:6. Но тут молодой спортсмен показывает всю свою "злость". Он нападает, нанося исключительной силы удары, и под громогласные аплодисменты трибун выходит вперёд – 8:6.

Четвёртый сет как бы открыл зрителям истинные возможности и истинный стиль Негребецкого. Мощный удар, необычайная подвижность – вот его стихия. Кудрявцев прилагает огромные усилия, чтобы сдержать нарастающий натиск соперника, но ему – даже ему! – это на сей раз не удаётся. Счёт идёт в пользу молодости – 1:0, 2:0, 3:0, 3:1, 3:2, 4:2, 5:2, 5:3.

Все, кто присутствовал на этом захватывающем матче, кстати длившемся всего 1 час 25 минут (что говорит об очень высоком темпе, в котором он протекал), до последнего мгновения верили, что признанный, прославленный, "традиционный" чемпион, чемпион, к силе, непобедимости которого уже привыкли, и на этот раз в конце концов восстановит статус-кво, спасёт игру. Тем неожиданней и оглушительней был последний аккорд, когда Негребецкий со своей подачи взял четыре очка подряд, выиграл партию (6:3), а с ней и матч. Первым с этим блестящим успехом его поздравил Евгений Кудрявцев.

- Вот вы и первая ракетка страны, Эдик...

Да, за короткий срок, всего в четыре года, юный дебютант поднялся на высшую ступень всесоюзного пьедестала почёта, стал лидером теннисной гвардии страны. Ему исполнилось тогда 22 года, и, как справедливо писал Борис Ульянов, в нём счастливо сочетались вся прелесть одухотворённой молодости и мудрость испытанного турнирного бойца. Было совершенно очевидно, что успех, пришедший к нему, закономерен, оправдан всей логикой событий и в нашем спорте появился ещё один большой, яркий мастер.

- Этот чудотворец спустился к нам с небес и, по-видимому, надолго, – так комментировал восхождение ленинградца на теннисный трон ныне народный артист СССР, сам заядлый теннисист Игорь Владимирович Ильинский.

И его слова оказались пророческими. Эдуард Эдуардович Негребецкий вошёл в историю нашего тенниса не только как один из самых ярких, самых талантливых мастеров, но и как своеобразный чемпион творческого долголетия.

В этой связи нельзя не вспомнить уникальный в своём роде 1950 год. Эдуарду Эдуардовичу тогда уже исполнилось 42 года. За спиной были долгие спортивные испытания, четыре года, проведённые на фронте и в блокадном Ленинграде, голод, лишения, боль недоверия, которое, увы, не раз высказывала в его адрес пресса. Что ж, понять скепсис журналистов в какой-то мере можно: в теннисе наступила новая эпоха, пришла смелая, интересная, удивительно талантливая молодёжь. Давно повесили ракетки на гвоздь мушкетёры довоенной поры – Е.Кудрявцев, Н.Иванов, В.Мультино, Л.Мищенко, Н.Джаксон и многие другие, а Негребецкий, этот "последний из могикан", всё ещё нёс свою бессменную вахту. Да как нёс!

В то лето чемпионат страны, как бывало уже не раз, разыгрывался на великолепном теннисном стадионе в парке ЦДКА. Для встречи в финале на корт были вызваны Николай Озеров и Эдуард Негребецкий. Интерес к решающим поединкам в спорте всегда огромен. Но к этому он, прямо скажем, был просто исключителен. Став впервые первой ракеткой страны в военном, сорок четвёртом, Озеров (о котором у нас речь ещё впереди) ещё дважды подряд повторил свой успех, словно бы утверждая торжество новой волны. Но в 1947-м чемпионом СССР в одиночном мужском разряде стал Э. Негребецкий, в 1948-м – Б.Новиков, в 1949-м – Э.Негребецкий. Причём оба раза опытный ленинградец побеждал в финале именно Озерова. И вот судьба свела их в решающей схватке в третий раз.

Первые два сета остались за москвичом. Играл он легко, вдохновенно, у него, как говорится, всё получалось. Казалось, до победы остался лишь шаг. Один нетерпеливый журналист даже передал в редакцию сообщение об успехе Николая, и эта информация, к сожалению, увидела свет, вызвав немалое смятение у читателей. Потому что дальнейший ход событий всё круто перевернул. В третьем

сете ленинградец впервые в этом матче показал свой характер, мощными, точнейшими ударами загнал соперника в оборону и в конце концов заставил капитулировать.

Напряжение повысилось, и Озеров всеми силами стремился погасить его. Казалось, ему это удастся. Но когда до развязки оставалось всего каких-нибудь пять-шесть мячей, нам вдруг всем показалось, что Негребецкий каким-то магическим действием вернул себе молодость. Он "вырвал" четвёртую партию, а пятый сет завершил оглушительно – 6:0 ! Это было четвёртое и последнее восхождение в его жизни на сладостный пик победы в одиночном мужском разряде. Затем в этот же день в паре с Николаем Озеровым он победил сильнейший дуэт С.Андреев – Е.Корбут (6:1, 6:0, 4:6, 6:2) и в паре с Т.Налимовой в третий раз поднялся на высшую ступень пьедестала почёта. Итак, он чемпион Советского Союза во всех возможных разрядах в 42 года и через 22 года после дебюта на всесоюзной арене. Эти показатели были и остаются до сих пор абсолютными рекордами творческого долголетия в отечественном теннисе.

Эдуарду Эдуардовичу принадлежат и другие замечательные достижения. Из спортсменов своей "эпохи" он рекордсмен по числу побед на чемпионатах СССР: 4 раза в одиночном разряде (1932, 1947, 1949 и 1950 годы), 10 раз – в парном и 6 – в смешанном. Итого – 20. Даже у легендарного Кудрявцева эти показатели выглядят чуть скромнее (4+8+5=17). Объяснял причину этих замечательных успехов Негребецкий всегда однозначно:

- Мне исключительно везло на партнёров...

Действительно, в парных и смешанных разрядах у Негребецкого были великолепные "соседи", такие прославленные мастера советского тенниса, как З.Клочкова, Т.Налимова, А.Мдивани, Е.Кудрявцев, Н.Озеров. И, вспоминая дни минувшие, Эдуард Эдуардович для каждого находит особые, но всегда добрые, тёплые слова.

Прежде всего о А. Мдивани, с которым они три раза подряд побеждали на чемпионатах СССР (1934-1936 гг.) и во множестве других турниров всесоюзного ранга. Мдивани, с которым Негребецкий подружился ещё в Тбилиси, в одиночных состязаниях никогда особо не отличался, всего пять раз был в десятке сильнейших (с 1931 по 1935 г. включительно), да и то, как правило, по результатам успехов в дуэте. Но именно его Негребецкий считает своим лучшим, самым любимым партнёром.

- Мы здорово дополняли друг друга, – вспоминает с видимым удовольствием Эдуард Эдуардович. – Ни с кем не было у меня большего взаимопонимания, таких прочных невидимых нитей, которые обеспечивают успех в парной игре. Отличная, ни с чем не сравнимая реакция Мдивани позволяла ему быть поистине незаменимым подготавливающим игроком. Он создавал такие условия, что я получал мяч для завершающего удара словно "на блюде". Более того, Мдивани не просто создавал условия, а всегда нацеливал меня на атаку в наиболее выгодном, в наиболее эффективном для данного момента направлении.

Негребецкий рассказывает, а мне вспоминается далёкий-далёкий тридцать четвёртый год. Тогда в финале мужского парного разряда чемпионата СССР встретились два ленинградских дуэта Е.Кудрявцев – В.Мультини и Э.Негребецкий – А.Мдивани. Первые носили звание чемпионов, они побеждали на Спартакиаде 1928 года и первенстве страны 1932 года (в 1933-м оно не разыгрывалось). Многие специалисты считали, что этой паре не было в то время равных. Но молодые соперники буквально сокрушили ветеранов, не дав им взять ни одного сета – 6:2, 6:4, 7:5.

"Великолепной сыгранности чемпионов Э.Негребецкий – А. Мдивани противопоставили сыгранность идеальную, продуманную, их тактике – тактику ещё более гибкую и мудрую", – писал в отчёте о соревновании А. Правдин.

Подобное взаимопонимание, обострённое чувство друг друга, поразительную синхронность эти спортсмены демонстрировали на протяжении всех лет, пока выступали вместе.

Ну а среди теннисисток, бесспорно, лучшей напарницей ему была Т.Налимова. Впервые судьба свела их вместе на чемпионате страны 1936 года. Негребецкий к тому времени был признанным маэстро, а Таня – малоизвестной перворазрядницей. Но она сразу же показала себя с самой лучшей стороны, и они взлетели на высшую ступень пьедестала почёта, а в следующем сезоне повторили этот успех.

Татьяна Налимова была на семь лет моложе своего партнёра (она родилась в 1915 г.). Она выросла в семье, где занятия спортом всячески поощряли, зимой играла в хоккей за первую команду ленинградского "Динамо" (благо эта прекрасная игра тогда была широко распространена среди женщин), а к теннису пристрастилась с двенадцати лет, играя на дачных кортах Терлева под Ленинградом. Затем, уже влившись в секцию "Динамо", Татьяна познакомилась с одной из самых лучших, самых ярких теннисисток того времени Зинаидой Ключковой, училась у неё и овладела её мощной, атакующей манерой игры.

Негребецкий одним из первых "заметил" её.

- У этой спортсменки природный талант к парной игре, – сказал он, объясняя причину своего выбора. И не ошибся. Татьяна Налимова как раз и вошла в историю нашего тенниса как выдающийся мастер парной игры. Она 12 раз (1937, 1939, 1944-1947, 1949, 1950-1953, 1955 гг.) в женской паре и 10 раз в "миксте" побеждала на чемпионатах СССР. Причём из этих десяти раз пять в паре с Негребецким. Последний раз это произошло в 1952 году, и журналисты, восторгаясь этой победой, писали о неиссякаемой молодости и не тускнеющем мастерстве ленинградцев.

- У Татьяны была "мужская" игра, – поясняет Негребецкий. – Обычно в игре смешанной пары мужчина контролирует три четверти площадки. Ну а с Налимовой можно было свободно делить площадку пополам. Она великолепно играла у сетки с лёта. Да и подача у неё была исключительно сильная.

А Татьяна Борисовна говорит, в свою очередь:

- Эдуард Эдуардович был не только выдающимся партнёром, игроком очень высокого класса, но и замечательным педагогом, тонким воспитателем, мудрым наставником. Каждое выступление с ним было для меня всегда самой настоящей академией современного тенниса. Как бы хорошо мы ни играли, какую бы большую и приятную победу ни торжествовали, мой коллега всегда выискивал ошибки, разбирал теневые стороны нашей игры. Однажды я не удержалась, спросила:

- Зачем говорить о плохом сейчас, когда нас так все хвалят?

- Для будущего, Танюша, для будущего, – ответил он. И в этом ответе был весь Негребецкий, человек, решительно устремлённый вперёд, умеющий видеть завтрашний день и работать во имя него!

В середине тридцатых годов Анри Коше в паре с Августином Вельцем выступил против пары Евгений Кудрявцев – Эдуард Негребецкий. Сыграв против этого дуэта, гость из Франции сказал:

- Великолепная пара. Выйди она на международную арену, многие наши знаменитости не выдержали бы соперничества с ней...

На международную арену в ту пору советским мастерам путь был практически закрыт, но у себя в стране этот дуэт с 1937 по 1940 год включительно трижды выигрывал звание чемпионов СССР, трижды побеждал в матчах со сборной командой столицы, да и вообще не имел ни одного поражения.

Итак, перед нами картина головокружительных спортивных восхождений Эдуарда Негребецкого. Казалось бы, одной жизни не хватит на всё это. А между тем (и об этом мало кто знает) теннис был далеко не единственной страстью, не единственным делом этого разносторонне одарённого человека. С детства он любил петь. Пел под аккомпанемент сестры, игравшей на рояле. Считалось всё это забавой, семейным развлечением. Приходили гости, хвалили приятный баритон Эдика – не более. Но в тридцать пятом, в Ленинграде, на самодеятельном концерте спортсменов "Динамо" Негребецкого услышал один из дирижёров театра оперы и балета имени Кирова. Он

посоветовал Эдуарду, чья чемпионская звезда засверкала в те дни особенно ярко, серьёзно заняться искусством. И этот совет был принят. Осенью тридцать шестого Эдуард Негребецкий стал студентом вокального отделения Ленинградской консерватории. Дела с учёбой шли хорошо, и пользовавшийся громкой спортивной славой молодой человек всё серьёзней задумывался о сценической карьере.

О тех днях в его уютной ленинградской квартире напоминает многое. Вот афиши концертов, прошедших на сценах лучших театров и музыкальных салонов города, в рабочих клубах. Среди участников – Эдуард Негребецкий. В его репертуаре арии Онегина, Елецкого, Жермона, романсы русских композиторов, зарубежная классика... Из заметки, опубликованной в газете "Спартак", узнаем, что чемпион СССР дал в зале Дома Красной Армии сольный концерт, который прошёл с большим успехом.

Он уже успешно окончил четвертый курс, когда грянула война. Эдуард Негребецкий не размышлял о том, как поступить. 22 июня 1941 года он подал заявление в военкомат с просьбой снять с него бронь и отправить на фронт. Отправить немедленно. Он писал, что в эти грозные дни место спортсменов, людей особой закалки, на передовой линии огня.

Можно было бы написать отдельный рассказ о его боевом пути. Рядовым красноармейцем, бойцом стрелкового батальона участвовал он в тяжелейших оборонительных сражениях на эстонской земле. Защищал родной Ленинград. Ходил в разведку. Потом служил в батальоне аэродромного обслуживания. Вдохновенно нёс трудные фронтовые вахты, а в свободное время устраивал вокальные концерты для лётного состава. Однажды случилось ему петь на морозе, прямо у стоянки боевых машин. Ребята сбросили перчатки, аплодировали горячо. Кто-то крикнул:

- Голос-то какой, братцы! Ты бы его поберёг, Эдик, для мирных дней...

Он только усмехнулся.

- Голос мне, ребята, после войны уже будет не нужен...

Да, с карьерой оперного артиста не получилось: всё перечеркнула война. Но после её окончания он вернулся в большой теннис и навсегда оставил о себе память как прекрасный, неповторимый артист кортов. Это сравнение я привожу отнюдь не ради звучности. В игре Негребецкого, как, может быть, никакого другого теннисиста тридцатых-пятидесятых годов, всегда доминировало эстетическое начало, истинная красота, искренность, импровизация.

Это был настоящий геркулес. Стройный, красивый, обаятельный, темпераментный. Своей смелой манерой игры, своими мощными разнообразными ударами, своей гибкой, ювелирной тактикой, тончайшим пониманием сути игры он завоёвывал сердца поклонников тенниса в Москве и Ленинграде, Киеве и Тбилиси, Минске и Баку... Это был настоящий любимец публики. Любой турнир с участием Негребецкого становился событием.

У этого спортсмена была мощнейшая первая подача, самобытный, беспощадный удар справа, и, когда он получался, когда ленинградца посещало вдохновение, у него выходило буквально всё, и тогда просто жалко было смотреть на его противников. Он буквально уничтожал их. Его стихией была атака, его "коньком" – превосходная почти безошибочная игра у сетки с воздуха, с лета. Этот человек был всегда на виду, всегда в центре внимания. Об этом говорят многочисленные публикации в газетах и журналах, кинохроника тех дней, стихи, написанные замечательным нашим поэтом Вас. Лебедевым-Кумачом, которые звучат так:

Мужает теннис наш советский,

Его девиз – успех, азарт,

Его "визитка" – Негребецкий

Наш вечно первый Эдуард.

Кроме великолепного мастерства, подкупающей виртуозности ленинградца всегда отличали огромная воля, непревзойдённые бойцовские качества.

Он вернулся на корт с полей войны, перенеся огромные физические и душевные страдания. В то время в теннис влилась новая волна молодёжи, уже ярко возшла звезда Николая Озерова. И вот в 1947 году они сошлись в финале одиночного разряда чемпионата СССР.

- Тяжело было, – вспоминает с улыбкой Эдуард Эдуардович. – Сопернику ведь было на 14 лет меньше, чем мне.

Но ни это обстоятельство, ни бурный натиск москвича в начале матча не заставили дрогнуть ленинградца. Исключительно правильно, мудро поведя игру, он довёл её до победы. Кстати, благодаря ей Эдуард Негребецкий стал в четвёртый раз сильнейшим теннисистом страны в одиночном разряде. В 1949 и 1950 годах – вновь в поединках с Озеровым – ветеран повторяет этот успех, изумляя своими подвигами (а подобные победы иначе не назовёшь) даже самых преданных друзей, самых искренних почитателей.

В парных играх Негребецкий так и сошёл с арены непобеждённым. В последний год своих выступлений, в 1952 году, он снова выиграл звание чемпиона страны в паре с Татьяной Налимовой и Николаем Озеровым. Наверное, Негребецкий не ушёл бы и в тот год, да вмешались в дело административные силы. "Развели" Эдуарда Негребецкого с Николаем Озеровым, мотивируя это решение "неперспективностью" подобной пары. И неповторимый дуэт, где так великолепно сочетались опыт и молодость, распался.

Но имя Негребецкого осталось в истории тенниса навсегда. Своей игрой, своим редчайшим искусством он как бы предвосхитил то, что впоследствии стало основополагающим и помогло новому поколению выйти на широкую международную арену.

Он был новатором и в технике, и в тактике, смело шёл вперёд, прокладывая путь к грядущим победам и к славе!

Глава шестая ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ЧЕМПИОНА

Артиллерийский полк вёл огонь по врагу из всех своих тридцати шести орудий. Задача была предельно ясна и невероятно сложна: сдержать продвижение фашистских танков и пехоты на подступах к Дону, обеспечивая переправу населения и отходящих на Восток по приказу командования частей Красной Армии.

В полдень над позициями артиллеристов появился Динокий самолёт-корректировщик "фокке-вульф", который бойцы между собой называли "рамой".

- Это плохое предзнаменование, – сказал, задрвав голову к безоблачному, ослепительно синему небу, один из бойцов, внимательно наблюдая за тем, как медленно кружится над ними фашистский стервятник.

- Не так уж страшен чёрт, – одёрнул товарища Борис Новиков. Он и сам отлично понимал, что появление воздушного разведчика над расположением наших войск не сулит ничего хорошего, но всё-таки хотел успокоить ребят, вселить в них бодрость.

А бой разгорался. Донская вода вскипала взрывами. Но понтонный мост, наведённый сапёрами ещё вчера, каким-то чудом оставался цел. Он жил, и люди, боевые машины, повозки двигались по нему сплошным непрерывным потоком. Враг предпринимал яростные попытки прорваться к переправе, но отважные советские пушкари сдерживали его плотным огнём своих батарей.

- Снаряды!

- Нужно побольше снарядов! – просили на позициях.

За пополнением боезапаса выделили специальное подразделение. Транспортный взвод направился к переправе. Он был уже в каком-нибудь километре от неё, когда начался налёт вражеской авиации. Десятки "хейнкелей" и "фокке-вульфов" пикировали и снова взмывали ввысь с насадным воем, землю вздыбливали разрывы тяжёлых бомб, распарывали пулемётные очереди... Одна из фугасок упала совсем рядом с грузовиком, на котором сидел Борис Новиков, и последнее, что осталось в памяти, – был страшный взрыв,

выбросивший его из кузова. Одна из машин, метавшихся в аду бомбёжки, проехала по его спине и вдавила в рыхлую землю. Жизнь спасло, может быть, только то, что поле, на которое он упал, было мягким, свежевскопантым.

Потом его, потерявшего сознание, подхватили друзья-товарищи, отнесли в одинокую избушку, стоявшую невдалеке от просёлочной дороги. Дверь в ней была сорвана взрывной волной.

- Есть тут кто? – окликнули ребята. На зов вышла пожилая колхозница.
- Я тут одна, касатики.
- Посмотри-ка за нашим командиром, а мы санитарную машину скоро пришлём...
- Конечно, посмотрю, милые... И не беспокойтесь...

Контуженного офицера уложили на лавку. Мигающий, слабый огонёк копилки осветил обросшее, с выступающими скулами лицо. Глаза офицера были закрыты. Он изредка стонал, а потом начал произносить какие-то совершенно непонятные для сидевшей подле него женщины слова:

- Смеш!
- Последний гейм!
- Матчбол...
- И чего он бормочет? – покачала головой пожилая колхозница и стала обтирать извлечённым из сундука полотенцем покрывшееся потом лицо военного.

В полночь приехала санитарная машина. Бориса Новикова повезли в полевой госпиталь. Уже там узнал он, что многие его боевые товарищи героически погибли, отстаивая переправу, важный и трудный рубеж обороны в районе Воронежа.

Лечение шло долго. А когда, наконец, настал момент прощания с госпитальной палатой, в медицинском заключении на старшего лейтенанта Новикова Бориса Ильича значилось неотвратимое: "к строевой службе не годен".

Он вернулся в Москву в конце сорок второго. Стояла на редкость тёплая и солнечная осень. Природа как бы воздавала сторицей людям за ту лютую, страшную зиму, которую им пришлось пережить. Когда Борис, привычно передвигаясь на костылях, с вещмешком за спиной вышел на площадь трёх вокзалов, то почувствовал, как сердце сдавила необычайная, ни с чем не сравнимая радость. Стоял и стоял, наблюдая за тем, как неторопливо проплывают мимо красные столичные трамваи, как течёт по тротуарам нескончаемая человеческая река, как деловито жонглирует своей магической палочкой милиционер... Может быть, Новиков долго стоял бы в этом сладостном оцепенении, но чей-то голос вернул его в действительность:

- Эй, фронтовичек, давай до дому доведу.

Борис смерил взглядом человека, сделавшего ему столь заманчивое предложение. На злостного "левака" вроде бы не похож. И, словно подтверждая этот вывод, незнакомец заявил:

- Не бойся, я с защитников Родины денег не беру. На костылях-то ведь не скоро доковыляешь до дома.
- Спасибо большое тебе, добрая душа.

Когда он уселся на переднем сиденье старенькой "Эмки", шофёр спросил:

- Ну, куда везти, земляк?

Борис задумался на мгновение, потом сладостно улыбнулся и попросил:

- Вези меня, братец, на Петровку. А если точно – на Петровку, 26.

Есть в каждом государстве, в каждом большом или маленьком городе сооружения, чья жизнь и история неразрывно, кровно связаны с тем или иным видом спорта. Московские корты на Петровке неотделимы от большого тенниса. Прошли годы, давно построены в нашей стране первоклассные теннисные стадионы и городки, новые площадки можно теперь встретить и у корпусов гигантских заводов, и во дворе научно-исследовательского института, и на территории главной усадьбы совхоза, но любое упоминание о первенце на Петровке,26, всегда будет навевать воспоминания добрые, незабываемые.

Едва приметный спортивный островок, зажатый между громадами каменных домов одной из самых шумных и бурливых магистралей столицы. Можно с полным правом сказать, что настоящая история московского тенниса как вида спорта берет своё начало именно отсюда. И отсюда начал свою чемпионскую биографию маленький Боря.

Его отец Илья Новиков, приехав в начале века из деревни в белокаменную на заработки, поступил на службу в дворянский яхт-клуб, которому принадлежали и корты на Петровке,26. Ухаживать за ними, соблюдать чистоту и порядок – вот что было поручено новобранцу спортивной службы. И он выполнял свои обязанности с душой, с поразительным рвением и большой любовью.

Благодаря этим качествам Илья Новиков сделался вскоре известным и в своём роде незаменимым человеком в среде ведущих московских теннисистов: он не только великолепно вёл своё сложное и капризное хозяйство, но и, познав "тайны" спортивной науки, давал уроки начинающим. Когда грянула первая мировая война, а потом Великий Октябрь, Илья Новиков вернулся в свою деревеньку и стал вновь возделывать родную тульскую землю. А когда кто-нибудь интересовался причиной его возвращения из Москвы, отвечал:

- Не до забав теперь. Господ боле нет, а рабочему да крестьянину отродясь спортом заниматься было некогда. Не понимал Илья Новиков тех великих социальных перемен, которые происходили на его глазах. И потому так удивила его пришедшая майским днём двадцать третьего года телеграмма: "Срочно возвращайтесь в Москву на прежнюю работу, очень нужную революции. Борис Ульянов".

Привыкший к увлекательной, овеянной романтикой и своеобразным колоритом спортивной жизни, Илья Новиков тут же откликнулся на призыв. А через годик выписал к себе на помощь и сына – Бориса.

Они жили вдвоём прямо в клубном павильоне – в маленькой неказистой комнатке, расположенной рядом с раздевалками и буфетом.

По утрам Новиковы поднимались рано: разметали, поливали и укатывали площадки, навешивали сетки. А потом маленький Борис до наступления темноты подавал мячи играющим. И внимательно наблюдал за каждым из них, присматривался к манере действий, впитывал характерные приёмы лучших мастеров. Однажды признался отцу:

- Хочу быть таким же ловким да умелым, как они.

- И то дело! – охотно поддержал родитель. – Будешь первым на Руси мужиком, освоившим "барскую" игру.

Отец и показал Борису, как нужно держать ракетку, выбирать позицию, а удары ему поставил Борис Ульянов – один из лучших в ту пору московских мастеров, страстный пропагандист тенниса и активный общественный деятель. Он любовно опекал мальчишку, всячески разжигал в нём огонь честолюбия.

- Тренируйся, Боря, тренируйся. Ты будешь у нас первым истинно народным чемпионом.

Новиков воспринимал эти слова своего покровителя, по существу тренера, с предельной серьёзностью. Он часами "стучал" о стенку, стараясь бить по мячу так, как это делал Борис Ульянов. Постепенно эти занятия начали приносить плоды. Ещё в двадцать пятом Борю, когда, случалось, не хватало партнёров, взрослые мастера начали приглашать сыграть сет-другой. В каждом из таких подаренных ему судьбой матчей Новиков сражался так, словно от исхода этого поединка зависело, кому будет принадлежать теннисная корона страны. Его испытанные во многих турнирах партнёры с большой радостью отмечали эти отличительные качества молодого спортсмена – влюблённость в игру, исключительную преданность ей, страстное желание в каждом поединке показать всё, на что способен. '

- Против этого работяги нельзя играть с ленцой, обязательно "забьёт", – произнёс однажды Борис Ульянов, проиграв "малышу", как он любовно называл Бориса, товарищеский матч в трёх сетах.

- Пора его выпускать в настоящее дело, – сказал после этого Новикову-старшему побеждённый.

Нужно сказать, что к тому времени стадионом на Петровке, 26, уже владело недавно организованное пролетарское спортивное общество "Динамо", и Новиков стал его активным членом, неутомимым пропагандистом новых идей в спорте.

К слову сказать, в то время много говорили и спорили о форме. Дело в том, что дореволюционное и первое послереволюционное поколение теннисистов в нашей стране (как, впрочем, повсеместно и за рубежом) играло в ослепительно белых рубашках и – мужчины – в белых длинных брюках. Таков был традиционный наряд представителей этого вида спорта. Во второй половине двадцатых годов по этому поводу в советской прессе разгорелась острейшая дискуссия. "Проблема белых брюк" стала едва ли не проблемой социальной, проблемой классово-красовой. "Белые брюки на спортивной площадке, – писала одна из весьма уважаемых наших газет, – есть символ барства и гнилого аристократизма". Это, безусловно, было перегибом. Традиции есть традиции. И игроки старшего поколения, возглавляемые самым лучшим нашим теннисистом той поры Евгением Кудрявцевым, до последнего дня пребывания на корте остались верны своей одежде.

Любопытно, что и шестнадцатилетний Боря Новиков, дебютировавший на первенстве Москвы 1926 года для новичков, перед началом турнира обзавёлся белыми брюками.

- Это было равносильно приобретению настоящей рыцарской формы. Именно в ослепительно белых, идеально разглаженных белых брюках я впервые ощутил себя не мальчиком, подающим мячи, а настоящим игроком, готовым к сражениям бойцом.

Но потом, несколько лет спустя, он стал первым среди советских теннисных мастеров высокого класса, рискнувшим играть на глазах у публики в майке и трусах. Однако до этого шага было ещё далеко. В 1926 году Борис добивается первого значительного успеха: выигрывает первенство Москвы среди новичков. О нём появляются заметки в прессе, полные хвалебных ноток и оптимистических предсказаний. Но Бориса всё это как бы не касается. Он увеличивает объём тренировок, посвящая им до шести часов в день. Кроме этого, Новиков настойчиво занимается такими видами спорта, как борьба, бокс, лёгкая атлетика, хоккеем...

- Для побед на корте нужны разносторонность, безупречная физическая выносливость, – утверждает он. И как увидим, жизнь не раз ставила перед ним задачи высшей сложности именно в области выдержки, выносливости, терпения и мужества.

Можно с полным основанием сказать, что, как и Эдуарда Негребецкого, Бориса Новикова породила, открыла для широкой публики, помогла обрести крылья для большого полёта Всесоюзная спартакиада 1928 года. Он стал одним из её главных героев. В самом деле, вчерашний новичок, спортсмен, до этого не участвовавший ни в одном состязании в масштабе страны, казалось, на что он мог рассчитывать, чего достигнуть? Откровенно говоря, Борис до последнего мгновения сомневался, стоит ли ему участвовать в турнире такого ранга. Принять окончательное решение помог добрый и чуткий Ульянов.

- Чтобы орлёнку стать орлом, надо пережить ощущение большого полёта. Вот и давай – пробуй!

Жеребьёвка турнира на личное первенство СССР в программе Всесоюзной спартакиады не пощадила дебютанта: первая же встреча выпала ему не с кем иным, как с Николаем Ивановым, чемпионом Москвы, признанным асом столичных кортов, непререкаемым авторитетом в теннисном мире.

Конечно, Борис изрядно волновался. Формула турнира была предельно ясна и сурова: проигравший выбывает. Значит... Нет, он отгонял даже мысль об этом.

И вот матч начался. Предстартовая лихорадка сделала своё дело: новичок никак не мог поймать "свою игру", часто пропускал даже лёгкие удары, спешил с ответами, и пущенные его сильной рукой мячи то и дело зарывались в сетку или падали за ограничительными

линиями. Две партии пролетели быстро и окончились, увы, не в пользу Новикова – 3:6, 3:6. Казалось, исход встречи уже не вызывал сомнений. Почитатели таланта Николая Иванова, пользуясь наступившим перерывом (тогда по правилам их полагалось два на игру), спешили с поздравлениями.

А Новиков сидел один, совсем один. И вдруг он услышал знакомый голос Ульянова:

- Ну что скис?

В этой короткой, простой фразе своего покровителя молодой спортсмен уловил целую гамму оттенков: и лёгкое раздражение, и желание подбодрить, заставить верить в то, что ещё не всё потеряно. Новиков поспешил оправдаться:

- Трудно мне, Борис Алексеевич. Иванов намного сильнее меня.

- А ты должен быть смелее!

Ульянов верил в этого парнишку с немного раскосой прорезью умных глаз и упрямой ямочкой на подбородке.

- Конечно, непросто обыграть чемпиона. Но разве спортсмен должен рассчитывать на лёгкие победы?! – со злинкой в голосе спросил он у сникшего Новикова. – Да если хочешь знать, игра у тебя в руках. Николай Николаевич работает на предельном режиме. А у тебя сил хоть отбавляй. Ну-ка, давай темп и больше бодрости. Не боги горшки обжигают...

Как много значат вовремя сказанное доброе слово, мудрый совет. Когда истекло время перерыва, на площадке зрители увидели совсем иного Новикова: собранного, решительного, уверенного в себе. Сильные удары справа, резко повысившийся темп, смелые, хорошо подготовленные выходы новичка к сетке озадачили Николая Иванова. Уступив в третьем сете 1:6, он так и не сумел вернуть инициативу.

Чемпион Москвы выбыл из соревнований, а Новиков вышел в следующий круг, что уже само по себе было отличным достижением. Но он шёл вперёд. Шёл, преодолевая в каждом круге упорное сопротивление. Достаточно вспомнить, что его партия в четвертьфинале против Теплякова длилась четыре с половиной часа и стала рекордной по продолжительности на Спартакиаде. Вот как складывался в ней счёт для новичка – 5:7, 8:6, 6:4, 5:7, 12:10. Впрочем, к этому моменту Новикова, по существу, уже нельзя было назвать новичком: это определение никак не подходило к спортсмену, прорвавшемуся в полуфинал Всесоюзной спартакиады. О "мальчике с Петровки" восхищённо заговорила вся теннисная Москва. Его матч очередного тура против Всеволода Вербицкого стал событием если и не самым главным, то уж наверняка самым волнующим в том турнире.

Всеволод Вербицкий – артист Московского художественного театра, блестящий красавец, любитель столичной публики, вошёл в летопись спорта как один из самых одарённых, самых интересных и самых неуравновешенных мастеров тенниса. Было известно – спортсмен сам не раз заявлял об этом, – что Всеволод никогда не тренируется в буквальном смысле этого слова. Он проверял и наполнял себя игрой. Причём, как она идёт, эта игра, во многом зависело от настроения Вербицкого. Он то восхищал своих поклонников редким по красоте и виртуозности выступлением и победой над самым сильным соперником, то горько разочаровывал своей откровенной инфантильностью, доходившей до фактического отказа от борьбы.

На Спартакиаде мхатовец был, что называется, в ударе. В четвертьфинале он в отличном стиле победил ленинградца Мультино и теперь был на подъёме, заряжен жадной борьбой, упоением новых побед.

До финала оставался один шаг, и все знатоки предвкушали его поединок с идущим от успеха к успеху Кудрявцевым.

Так оно в конце концов и получилось, но неоднократно чемпиону столицы пришлось перед этим выдержать такой яростный бой с Новиковым, которого он наверняка не ожидал. Взяв верх в двух первых сетах (6:3, 6:4), Вербицкий потом попал под сокрушительный "огонь" пушечных ударов соперника и не выдержал его натиска. В третьем и четвёртом сетах Борис был просто великолепен, не раз

вызывая восторженную овацию на трибунах. Его натиск в третьем сете ознаменовался ошеломляющим счётом – 6:1. Взял верх он и в четвёртом – 7:5. Но тут не выдержали нервы. Мобилизовав весь свой опыт, всё искусство игры, Вербицкий вырвал сет (6:4), а с ним и общую победу. На следующий день все газеты писали, что "в этом матче и выигравший, и проигравший достойны одинаковой похвалы. Иначе говоря, своим выступлением на Спартакиаде пролетарский выдвиженец, динамовец Борис Новиков доказал, что поднялся до уровня большого мастера". Справедливость этой оценки никто не оспаривал. А в дальнейшем её подтвердила сама жизнь.

В ту пору, как уже писалось выше, неизменным лидером советских теннисистов был ленинградец Е.Кудрявцев. Не менее силён был молодой тбилисец, переехавший на берега Невы, Э.Негребецкий. Отлично выступали представители старой гвардии – Н.Иванов, А.Правдин, Е.Тихонов, Е.Ованесов, В.Вербицкий, В.Мультино, широко наступала молодёжь, и всё решительнее заявляли о себе такие сверстники Новикова, как П.Чистов, Д.Синючков, К.Заржецкий, Н.Джаксон, Е.Шайер и другие. Чтобы завоевать "место под солнцем", утвердить своё "я" и победить в чемпионате страны, необходимо было пройти сквозь грозный строй этих могучих гренадёров тенниса.

Работая над этой книгой, автор не раз встречался с Борисом Ильичом, беседовал о днях давно ушедших. Задавал много вопросов. В том числе и такой:

- Скажите, есть ли в вашей биографии самый памятный, незабываемый матч?

На это следовал всегда неизменный ответ:

- Они все незабываемые. Каждый по-своему...

Да, разложить игры по коробочкам и обозначить- "интересно", "неинтересно" – невозможно. Только в диалектическом единстве они позволяют понять сущность спортивного характера Новикова.

1931 год. Разыгрывается очередной чемпионат Советского Союза. В одной восьмой финала Борис встречается со своим земляком и ровесником, очень интересным, своеобразным игроком Николаем Джаксоном. Первые два сета Новиков очень легко выиграл, а два других столь же легко уступил. Игра явно затянулась. Когда в разгаре был пятый сет, начало смеркаться. В это время впереди был Борис – 5:4. Казалось, до победы всего один шаг. Один гейм. Но в этот момент Джаксон заявляет:

- Я ничего не вижу и прошу включить свет.

Судьи пошли ему навстречу, но играть при свете оказалось просто-напросто невозможно, и главный судья принял решение перенести окончание встречи на одиннадцать часов утра следующего дня.

Когда было объявлено это решение, часы показывали девять вечера. Борис поехал домой. Всю дорогу чувствовал как дремота делает тело вялым и бессильным, но, приехав домой, бросившись в свежую, пахнущую крахмалом белизну простыней, понял, что уснуть не сможет. Четыре часа напряжённой борьбы дали себя знать. Он полежал немного, восстанавливая в памяти перипетии только что отзвеневшей дуэли, потом встал и пошёл гулять по безлюдной, бесшумной ночной Москве.

- Ах, как она прекрасна именно в такие часы! – восклицает Борис Ильич. И тут же возвращается к воспоминаниям, – домой пришёл около шести утра, бросился в постель и проспал до десяти. Благо до стадиона от дома было недалеко.

На кортах всё было готово к продолжению поединка. Судьи предложили спортсменам выбрать порядок продолжения встречи: с начала ли, с сета или с мяча. Джаксон предпочитал с начала. Новиков – с мяча. Приняли его вариант как спортсмена, ведущего игру.

Но буквально через несколько минут ведущим стал уже Джаксон: Борис проиграл два гейма подряд. Теперь он был на грани поражения: от него Новикова отделял всего один гейм. Нервное напряжение достигло предела. Оба спортсмена допускают грубые ошибки, но всеми силами стремятся взять себя в руки. Ценой невероятного усилия Новиков выигрывает гейм – 6:6. Проигрывает – 6:7. Выравнивает – 7:7. Опять выпускает вперёд соперника – 7:8. И вдруг видит, как дрожат руки у Николая, когда он подбирает мячи. "Ага, значит, это не только у меня", – проносится мысль. И почему-то становится спокойнее. Новиков идёт в атаку, выигрывает три мяча подряд

– 8:8. Но Джексон снова вырывается вперёд – 8:9. Кажется, силы иссякли. Но Борис продолжает бороться, делает всё возможное в надежде вернуть ускользающую победу. 9:9! Выигрывает ещё гейм – 10:9. И, наконец, – 40 : 15. Матчбол. Один мяч, и судья объявляет:
- 11:9 в пользу Новикова.

Трудно, невероятно трудно досталась ему эта победа. Больше часа соперники доигрывали гейм. И в этой "дуэли нервов" победил Борис Новиков.

Всего один матч, а сколько он потребовал моральных и физических сил, каким испытанием воли, мастерства, мысли стал для каждого из участников! Но именно в таких сложных ситуациях, в непримиримом единоборстве вырабатывался характер Бориса Новикова – характер непревзойдённого спортивного бойца.

Шаг за шагом продвигается он к заветной цели. Дважды – в 1933 и 1934 годах – в результате блестящей игры выходит в финал первенства СССР, но терпит сокрушительные поражения от Евгения Кудрявцева.

- Пока ленинградец остаётся на корте, Борису успеха не видать, – говорили специалисты. – Уж слишком велика у них разница в классе.

Но "класс" понятие не отвлечённое, а реальное, конкретное, вытекающее, прежде всего, из конкретных результатов, которых добывается тот или иной спортсмен. И столичный динамовец сумел в конце концов доказать высокий уровень своего мастерства.

Впервые звание чемпиона СССР в одиночном разряде Борис Новиков завоевал в 1935 году. Это был высший взлёт "мальчика с Петровки", но его нет-нет да и омрачала людская молва, омрачали высказывания знатоков, говоривших:

- Москвичу повезло, Кудрявцев нынче не в форме.

Эти разговоры продолжались и тогда, когда в следующем сезоне москвич повторил свой успех.

Наступил тридцать седьмой год. В советском спорте происходило тогда много интереснейших событий. Лучшие наши легкоатлеты, пловцы, боксёры, тяжелоатлеты, футболисты, гимнасты блестяще выступили на Всемирной рабочей Олимпиаде в Антверпене. Потом страну взбудоражил приезд футболистов Басконии и серия захватывающих матчей с ними. Наконец, произошло событие исключительное, событие, имевшее огромное политическое значение: Советское правительство впервые наградило большую группу спортсменов орденами Родины. Среди получивших высокие награды были и теннисисты. Заслуженный мастер спорта Евгений Кудрявцев удостоился ордена Трудового Красного Знамени, мастер спорта Борис Новиков – ордена "Знак Почёта". Всё это вместе взятое обусловило в физической культуре жизни страны необычайный подъём, и каждое состязание ожидалось с особым интересом.

У теннисистов праздничное настроение дополнялось тем, что летом в Москве, в парке ЦДКА, открылся прекрасный теннисный стадион с трибунами на 5 тысяч зрителей и лучшей в стране площадкой. Здесь и было разыграно очередное первенство Советского Союза. Интерес к состязанию был огромен. Причём главным для всех знатоков и ценителей был исход борьбы в одиночном мужском разряде, где собрались все без исключения сильнейшие мастера.

Судьба на этот раз распорядилась так, что москвичу пришлось "скрестить оружие" в личных встречах с главными, принципиальными соперниками. "Жребий неумолим, – писал накануне решающих встреч Борис Ульянов. – Он заставил чемпиона Москвы и вот уже двукратного чемпиона СССР последовательно выступить против второй и первой ракеток Ленинграда. Заметим, что вторая ракетка Ленинграда (Негребецкий) был в 1932 году сильнейшим в стране, а Кудрявцев четырежды добивался права именоваться лучшим из лучших. Таким образом, соперники прекрасно понимают грозную силу друг друга, и как бы ни завершились грядущие поединки, мы должны будем отдать должное победителю, а не болтать о случайностях и прочих мистических вещах. Спорт мудр, он вобрал в себя все великие законы жизни и признает только реальность свершившегося факта".

Такова была увертюра к начинающемуся теннисному спектаклю. Её лейтмотив был понятен каждому хоть мало-мальски заинтересованному лицу. Тем более его поняли непосредственные участники событий. Поняли и все любители этой прекрасной игры. Увы, многим из них тогда так и не удалось попасть на трибуны вновь воздвигнутого красавца стадиона: спрос на билеты во много превышал предложение.

В полуфинале мужского одиночного разряда Новиков играл с Негребецким. Спортсмены, начавшие игру, ни в чем не обманули поклонников их таланта. Матч от начала до конца проходил в исключительно быстром, можно сказать ураганном темпе.

И москвич и ленинградец играли красиво, мощно, доставляя истинное удовольствие зрителям. Но было и заметное различие в их действиях на корте. Борис играл предельно точно, почти не делая ошибок. Его соперник же подчас разыгрывал поистине блестящие мячи, но в то же время многие лёгкие или, как говорят спортсмены, "верные" посылал то в сетку, то в аут. А главное, москвичу удалось с самого начала поединка навязать свою тактику ленинградцу: сильными, идеально рассчитанными, пассивными ударами он держал Негребецкого у задней линии. И вскоре счёт в первом сете стал уже 4:1 в пользу "хозяина" площадки.

В этот момент в ходе матча возник незапланированный перерыв. Буря аплодисментов пронесется по трибунам. На этот раз она адресована не игрокам: в небе над стадионом спокойно и мощно проплывает самолёт "АНТ-25", пилотируемый экипажем Героя Советского Союза Валерием Чкаловым, совершившим свой легендарный перелёт Москва – Северный полюс – США. Сквозь шквал аплодисментов доносится до зрителей взволнованный, счастливый голос диктора:

- Друзья! В какое великое героическое время живём мы с вами!..

Вспоминаю об этом потому, чтобы дать читателю возможность окунуться в атмосферу тех дней – дней челюскинской эпопеи, строительства Магнитки и Турксиба, легендарных полётов чкаловцев, героических добровольцев, отправлявшихся сражаться за республиканскую Испанию... И советский спорт ежедневно, ежечасно выдвигал своих героев. Борис Новиков был среди них.

Как только улеглись страсти, вызванные полётом легендарного воздушного корабля, он заиграл так же сильно, напористо, как играл с самого начала. Первый сет выигран с подавляющим преимуществом – 6:2. Не изменился характер борьбы и во втором. Опять редкие по красоте атаки ленинградца чередуются с непонятными срывами, опять точен, как идеально отлаженный механизм, москвич. И счёт повторяется – 6:2.

Почувствовав реальную угрозу поражения, Негребецкий пытается усилить игру, изменить её рисунок. Смелые выходы к сетке, великолепные удары с лёта не только вызывают восхищение зрителей, но и приносят ощутимый результат: со счётом 4:3 ленинградец впереди в третьем сете. Но тут во всей своей силе проявился боевой, неуступчивый характер москвича. Яростно борясь за каждый мяч, за каждое очко, он не отдаёт ленинградцу больше ни одного гейма и выигрывает (6:4) матч. Публика со свойственной москвичам восторженностью приветствует этот успех.

На следующий день, в воскресенье, игрались финалы. Посмотреть на поединки сильнейших приехали Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Васильевич Косарев, руководители Всесоюзного спорткомитета. На трибунах для зрителей – прославленные артисты московских театров, писатели, художники, видные учёные, поэты, чемпионы тяжёлой и лёгкой атлетики, знаменитые футболисты... Одним словом, как говорится, собралась "вся Москва". Спорили яростно:

- Ну, на этот раз Кудрявцев себя покажет...
- А Бориса вы что в расчёт не берёте?
- Зачем же так?! Но согласитесь: ленинградец играет куда современнее.
- Современнее тот, кто сегодня побеждает...
- Ну-ну, посмотрим.

И вот соперники появляются на корте. Публика сердечно приветствует участников финала. И пока они разминаются, знатоки ещё и ещё раз обсуждают шансы соперников. На стороне одного – молодость, отличная спортивная форма, блестящие успехи в двух предыдущих чемпионатах, на стороне второго – исключительная одарённость и опыт, неиссякаемый технический арсенал, наконец, жажда реванша. Да, трудно было предсказать исход этого поединка. Сходились лишь на одном: что он будет долгим и упорным.

Однако и тут не угадали. Матч сложился совсем не так, как ожидали. Вначале оба спортсмена оказались во власти волнения, и серия не свойственных им ошибок не раз вызывала вздохи на трибунах. Но вот Новиков заиграл в своём стиле – мощно, уверенно. Он показывает истинно высокий класс, особенно в обороне: все мячи, даже самые трудные, берёт сильным, безошибочным "драйвом". Играя, как обычно, на задней линии, он всё же атакует, с глубоким замыслом "раскладывая" мячи по углам и совершенно не давая возможности Кудрявцеву выйти к сетке. При каждой попытке ленинградца сделать это Новиков или с восхищающей точностью обводит противника или даёт сильный, крученный "драйв", опускающийся сразу же за сеткой. Преимущество москвича нарастает, и вскоре счёт в первом сете 6:2!

Вторая партия мало чем отличалась от первой. После счёта 4:3 в пользу Новикова Кудрявцев предпринимает отчаянные попытки изменить структуру поединка, выйти к сетке, но Новиков неизменно идеальными по точности ударами обводит его и заканчивает сет – 6:3.

Первую игру третьей партии берет Кудрявцев.

- Ну вот сейчас настанет перелом, – кричит сидящий неподалёку от него Негребецкий. – всё хорошо, Евгений Аркадьевич!

Но радость ленинградцев продолжалась, увы, недолго. Новиков, заигравший с каким-то поистине особым подъёмом, переходит к решительным действиям, и вскоре он снова впереди – 2:1. Кудрявцев, этот блестящий теннисный ас, на этот раз совершенно неузнаваем. Создаётся впечатление, что он деморализован: отдаёт сопернику четыре игры подряд, взяв в них всего 3 мяча. 1:6! Москвич выигрывает сет, матч и звание чемпиона Советского Союза в одиночном разряде.

А в 1938 и 1939 годах повторяет этот успех. Пять побед подряд, пять лет бессменного пребывания на теннисном троне – до него о таком достижении, о таком упорном спортивном и творческом долголетии никто у нас и мечтать не мог! Этот "рекорд" лишь много лет спустя перекрыл Александр Метревели.

Борис Новиков, как и его знаменитые предшественники, – эпоха в советском теннисе. В тридцатые годы, когда проявился его талант и из года в год крепло мастерство, наиболее характерной, типичной для наших мастеров была игра с задней линии. И самым ярким, самым характерным её выразителем стал именно он. Он доказал, что и на задней линии можно вести игру наступательную, агрессивную, мощную. Его точные, сильные удары справа и слева повергали в панику испытанных соперников, мчавшихся к сетке вперёд. Он прекрасно обводил их, а его точнейшие кроссы, замечательный удар слева по линии у многих отбивал всякую охоту атаковать.

Выписывая его творческий портрет, следует, вероятно, прежде всего сказать о его железной воле и колоссальной спортивной выдержке. Он всегда умел бороться за каждый мяч, за каждое очко и, случалось, находил выход из самых безнадежных положений.

В связи с этим вспоминается чемпионат 1938 года, проходивший в Ленинграде. Здесь в финале одиночного разряда Новиков встретился с Негребецким.

Начало встречи было прямо-таки катастрофическим для москвича: он очень быстро проиграл два сета. Публика активно поддерживала своего любимца, горячо аплодировала ему, и, нужно сказать, Негребецкий в те минуты вполне заслуживал этого – он играл красиво, легко, уверенно, вдохновенно. По всему чувствовалось, что на площадке без нескольких минут чемпион.

Понимали это все, и в душе отлично понимал это больше всех Новиков. Он ничего на этот раз не мог поделать со своим соперником, которого посетило истинное вдохновение. В дело уже вступил кинооператор Ленинградской хроники, готовивший сюжет о соревновании. Сначала он снимал с трибун, потом спустился вниз, чтобы "взять" Негребецкого крупным планом. Он настолько увлёкся своим занятием, что, пользуясь попустительством судьбы подошёл к Эдуарду почти вплотную и... помешал ему взять очередной мяч. Обладавший на

редкость взрывным необузданным темпераментом, Негребецкий вспылил, затем сделал несколько неточных ходов, сбился с налаженного ритма. И москвич немедленно уловил эту перемену. Он усилил натиск, выиграв подряд три гейма, заставил ленинградца нервничать, делать ошибки и... победил.

На следующий день газета "Смена" назвала эту победу одной из самых ярких, а выдержку четырёхкратного чемпиона СССР фантастической. А на следующий сезон, когда в Ростове-на-Дону москвич в пятый раз подряд подтвердил своё право именоваться первой ракеткой страны, газета "Красный спорт" констатировала, что игра чемпиона с каждым годом становится всё сильнее и свежее, что постепенно в его испытанный "репертуар" входят смеши и игра у сетки.

Такое продвижение было закономерным. Первым из наших теннисных чемпионов Борис Ильич ввёл в практику чётко спланированную, научно обоснованную, глубоко продуманную систему тренировок. Ежедневно непосредственно на техническую, тактическую и физическую подготовку столичный динамовец затрачивал не менее 6 часов. Такой интенсификации учебного процесса наш теннисный мир ещё не знал.

Глубоко преданный спорту, Борис Ильич отнюдь не замкнулся в нём. Наоборот, в дни наивысшей спортивной славы с особой силой проявились его лучшие человеческие и гражданские качества.

- Я не могу отставать от своего великого времени, – так он объяснял друзьям и близким решение ликвидировать пробелы в образовании. За несколько лет он завершил курс обучения в средней школе, поступил в автодорожный институт... Каждый день его жизни был спрессован до предела. Не являлось исключением и 22 июня 1941 года. Он записал накануне в дневнике, что должен выполнить специальную зарядку, провести двухчасовую тренировку, выступить перед новым отрядом динамовцев – значкистов ГТО, готовиться к экзамену по сопромату... Но, включив приёмник, он услышал сначала звуки военного марша, а затем голос Левитана, сообщавшего, что на нас напала фашистская Германия.

После того памятного боя, с описания которого мы начали свой рассказ, Борис Новиков проделал долгий и тяжёлый путь от переднего края войны до тылового госпиталя. Здесь технику-лейтенанту довелось провести много мучительных дней. Контузия, повреждения позвоночника, перелом ключицы и челюсти надолго приковали к постели. А когда пришла пора выписываться, мнение лечащих врачей было единодушным:

- Со спортом вам придётся расстаться навсегда. Это бесспорно...

Но, вернувшись в столицу, Борис Ильич первым делом отправился на корты Петровки. Слезы навернулись на глаза этого сильного, мужественного человека, когда он подумал, что со всем, что вошло в его кровь и плоть, что стало неотъемлемым содержанием жизни, надо распрощаться. Новиков не хотел верить в это. Он обращался к одному специалисту за другим, но все они повторяли одно и то же:

- Какой там спорт, батенька. Смотреть – пожалуйста. А вот от участия придётся воздержаться...

Но он продолжал искать свою соломинку спасения. И, наконец, от хирурга Главного военного госпиталя Павла Ивановича Трифонова, заядлого теннисиста и давнего своего поклонника, услышал:

- С коллегами я принципиально не согласен. Моё твёрдое мнение: вас может спасти только движение, спорт. Начинайте играть – сквозь боль, скованность, неприятные ощущения. Делайте гимнастику, массаж, постепенно увеличивайте нагрузку...

Борис поверил, потому что именно в это он и хотел верить. Да, надо было начинать всё с начала. И он пошёл на это ради того, чтобы ещё раз вдохнуть воздух спортивной борьбы, ни с чем ни сравнимую радость сражений на кортах.

Ценой невероятных усилий он возвращался в большой спорт. И всё отчётливей ощущал его новизну. Появившиеся ещё в начале сороковых годов орлята теперь выросли, окрепли: Н.Озеров, С.Белиц-Гейман, С.Андреев, З.Зигмунд, Е.Корбут, О.Аллас... Да и сама игра становилась другой – усилилась быстрота перемещений по корту, увеличился арсенал ударов, доминирующей стала игра с лёта.

Борис прилагал все силы, всё своё мужество, чтобы не отстать от времени, угнаться за ним. Усилил тренировки. Много времени посвящал – бегу, прыжкам, метаниям. Однако полученные ранения и возраст давали себя знать. Играть становилось всё труднее.

На чемпионате страны в сорок седьмом жребий свёл его в четвертьфинале с молодым О.Алласом из Таллина. И здесь вдруг москвич с особой отчётливостью понял, что происходит необратимое. Остались сила и точность удара, но всё чаще не хватало каких-то мельчайших мгновений, чтобы дотянуться до мяча, который прежде ему ничего не стоило отбить.

Взяв первый сет со счётом 6:1, Новиков затем явно проигрывал своему молодому противнику Алласу. Он загонял его двумя-тремя сильными ударами в угол, и когда, казалось, противник уже свыклся с мыслью, что и следующий удар последует в том же направлении, Новиков точно направлял мяч в другой угол. Но Аллас, мгновенно переместившись, успевал парировать и этот удар. Победа осталась за ним.

Провожаемый сочувственными взглядами, Борис Новиков пришёл в раздевалку и тяжело опустился на стул. Он думал: вот настал момент, когда надо уходить с корта.

Через несколько дней поезд увёз его в Гагры. Отдыхая на юге, Новиков то и дело представлял себе, как он будет сидеть в кресле возле сетки и делать замечания своим ученикам, мальчишкам или девчонкам. А потом, разбирая их ошибки, вспоминать о своих встречах. И каждый раз тяжело вздыхал при этом.

В плохом настроении он вернулся в Москву. И в тот же день ему позвонили по телефону:

- Приезжает сильная команда Чехословакии...

- Когда матч? – только и спросил он. И, чтобы не было никаких сомнений, тут же добавил: – Я буду участвовать.

Сознание, что он защищает честь Родины, умножало его силы. Ещё полтора десятка лет назад во время выступления в Турции это сознание помогло ему победить чемпиона этой страны, а затем и сильного английского мастера Джона Харриса, работавшего здесь в качестве тренера. И на этот раз, играя в товарищеском матче СССР – Чехословакия, Борис Новиков добился лучшего результата среди товарищей по сборной. Зарубежные гости горячо поздравляли его с успехом, произнесли много лестных слов. И тогда он сказал себе: "Нет, ещё видимо, рано сдаваться!"

Он вновь приступил к систематическим тренировкам. Он не жалел себя в свои сорок лет, как не жалел когда-то в двадцать. Он готовился к особенному в нашей истории чемпионату: в тот год впервые, по решению Советского правительства, победители награждались золотыми медалями.

Москва. Парк ЦДКА. 27 августа – первый день соревнований. Когда Новиков вышел на корт, его встретили аплодисментами. Так же, как звук ударов ракеткой по мячу – то звонкий, то глухой – говорит о силе и частоте удара, так и шум аплодисментов таит в себе различные оттенки. Сейчас аплодисменты выражали глубокое уважение к нему.

В третьем круге против Новикова играл молодой К.Заржецкий из столичного "Буревестника", потом его ленинградский одноклубник В.Лапин. Борис Ильич легко прошёл эти рубежи.

Но затем жребий свёл его с С.Андреевым, явно претендовавшим на первое место. Он не скрывал, что рассчитывает довольно легко победить ветерана. И первый сет подтвердил это – Андреев взял его со счётом 6:1. Но во втором, правда с огромным трудом, лучшим оказался Новиков – 7:5. Третий снова за молодым претендентом – 6:3. Пошёл дождь. Игру пришлось прервать. Перерыв длился довольно долго, но ни один человек не покинул стадиона. Когда игра возобновилась, трибуны были переполнены. И люди были вознаграждены за стойкость: перед ними словно предстал молодой Новиков. Его неутомимость, точность, скорость передвижения изумляли. И когда он победил (6:4, 7:5), восторженные болельщики бросились к нему, окружили плотным кольцом. А он твердил только одно:

- Рано всё это, рано...

В самом деле, в полуфинале предстояла ещё дуэль с Николаем Озеровым. Борис выиграл её в трёх сетах – 8:6, 6:3, 6:3.

В финале его противником был молодой спартаковец Зденек Зигмунд – прекрасный теннисист, блестящий хоккеист, отличный спортсмен. Его выступления всегда доставляли огромное удовольствие зрителям. Его стихией была игра с лёта. Прекрасный сеточник, Зденек не раз завоёвывал звание чемпиона СССР в паре с Озеровым. И внешне он был привлекательный атлет – настоящий Аполлон.

В тот год он отлично выступал, был в расцвете сил и на 9 лет моложе Новикова. Тридцатилетний, озарённый вдохновением, он начал финальный матч блестяще и быстро выиграл первый сет – 6:4. Ценой огромных усилий Новиков выравнивает игру, выходит вперёд, берёт сет – 6:2. А в следующем спартаковец буквально громит его – 6:1. И ведёт в четвёртом со счётом 4:1.

- Ну всё...

- Борис сломался.

- Да, молодость есть молодость, – раздаётся отовсюду.

И тут пятикратный чемпион страны показывает свой характер. Играя безошибочно, зло, наступательно, он спасает почти безнадежный четвёртый сет (6:4), а в пятом демонстрирует полное превосходство, победив 6:1. Все встают в едином порыве, приветствуя этот подвиг, поздравляя выдающегося теннисиста, первым среди одиночников, получившего золотую медаль чемпиона страны!

Это был его последний успех такого уровня, но в 1949, 1950, 1952, 1953 и 1954 годах он ещё входит в десятку сильнейших ракеток. Иными словами, он провёл в большом теннисе страны более четверти века! И если бы можно было все лучшие партии, сыгранные им за долгие-долгие годы, зафиксировать, как фиксируют шахматные партии, они бы могли надолго остаться образцом целеустремлённой силы и точности, мужества и мудрости.

Упорную личную тренировку и участие в соревнованиях Борис Ильич сумел в конце своей карьеры совместить с большой, плодотворной педагогической деятельностью. Среди его воспитанников чемпионы страны В.Егоров, Н.Белоненко, Л.Преображенская, М.Емельянова и многие талантливые мастера спорта. Новиков был всегда благодарен спорту за те яркие, несравненные краски, которыми он расцветил его жизнь, и всегда стремился отплатить за это сторицей.

Глава седьмая ГЛАВНАЯ РОЛЬ НИКОЛАЯ ОЗЕРОВА

У людей талантливых, разносторонне одарённых, имеющих в жизни самые различные склонности и интересы, нередко случается, что одна сторона их деятельности как бы заслоняет, затушёвывает другую.

Об этом невольно подумалось при встрече нашего прославленного комментатора радио и телевидения, народного артиста РСФСР Николая Николаевича Озерова с московской детворой, происходившей накануне Олимпиады-80 во Дворце пионеров на Ленинских горах. Выслушав увлекательный рассказ именитого гостя о его поездках по странам и континентам, о его репортажах со стадионов, катков, ледовых и других арен, какой-то веснушчатый паренёк спросил:

- Скажите, Николай Николаевич, а вы сами когда-нибудь занимались спортом?

Тот, к кому обращены были эти простодушные слова, откровенно растерялся. Что Озеров мог ответить этому мальчику, родившемуся через десять лет после того, как он повесил на стенку свою чемпионскую ракетку?! Конечно, мог бы отделаться односложной фразой "да, занимался" или долго перечислять свои многочисленные победы и заслуги. Но Николай Николаевич спустился со сцены в зал, подошёл к мальчишке, прикоснулся к его плечу и сказал:

- Спортом я занимаюсь всю жизнь, мой юный друг. А чего я достиг, ты, наверное, узнаешь, когда подрастёшь...

Меня порадовала тогда простота и мудрость этого ответа. В самом деле, ни один взрослый человек, если он хоть чуть-чуть интересуется историей спорта, не может не знать заслуг этого человека.

Николай Николаевич, вероятно, последний наш чемпион, который пришёл в большой спорт из любительского "дачного" тенниса, и вместе с тем первый наш чемпион, который уже в детские годы попал в настоящую спортивную школу и к настоящему тренеру. И удивительного здесь ничего нет: к середине тридцатых годов физкультурное движение в стране приобрело небывалую массовость, вовлекая в свою орбиту всё большее и большее число людей самого различного возраста.

Пройдя азбуку тенниса в посёлке Загорянка, что в 28 километрах от столицы по Ярославской дороге, маленький, совсем не уверенный в себе Коля в 1935 году, по настоянию своего учителя, Сергея Сергеевича Павлова, принял участие в первенстве Москвы для спортсменов своего возраста. Было тогда ему от роду 12 лет.

Первенство Москвы! Он не верил, что стал участником такого в высшей степени престижного турнира, но факт оставался фактом: против него на корт уже выходил первый противник – мальчик с мохнатым полотенцем на шее. Его сопровождали бабушка, дедушка и родители. За спиной Озерова был лишь Сергей Сергеевич Павлов. Он сказал ему в виде напутствия всего несколько слов:

- Смотри, не опозорь нашу Загорянку.

И Коля не опозорил. Свой первый официальный матч он выиграл со счётом – 6:0, 6:3. В этот же день ему предстоял ещё один "экзамен" – встреча с чемпионом стадиона Юных пионеров. Понервничать пришлось изрядно, само слово "чемпион" интриговало и пугало. Может быть, поэтому первый сет мальчишка из Загорянки проиграл, да ещё как – 1:6. У Коли уже было совсем опуститься руки, тут подошёл дядя Серёжа:

- Со стороны ты смотришься куда лучше него. Играй в своей манере, не бойся...

Эти слова оказались волшебными. Озеров смело пошёл вперёд, стал чаще играть у сетки, и чемпион, не ожидавший такого преобращения, был "положен на лопатки" – 6:4, 6:3.

Через день игрались полуфиналы. На этот раз поглядеть на выступление Николая приехали родители и старший брат Юрий, с которым было сыграно столько домашних поединков на уже упомянутых, расположенных среди соснового бора кортов в Загорянке. К сожалению, теперь их уже нет. Они безжалостно разрушены, на их месте построен дом, и осталось от бывшего великолепия только ласкающее слух, романтическое название – Теннисная улица.

На этот раз соперником Коли был опытный, хорошо физически подготовленный Михаил Ходосовский, впоследствии известный тренер по теннису. Борьба была упорной, особенно в первом сете, но Озеров захватил инициативу и снова торжествовал победу – 7:5, 6:3. В финале он встретился с Семёном Белиц-Гейманом. Белиц-Гейман считался "старожилом" стадиона Юных пионеров, он был выше ростом и обладал не по-детски мощной подачей, на которую возлагал большую надежду. Он не скрывал этого и говорил вслух так, чтобы услышал соперник:

- Если пойдёт подача, от него ничего не останется.

Подача у него и в самом деле "пошла", но не одной подачей живёт эта прекрасная игра. Озеров явно был быстрее, подвижнее, разнообразнее соперника. Ему доставляло удовольствие атаковать, играть у сетки. И постепенно симпатии публики перешли на его сторону. Все присутствовавшие на матче горячо аплодировали после каждой удачной подачи, а когда матч

завершился (со счётом 6:3, 6:3), устроили победителю восторженную овацию. Через несколько дней газета "Красный спорт" назвала в своём отчёте Колю Озерова надеждой советского тенниса.

Итак, высокое звание чемпиона столицы среди мальчиков Коля впервые завоевал в 1935 году. В последний раз он был чемпионом в 1962 году в паре с Сергеем Андреевым против молодых Потанина и Егорова. Тогда Николаю Николаевичу исполнился сорок один год.

Между этими двумя датами лежит большая жизнь большого спортсмена. Автор этих строк принадлежит к поколению, которому довелось видеть этого виртуоза мяча и ракетки в расцвете его физических и творческих сил. Его поединки с Борисом Новиковым, Эдуардом Негребецким, Семёном Белиц-Гейманом, Сергеем Андреевым и другими ведущими мастерами всегда были очаровательными праздниками красоты, отваги, демонстрацией торжества виртуозности и мудрости, гимном спортивному азарту.

Я не знаю другого теннисиста той поры, который пользовался бы такой единодушной и восторженной любовью. Озеров заслужил её, прежде всего, манерой ведения поединков – лёгкой, изящной, разнообразной, остроумной, смелой. Он вошёл в историю отечественного тенниса как новатор, глашатай молниеносного темпа, постоянной приверженности к атаке. С его приходом время на корте как бы ускорило свои шаги. То, что в игре таких выдающихся мастеров предшествующего поколения, как, например, Эдуард Негребецкий, обозначалось периодически, от случая к случаю, получило в почерке Николая Озерова своё полное завершение, сформировалось в стиль, в школу, которая вывела наш теннис на арену современности, приравняла к лучшим мировым образцам.

- Мне кажется, – сказал мне как-то Борис Ильич Новиков, – что если бы в ту пору мы имели бы достаточно широкий выход на международную арену, то Озеров легко мог бы достичь мирового класса. Николай и в юные годы был несколько грузноват, производил при первом знакомстве впечатление этакого откровенного увальня, и это многих вводило в опасный обман. Ибо на самом деле Коля был быстрым, я бы даже сказал – реактивным. Его подвижности на корте можно было позавидовать, а о реакции не стоит и говорить. У него было какое-то невероятное чувство мяча. Он как бы заранее предугадывал место, куда пойдёт мяч соперник, и, конечно, своевременно оказывался там. Подобная интуиция не раз выводила из равновесия его соперников.

Безусловно, одарён Озеров был от природы. Но совершенно очевидно, что стать выдающимся мастером ему помогло время. В 1935 году он попадает в школу Анри Коше и в течение нескольких месяцев занимается в детской группе. Вот как сам Николай Николаевич рассказывает об этом.

- У этого знаменитого мастера я многое почерпнул. Именно на занятиях Коше я понял, что в теннис играют не только руками, что это интересная, острая творческая борьба. Как в шахматной партии, здесь необходимо переиграть соперника глубиной и точностью мысли, перехитрить его, обмануть, заставить вести борьбу в максимально невыгодных условиях. И ещё: именно Коше с предельной ясностью дал мне понять, что спортсмен пуще всего должен оберегать свою индивидуальность, ни под кого не подлаживаться, никого не копировать, а идти в спорте своим путём.

Каким же был путь Николая Озерова?

После победы в первенстве столицы Колю принимают Детскую теннисную секцию московского "Локомотива".

Здесь под руководством опытных наставников, таких, как Владимир Андреевич Филиппов, Евгений Михайлович Ларионов и Владимир Николаевич Спиридонов, он повышал своё теннисное образование. К слову сказать, последний из названного мною трио стал на долгие годы тренером Николая Озерова. Владимир Николаевич был большой тактик и психолог. Он умел так настроить ученика, что тот, даже находясь на грани поражения, в самые критические минуты не терял присутствия духа, продолжал борьбу и не раз добивался победы, когда всем уже казалось, что поражение неизбежно. Спиридонов был для Озерова и другом, и заботливым, внимательным учителем.

Благодаря его помощи Николай совершенствовался и подтвердил звание лучшего среди детей в 1936 и 1937 годах, а в 1939-м стал абсолютным чемпионом Советского Союза среди юношей, победив в одиночном, в парном (вместе с Е.Перепёлкиным) и смешанном (его партнёршей здесь была В.Филиппова) разрядах.

Этот успех, замечательный сам по себе, стал для Николая особенно знаменательным, можно сказать, этапным в его спортивной судьбе: 16-летнего мальчишку допустили к участию в чемпионате Москвы среди мастеров. Сегодня это никого не удивило бы, а тогда вызвало большие пересуды и волнения. Положение о соревнованиях точно определяло, что к нему допускаются спортсмены не моложе 18 лет. Но на этот раз было сделано исключение.

На счёт прославленного спортсмена будут тысячи матчей, и многие из них померкнут в памяти, утратят волнующие подробности, но первый, самый первый поединок в "большом теннисе", останется навсегда. Так знаменитый хирург помнит первую, пусть самую пустячную, операцию, непревзойденный ас – первый самостоятельный вылет.

Узнав о результате жеребьёвки, Озеров очень расстроился. В первом туре ему предстояла встреча с мастером спорта, ведущим игроком московского "Спартака" Юрием Блюхом. Николай знал, что этот спортсмен великолепно играет с задней линии, что у него точные удары справа и слева, а манера игры напоминает стиль Бориса Новикова.

- Отпустите меня на футбольный матч, сегодня играет родной "Локомотив". А выиграть у Блюха я всё равно не смогу, – говорил он за несколько часов до начала поединка своему тренеру.

Но Владимир Николаевич Спиридонов думал иначе:

- Я считаю, Коля, что игра Блюха как раз очень удобна для тебя. Ты будешь ловить его на опережениях, на скорости и частых выходах к сетке. Только играй смелее, мой мальчик. И помни: терять тебе нечего, а волноваться не стоит.

Помогло ли это наставление или что-нибудь ещё, но Николай был в этом матче великолепен. Он всё время щели вперёд, к сетке. Ему превосходно удавались удары справа. Он применял подрезки, подкручивал мяч, укорачивал, позволял себе даже "загорянскую" резаную подачу снизу. У него получалось буквально все. И, к своему собственному изумлению, выиграл в трёх партиях удивительно легко – 6:3, 6:2, 6:0. Дальше последовали победы над С.Белиц-Гейманом, одним из лучших игроков той поры Д.Синючковым. И, наконец, финал, где его ждёт встреча с Борисом Новиковым, 16-летний ребячий чемпион против лучшей ракетки страны. Этот матч имел, несомненно, принципиальное значение для обоих.

В своей книге Николай Николаевич рассказывает:

- Что можно противопоставить Новикову? Вот над чем думал я всё время. Когда-то Евгений Аркадьевич Кудрявцев, играя с Борисом Ильичом, применил "крученую свечу", да так здорово, что, проигрывая вторую партию 0:3, взял шесть геймов подряд, и Новиков бессилён был что-либо сделать. Такую тактику решил применить против именитого соперника и я, но мои свечи были, к сожалению, не крученые, так играть, как Кудрявцев, я ещё не умел. Новиков легко с ними справлялся. Матч, по существу, закончился моим разгромом.

А Борис Ильич вспоминает:

- Хотя внешне матч был выигран мною очень легко, я сразу почувствовал в сопернике большие задатки. Придя в раздевалку, сказал об этом заскочившему на несколько минут Вадиму Синявскому. И вечером, в "Последних известиях", о моём молодом сопернике были сказаны тёплые слова. Не помню их точно, но смысл был таков: мы, ветераны, получили соперника, который рано или поздно заставит нас потесниться на пьедестале почёта.

Весной сорокового они встретились вновь в командном матче "Локомотив" – "Динамо". Начало поединка было настолько неожиданным, что зрители замерли в изумлении. Захватив инициативу, показывая на редкость разнообразную игру, ведя её в

искромётном темпе, часто выходя к сетке, Озеров – этот "младенец" – выиграл первую партию у многократного чемпиона страны с изумившим всех учётом – 6:1.

Во второй партии Озеров был впереди со счётом 6:5 и 7:6, имел два матчбола. Но в эти минуты огромного психологического напряжения Новиков не дрогнул, не прибегнул к выгодной "качке", как поступили бы, вероятно, в сложившейся ситуации многие, а хорошими, мощными атакующими ударами "вырвал" вторую партию (8:6), а в третьей, решающей, был уже полным хозяином положения и завершил её более чем убедительно. Николай подбежал к победителю, чтобы обменяться традиционным рукопожатием и, не сдержавшись, пожалел вслух:

- Так я вас и не одолел...

- Одолеть не одолел, а напугал здорово. Теперь с тобой держи ухо востро. Ну, до новой встречи.

Ждать её пришлось недолго. Через полтора месяца началось очередное первенство столицы, и жребий свёл их в полуфинале. И хотя до этого Озеров "побил" таких известных, пользовавшихся высоким авторитетом мастеров, как Евгений Корбут и Пётр Чистов, по-прежнему никто не верил в возможность его успешного выступления против динамовца.

Начало матча ещё в большей степени укрепило эти сомнения: чемпион взял первый сет с удивительной лёгкостью – 6:2. Во время смены сторон Владимир Николаевич Спиридонов успел довольно зло прошептать своему ученику:

- Балда, ты же играешь не по плану. Играй по плану, и всё будет в порядке. Обещаю тебе...

Владимир Николаевич отличался блестящим тактическим мышлением. От его зоркого глаза не ускользала ни одна из слабостей соперников. Учитывая их и исходя из данных ученика, он составил чёткий, глубоко продуманный план ведения поединка, о котором сейчас без излишней деликатности напомнил Николаю.

И тот наконец заиграл, как было условлено. Может быть, с точки зрения теннисной классики его действия со стороны выглядели неожиданно. Может быть, в упорном чередовании сильных и средних ударов с резаными и укороченными было что-то мальчишеское. Но именно эта "несерьёзность" злила чемпиона, а частые, смелые выходы к сетке, непредсказуемые "ходы", разнообразие применяемых приёмов изматывали силы. Новиков сражался героически, отступал без паники, достойно (7:9, 6:4, 5:7, 4:6), но матч уступил. Это был первый проигрыш динамовца в сезоне.

Легко понять, как был счастлив победитель. Через день, испытывая необычайный душевный подъём, он легко победил в финале и впервые завоевал право именоваться лучшей ракеткой Москвы. За свою долгую спортивную жизнь он не раз повторял этот успех, но никогда не испытывал от победы большей радости.

Потом произошло уже нечто совсем невероятное. Николая усадили в новенькую "Эмку" и через весь город повезли на стадион "Локомотив". Был воскресный день, физкультурная жизнь кипела вовсю. Но вдруг все соревнования на футбольном поле, баскетбольных, волейбольных, городошных площадках прекратились. Спортсмены общества "Локомотив" у ворот ждали появления 17-летнего мальчишки, который одержал такую важную и яркую победу. И это было для него самым большим и самым приятным подарком. Здесь же, на стадионе, комментатор всесоюзного радио Вадим Синявский, который приехал провести очередной репортаж о футбольном матче на первенство страны, взял интервью у молодого чемпиона столицы, и вечером миллионы людей во всех уголках нашей огромной страны услышали звонкий, взволнованный голос Николая Озерова. Не знаю, помнит ли он этот свой первый в жизни выход в эфир, но мы помним. Помним и то, как Вадим Синявский, словно бы в качестве примечания к взятому у юноши интервью, сказал:

- Мне лично кажется, что в очередном первенстве СССР, которое состоится на следующий год, с Колей Озеровым придётся считаться очень серьёзно.

Но турнир, о котором говорил Синявский, и о котором мечтал Озеров, не состоялся: началась Великая Отечественная война.

Розыгрыш первенства Советского Союза возобновился лишь в 1944 году. И Николай Озеров стал его главным героем. Он победил в одиночном разряде, в парном (вместе с Зденеком Зигмундом) и в смешанном, где его партнёршей была ленинградка Зоя Клочкова. До него такого успеха добился лишь Евгений Кудрявцев шестнадцать лет назад. Заодно уж отметим, что Озеров был первым из советских теннисистов, которому этот успех удалось повторить: в 1953 году он первенствовал в одиночном, в парном с Михаилом Корчагиным и в смешанном с Елизаветой Чувыриной. Всего же с учётом одиночных и парных игр Николай Николаевич становился чемпионом Советского Союза 24 раза. Это абсолютный рекорд нашей страны, до сих пор не побитый. Он складывается из следующих величин. Пять раз Озеров был чемпионом в одиночном разряде (1944-1946, 1951 и 1953 гг.), 6 раз в смешанном (1940, 1944-1949, 1953, 1955, 1957 гг.) и 13 раз в мужском парном (1944-1949, 1950-1952, 1953, 1955, 1957, 1958 гг.).

Приведённые данные позволяют сделать вывод, что этому выдающемуся во всех отношениях спортсмену была по вкусу коллективная игра. Здесь была его стихия, здесь он находил возможность проявить лучшие черты своего спортивного характера – самоотверженность, умение постоять за себя и друга, отдать борьбе себя без остатка.

Склонность к парной игре, (особенно к выступлению в мужских дуэтах) имела под собой совершенно определённую почву. Ещё в начале сороковых годов Николай тесно подружился с московским спартаковцем Зденеком Зигмундом. Все в столице знали его как обаятельного человека и великолепного спортсмена. Он был постарше Озерова и раньше его засверкал на теннисном небосклоне. Может быть, ещё до войны он сумел бы добиться в этой игре больших успехов, если бы не растрачивал своих сил на хоккей с мячом, футбол, а затем и хоккей с шайбой, где он очень быстро выдвинулся в число ведущих форвардов страны.

Человек необычайно одарённый, интересный, яркий, Зденек полюбился Озерову, они подружались и вскоре стали одноклубниками. В сорок четвёртом судьба свела их в финале одиночного разряда: борьба была исключительно упорной, бескомпромиссной, и Зденек уступил только в пятой партии. Он перепрыгнул через сетку, подбежал к счастливо улыбающемуся другу и на виду у тысяч зрителей расцеловал его:

- Молодец, Коля!

А через несколько часов они сражались в парном финале и победили. И ещё пять лет подряд никому не уступали звания сильнейшего теннисного дуэта страны.

Я не случайно прибегнул к музыкальному термину. Их совместные действия на корте напоминали идеально отлаженный оркестр. Как бы трудно ни складывалась игра, она всегда была для них в радость. Они оба поклонялись одному богу – атаке, одной страсти – искромётному темпу.

Многие специалисты считают – и не без оснований, что пара Озеров и Зигмунд была одной из лучших, если не самой лучшей за всю историю отечественного тенниса. Её прежде всего отличало современное для своего времени трактование игры в сочетании с виртуозной техникой и чрезвычайно высокой физической подготовкой. Вот почему в течение шести сезонов подряд, с 1944 по 1949 год включительно, они выигрывали первенство Советского Союза, первенство Москвы и не знали себе равных в других крупнейших состязаниях. И, может быть, это их победоносное шествие продолжалось бы ещё долго, но случилось непоправимое: Зденек Зигмунд, выступавший в хоккее с шайбой за команду мастеров ВВС, трагически погиб в авиакатастрофе.

Озеров тяжело переживал потерю друга и партнёра. Но жизнь продолжается, нужно было найти нового напарника. И Николай Озеров, к изумлению многих, выбирает Эдуарда Негребецкого.

- Для чего тебе это? Он гораздо старше и живёт в Ленинграде. Далекое ездить на тренировки, – удивлялись и шутили друзья.

- Эдуард Эдуардович мне близок по духу, по отношению к игре, по её пониманию, – отвечал москвич.

Это была правда. Ветерана и "игрока третьего поколения" роднили неистовый темперамент, приверженность к открытой борьбе, истинная спортивность. Вот почему они быстро нашли общий язык. В течение трёх лет (с 1950 по 1952 г.) они побеждают на чемпионатах СССР и в других крупнейших состязаниях. Потом, как читатель уже знает, эта пара была объявлена "бесперспективной". Озеров ещё дважды (в 1953 и 1955 гг.) выигрывает первенство страны в паре с молодым одноклубником Михаилом Корчагиным, в 1957 и 1958 годах составляет дуэт с Сергеем Андреевым, но, как справедливо заметил один из обозревателей той поры, "...в спорте прекрасно лишь живое, естественное, продиктованное логикой жизни соединение индивидуумов в команду. И только такая команда может рассчитывать на всеобщее понимание и любовь".

Конец пятидесятых годов был концом спортивной карьеры Озерова. Он погрузился, потерял скорость и решил, что пора уходить.

Но тут произошло событие, не рассказать о котором просто невозможно, потому что оно интересно само по себе и как нельзя лучше характеризует Озерова-спортсмена.

В 1959 году в стране проходил грандиозный физкультурный праздник – I Спартакиада народов СССР. В её весьма обширную программу входили и состязания по теннису. Формируя сборную команду, Москва ощутила определённый кадровый голод, и руководители коллектива пришли к Озерову:

- Коля, выручай!

Безусловно, любой на его месте отказался бы от подобного предложения. Большой перерыв в выступлениях на корте, резко возросший собственный вес, занятость по работе – этого было достаточно, чтобы отказаться. Но Озеров решил по-другому.

- Я согласен, к Спартакиаде буду в нормальной форме...

Многие отнеслись к этому заявлению скептически. А Николай отправился в Институт питания имени Певзнера, добился права на стационарное лечение и, проявив характер, за полтора месяца похудел на... 20 килограммов.

Когда он вышел из больницы, до начала спартакиадного турнира оставались считанные дни. Он провёл их в напряжённой тренировке. А на Спартакиаде завоевал три серебряные медали: в одиночном разряде, в парном (вместе с Михаилом Корчагиным) и смешанном (где его партнёршей была Елизавета Чувырина). К нему в те дни словно вернулась вторая молодость. Так и назывались газетные репортажи и очерки, посвящённые выступлениям этого неуязвимого мастера.

Но, увы, вторая молодость существует лишь как литературный образ, как приятное и красивое сочетание слов. На самом деле годы давали о себе знать, и Николай Николаевич сошёл с теннисной сцены.

Я не знаю другого теннисиста, который пользовался бы такой безоговорочной, всеобщей любовью, как заслуженный мастер спорта Николай Озеров. И дело не только в совершенстве и блеске его игры. В этом человеке счастливо сочетались сильный характер, высокое чувство гражданства, мужество и благородство, беспредельная преданность спорту.

Николаи пришёл в большой теннис, когда там господствовал Борис Новиков. О нём писали как о непобедимом бойце, о своеобразном эталоне. Тренеры, работавшие с молодёжью, говорили своим ученикам: "Вот с кого надо брать пример!"

Но Озеров не последовал этому совету. Он не стал подражать Новикову, его сильной, точной, но довольно однообразной игре. Да он и не мог бы этого сделать по складу своего характера. Он показал советскому зрителю нечто совершенно новое – игру лёгкую, изящную, предельно разнообразную, остроумную и агрессивную. Николай не признавал осторожной перекидки с задней линии, а шёл вперёд, атаковал, держал соперника в постоянном состоянии высокого нервного напряжения.

Новое далеко не всегда получает безоговорочное и единодушное одобрение. И нам, его современникам, отчётливо помнится, сколько критических замечаний, резких возражений встречала поначалу игра Озерова.

- Это мальчишество!

- Это несолидно!

- Да он играет в футбол, а не в теннис! – то и дело твердили признанные специалисты.

Что ж, в юношеском возрасте Николай в самом деле играл в футбол (и даже дошёл до команды мастеров "Спартак") и из футбола принёс на корты невиданную прежде в нашем теннисе резкость, силу, энергию, многообразие тактических ходов, неудержимость натиска.

Озеров первым внёс в наш теннис понятие темпа и блестяще осуществил его на практике. Раньше игрок делал длинный, плавный замах, ожидая, когда отскочивший от земли мяч достигнет высшей точки. Так учили наши учебники тенниса и наши тренеры. Озеров, прошедший школу Коше и сам угадавший веяние времени, взял за правило бить по восходящему мячу, не давая ему начинать опускаться на землю. Он стремительно рвался к сетке и часто выигрывал гейм неотразимым ударом с лёта.

Конечно, такие ходы, такие действия знали у нас и раньше. Но то, что у Кудрявцева, Новикова, даже Негребецкого было эпизодом, – у Озерова стало стилем.

Дома у Николая Николаевича прекрасная библиотека. Среди спортивных книг, хранящихся в ней, работа его постоянного соперника на корте и друга, ныне заслуженного тренера СССР, профессора Семёна Павловича Белиц-Геймана "Искусство тенниса". На ней дарственная надпись: "Желаю вам сделать из своих маленьких детишек Коли и Нади теннисистов ещё более высокого класса, чем их замечательный теннисный прародитель, которому, по независящим от него причинам, так и не удалось стать победителем Уимблдона".

Поколению Николая Озерова не повезло: ему и его друзьям не удалось принять участие в крупных международных состязаниях. Были лишь эпизодические встречи. Помнится, например, как наш лидер сумел выиграть у чемпиона Югославии Митича – 8:6, 6:3, 6:1 – на закрытых кортах "Динамо". После окончания встречи побеждённый заявил корреспонденту советского радио Вадиму Синявскому:

- Ваш Озеров – просто прелесть. Попади он в Уимблдон, уверен, сыграл бы там неплохо.

Примерно в этом же духе высказывались сильнейшие игроки Европы той поры: чемпион Польши Владислав Сконецкий, венгр Гуаш, чех Сиба, которые в разное время познали горечь поражения от москвича. И, кто знает, доведись нам тогда получить право на участие в официальных международных турнирах первого ранга, мы бы увидели мастерство нашего чемпиона в ракурсе ещё более привлекательном. И уж совсем бесспорно то, что своим опытом, примером мастерства и мужества он подготовил путь к высшим взлётам тем, кто шёл за ним.

Николай Озеров родился и вырос в актёрской семье. Его отец, известный оперный певец Николай Николаевич Озеров, больше тридцати лет радовал зрителей Большого театра своим замечательным талантом. Ему довелось за свою долгую карьеру исполнять все ведущие партии драматического тенора – Отелло и Хозе, Радамеса и Германа, Садко и Самозванца... В его доме желанными и частыми гостями были А.В.Нежданова и Л.В.Собинов, Н.С.Голованов и И.М.Москвин, В.И.Качалов и А.С.Пирогов. Здесь всё дышало преданностью искусству, жадной самоотверженной служением ему.

Не удивительно, что Николай поступил на актёрский факультет Государственного института театрального искусства имени А.В.Луначарского. А после его окончания долгие годы работал в прославленном Московском художественном театре. Он дебютировал на его сцене в роли Бен Амена в "Пиквикском клубе". Творческими удачами, отмеченными критикой, были образы адъютанта генерала Кривенко в "Победителях", Никиты Укладникова в "Ломоносове", Фабиана в "Двенадцатой ночи", мистера Тутса в "Домби и сыне", Бенжамена в "Школе злословия", Хлеба в бессмертной "Синей птице"... Ну а всего им сыграно двадцать ролей на сцене МХАТа и восемь в различных кинофильмах. Всё это – большой, солидный творческий багаж. Казалось бы, дорога и призвание определены... Но однажды он пришёл в театр на очередную репетицию. В пустом зрительном зале его ждал корреспондент Всесоюзного радио Шамиль Николаевич Мелик-Пашаев:

- Вас очень просил приехать наш главный редактор.

В ту пору Озеров был чемпионом Советского Союза, признанным лидером советских теннисистов, довольно часто давал интервью и, естественно, решил, что его приглашают с этой целью. Но в кабинете руководителя редакции "Последних известий" понял, что ошибся.

- В математике, – сказал главный редактор, – параллельные прямые, как известно, не сходятся. А в жизни, знаете ли, такое случается... Мы хотим, Николай Николаевич, ваш огромный спортивный опыт и дар актёра, мастера слова соединить в единое целое.

И вот 29 августа 1950 года во время футбольного матча московских команд ЦДКА – "Динамо" патриарх спортивных радиокomentаторов Вадим Синявский дал путёвку в эфир Николаю Озерову. Когда передача была окончена, мэтр повернулся к ученику и сказал:

- Быть тебе комментатором, Коля. Думаю, что здесь, около микрофона, суждено тебе сыграть главную роль своей жизни.

С тех пор прошло более тридцати лет. И это были десятилетия бессменной вахты у микрофона. Ему довелось вести репортажи со стадионов шестидесяти пяти стран, с семи футбольных и двадцати пяти чемпионатов мира по хоккею, с четырнадцати летних и зимних Олимпиад. Он первым взял интервью у первой советской олимпийской чемпионки Нины Пономарёвой, и он же с необыкновенной теплотой и задушевностью рассказывал миллионам телезрителей и радиослушателей о последнем дне Московской Олимпиады... Одним словом, он является бесспорным абсолютным рекордсменом советской электронной прессы, и вряд ли кому-либо в ближайшем будущем удастся перекрыть его достижения, исчисляемые сотнями часов, проведённых в эфире, и километрами плёнки, на которой отснят он и записан его голос...

В хмурый, слякотный декабрьский день восемьдесят второго года в кинотеатре "Варшава" отмечалось шестидесятилетие Николая Николаевича Озерова. В огромном зрительном зале не было ни одного свободного места. А само чествование вылилось в великолепный праздник, в котором участвовали прославленные теннисисты и футболисты, хоккеисты, боксёры, штангисты и представители почти всех других видов спорта, народные артисты СССР, представляющие МХАТ и Театр Вахтангова, театры сатиры и оперетты, выдающиеся представители эстрады, все без исключения спортивные комментаторы телевидения, шахматные гроссмейстеры... Все они говорили о юбиляре как о человеке большой души, высокого творческого полёта, для которого главной ролью его жизни стало служение спорту и утверждение его немеркнувшей красоты!

Глава восьмая ФАНАТИК

В советском энциклопедическом словаре слово "фанатизм" толкуется следующим образом:

1) доведённая до крайней степени приверженность к каким-либо верованиям или воззрениям, нетерпимость к любым другим взглядам...

2) (переносный смысл) – страстная преданность чему-либо.

Эту выдержку я привёл не случайно. Ибо озаглавил так свой рассказ о заслуженном мастере спорта, заслуженном тренере СССР Сергее Сергеевиче Андрееве, испытывая огромное уважение к этому человеку, восхищаясь его поистине фанатической преданностью теннису. Как так получилось, что он отдал душу и сердце, а если хотите, и саму жизнь этой игре, он, вероятно, и сам не смог бы объяснить. Во всяком случае на мой вопрос об этом он пожимает плечами и нехотя говорит:

- Так уж получилось. Такова была, наверное, воля судьбы. Во всяком случае иного ответа я лично не нахожу.

Но дело здесь, конечно же, не в судьбе и ни в каком-то частном случае, а в самом характере Андреева, в заложенных в нём с рождения таких важных человеческих качествах, как высокое чувство ответственности и преданности тому делу, за которое он берётся.

В детстве он настойчиво и жадно искал свой путь в спорте. Был лихим горнолыжником и не знал равных в слаломе, считался незаменимым вратарём футбольной сборной своей улицы, отлично играл в волейбол, а в пятидесятые годы защищал цвета столичного "Спартака" в хоккее с шайбой.

Но когда его спрашивали, что же он все-таки предпочитает в столь обширном "меню", Сергей, не задумываясь, отвечал:

- Теннис.

- Почему? – спросил я.

Он улыбнулся:

- Вы не оригинальны. На этот вопрос мне довелось в своей жизни отвечать тысячи раз. Я полюбил теннис, потому что испытывал в нём необычайные ощущения. Со стороны, с трибун, он кажется очень простым, лёгким, а на самом деле необычайно объёмен, очень выразителен и требует от играющего множества самых разнообразных качеств. По сравнению с футболом, волейболом, баскетболом или гандболом теннис необычен, откровенно характерен. К тому же, как никакая другая игра, он позволяет спортсмену проявить свою индивидуальность. Вот всё это и привязало меня к нему навсегда.

Сергей Сергеевич не говорит ещё об одном обстоятельстве, но оно, несомненно, также сыграло заметную роль в определении его симпатий. Жил Андреев в непосредственной близости к Центральному Дому Красной Армии, в уютном парке которого был расположен один из лучших теннисных стадионов страны. Здесь маленький Серёжа видел – и не раз – игру лучших мастеров столицы и других городов, внимательно следил за ними и многому учился. Кудрявцев, Негребецкий, Новиков, Мультино, Джаксон, Синючков – он знал их и многих других не только в лицо, но всегда мог безошибочно определить по почерку, любимым ударам и приёмам.

Немаловажным моментом, определившим окончательный выбор Сергея, явился приезд в Советский Союз Анри Коше. Наблюдая за его выступлениями, Сергей как бы заглядывал в святая святых современного тенниса, видел его настоящее и будущее. Отточенная техника француза, его безупречное поведение на корте, изысканность стиля покорили сердце мальчугана и окончательно увлекли на теннисную стезю.

Но как пойти по ней? Как научиться играть и играть хорошо? То было время, когда одного желания оказывалось явно недостаточно: в стране ещё не было широкой сети детских школ, хорошей базы, специальных педагогов. Учителем и "вдохновителем" Сергея стал старший брат, игравший для любителя довольно прилично. С его помощью Сергей попал в подготовительную группу теннисной секции при обществе "Наука".

Как бы оправдывая название своего клуба, ребята здесь исключительно серьёзно, поистине "по-научному" относились к познанию "тайн" тенниса: доставали наши и переведённые на русский язык иностранные книги о теннисе и многое узнавали из опыта написавших их мастеров. У каждого из них была своя методика, свой взгляд на формы и методы ведения игры, но все были едины в одном и главном: к подлинному успеху в теннисе ведёт самоотверженный труд.

Андреев хорошо запомнил это и, никем не принуждаемый, никем не контролируемый часами безостановочно работал у стенки. Его не тяготило это занятие, в кажущейся монотонности "игры" с неодушевлённым предметом, он, ещё совсем ребёнок, умел найти свою прелесть и свою романтику.

Во второй половине тридцатых годов Сергей пробует свои силы в товарищеских поединках и однажды на глазах у тренеров ЦДКА весьма уверенно играет против своего одноклассника, третьей ракетки Москвы Мелика Адамова. Сергей всё же проигрывает, но проигрывает достойно – 4:6, 7:9.

Однако упорство и безусловное мастерство "беспризорника" прошло мимо внимания армейских педагогов.

А на следующий день – Андреев узнал об этом случайно – на стадионе Юных пионеров разыгрывалось очередное первенство столицы среди мальчиков. Сергея Андреева никто туда не приглашал.

Но он пришёл к назначенному часу, предусмотрительно захватив с собой спортивную форму и личную ракетку.

- Для чего это нагружаешься? – спросил старший брат, отлично понимавший, что никакого шанса играть в официальном турнире у Серёжи нет.

- Да так, может удастся постучать о стенку, – ответил меньшей.

Придя в тот жаркий летний день на стадион, Сергей увидел небывалое скопление ребятни: только в "сетку" турнира вписано 96 участников, и за каждого пришли болеть товарищи и подруги. Одним словом, зрителей набралось как в дни больших состязаний.

Серёжа устроился на трибуне и вдруг заметил, что судьи кого-то разыскивают. На всякий случай он встал со своего места и пошёл навстречу служителям спортивной Фемиды. Те заметили его:

- Мальчик, как твоя фамилия?

Он принял как можно более серьёзный вид и отчётливо произнёс:

- Андреев!

Судьи внимательно просмотрели список и один из них резюмировал:

- Ни одного Андреева в списках не числится.

В эту минуту Сергей не выдержал, и по лицу его покатались слезы.

- Ты что, хочешь выступить в состязаниях?

- Ещё как хочу...

Судья улыбнулся и предложил своим коллегам:

- Давайте включим в сетку этого плаксу вместо бесследно исчезнувшего Зайчикова...

Предложение приняли. Радость Серёжи нельзя было передать словами. Шутка ли, он – участник самых настоящих соревнований.

И вот уже первая победа, вторая, третья... В полуфинале жребий сводит его с Иваном Новиковым, ставшим впоследствии известным теннисистом и хоккеистом. Тогда Сергей проявил недюжинную цепкость, волевой характер, желание и умение бороться за каждый мяч. Нашла, как говорится, коса на камень. Первый сет за Андреевым – 8:6. Второй с таким же счётом выигрывает его соперник. Острота, яркость, предельная напряжённость поединка притянули к корту всех, кто в это время находился на стадионе.

Соперники действовали с переменным успехом. И все-таки более упорным, более волевым проявил себя Сергей. Решающий сет он "вырвал" со счётом 10:8. А в финале победил сильного, уже хорошо известного в столице юного игрока Славу Гершановского. Матч между ними проходил на Центральном корте стадиона "Динамо", и уже одно это придавало событию несомненную исключительность.

Сергей очень тщательно, не по-детски серьёзно готовился к этому матчу. Уже тогда, в совсем юном возрасте, он взял себе за правило "прокручивать" в уме сюжет предстоящего поединка, тщательно обдумывать план игры против конкретного соперника. Решать всё приходилось самому: у мальчика не было ни тренера, ни просто кого-нибудь, кто мог помочь дельным советом. Как на грех, и старшего брата не оказалось в ту пору рядом.

И все-таки "маленький рыцарь" смело ринулся в схватку. Начало не сулило ему ничего хорошего: смело выходя к сетке, тонко маневрируя, Гершановский выигрывал сет со счётом 7:5. Во втором он повёл 3:0, и зрители уже стали постепенно расходиться, считая, что исход встречи не вызывает сомнений.

Но тут произошло то, чего никто не ожидал и ожидать не мог. Андреев как-то незаметно перешёл в наступление. Его практически безошибочная игра с задней линии, точные красивые обводки, не частые, но с математической точностью рассчитанные выходы к сетке

стали приносить желанные очки. Соперник не сразу угадал эту перемену. Несколько проигранных мячей, а затем и геймов он принял за досадную случайность – не более и продолжал действовать в прежней манере. А Сергей, воодушевлённый удачными атаками, наращивал их силу и выиграл партию – 9:7. И тут выяснилось, что Гершановский, которому все заранее прочили лавры победителя, не готов к такому повороту событий. Он скис и, не в силах оказать сопротивление атакам Андреева, проиграл решающий сет – 1:6.

Итак, никому не известный, не имеющий тренера, не представляющий, по существу, никакое общество паренёк стал чемпионом Москвы среди мальчиков. Эта была сенсация. Газета "Красный спорт" писала, что победитель проявил мужской характер, показал хорошую техническую подготовку, позволяющую надеяться, что при серьёзном отношении к теннису юный чемпион может вполне рассчитывать на новые успехи.

Если бы автор этой заметки задался целью поближе познакомиться с маленьким героем, он не стал бы прибегать к стандартным педагогическим рекомендациям. Дома у Серёжи была собрана целая библиотека: "Искусство игры в теннис" В.Тильдена, "Теннис" А. Коше, "Самоучитель" Э.Вайнса и многие другие. Сведения, почерпнутые в них, он по мере сил пытался воплотить в практику.

Особенное впечатление произвела на Сергея книга Р.Лакоста. "Я получил от природы только один талант, – писал знаменитый "мушкетёр", – огромную работоспособность, но я использовал его на все сто, а может быть, больше процентов. И этого хватило, чтобы стать чемпионом".

Много, очень много ценных советов получил Сергей от Лакоста и других авторов. И ещё был у него прекрасный учитель – старший брат. Перед Сергеем всегда был его пример – пример человека, который к каждому делу подходил не только серьёзно, с полной самоотдачей, но и глубоко аналитически.

Под влиянием книг и постоянного наблюдения за лучшими мастерами советского тенниса складывался характер Сергея Андреева. А упорные тренировки помогали приобрести необходимые игровые качества.

Его спортивная судьба, так стремительно вознёсшая его в самом начале к сенсационной победе, в дальнейшем не очень баловала. Он продолжал успешно выступать в состязаниях, блеснул в матче Москва – Киев, проходившем в городе на Днестре, где победил чемпиона СССР среди мальчиков Гену Попова, выиграл открытое первенство стадиона ЦДКА для мальчиков старшего возраста, а специалисты всё не хотели брать его в расчёт.

- Выскочка, – говорили армейцы.

- У него нет стабильности, – заявляли спартаковцы...

Каждый защищал и выдвигал представителей своего общества, а Андреев не принадлежал никому.

Но разговоры о нём возникали всё чаще и чаще. И, наконец, Сергею предложили сыграть официальный матч с сильным, перспективным динамовцем Елизаровым. На эту игру были приглашены все ведущие тренеры столицы. Поединок проходил зимой на крытом корте "Динамо" – единственном в ту пору в столице.

В дни подготовки к этому очень странному и в то же время очень важному состязанию у Сергея впервые появился "собственный" тренер – Борис Иванович Кочетков. Это был довольно сильный мастер, занимавший в ту пору во всесоюзной классификации достойное – 14-е место и славившийся своими не частыми, но яркими победами над многими лидерами.

Сергей чувствовал в учителе исключительную доброту, отзывчивость, врождённую интеллигентность. Его душевное, отеческое отношение окрыляло ученика, а бесчисленные спарринговые встречи, которые они вели, были замечательной школой мужества и тонкого теннисного искусства.

И вот матч с Елизаровым. Борис Иванович серьёзно готовит к нему своего подопечного. Они вместе обсуждают план предстоящей встречи, и Андреев сообщает учителю такие детали, такие нюансы стиля и почерка динамовца, что Кочетков только разводит руками:

- Братец мой, откуда только ты всё это знаешь?
- А как же, у меня на каждого возможного соперника заведена карточка. Там, знаете ли, всё записано...
- Ну, Серёжа, тогда, я вижу, этому Елизарову не сдобровать...

Как в воду глядел Борис Иванович. Андреев играл в тот день не просто хорошо, а поистине вдохновенно. У него всё получалось и получалось точно, легко, красиво. На трибунах, где восседали такие знатоки, такие ценители, как Теплякова, Синючков, Лео и другие, царило напряжённое молчание. Только когда поединок закончился (Андреев победил с ошеломляющей быстротой – 6:1, 6:1), кто-то из присутствовавших заметил со вздохом:

- Плохие мы ювелиры: перед нами настоящий бриллиант, а мы месяц за месяцем твердим, что это обыкновенный камень...

Произошло это в 1937 году. А на следующий сезон в матче детских сборных восьми городов Сергей Андреев уже выступает первой ракеткой Москвы. Он обыграл ленинградца Дмитрия Смирнова в двух партиях (7:5, 6:4), а также ряд других сильных соперников, уступив лишь чемпиону СССР тбилисцу Подпорину – техничному и опытному игроку.

Матч этот надолго запомнился всем, кто имел удовольствие его видеть. В первом сете Андреев показал великолепную игру и выиграл его на редкость легко – 6:1. Конечно, этот счёт взвинтил самолюбивого тбилисца. Усилив во втором сете темп, умело используя своё техническое превосходство, он повёл 4:2. Стояла 40-градусная жара, местные болельщики яростно поддерживали своего земляка. И в этой обстановке Сергей, который был на два года младше соперника, допускает очевидную тактическую ошибку. Вместо того чтобы спокойно отдать сет сопернику и сохранить силы для решающего, он бросается догонять Подпорина. Ценой колоссальных усилий он выравнивает счёт – 4:4 и чувствует, что его силы иссякли. Впрочем, "чувствует" – это сказано не совсем точно. Наоборот, Андрееву казалось, что ничего не изменилось, и в то же время предательски притуплялось внимание, чаще стали происходить обидные, непонятные ему самому ошибки. В третьем сете они уже следовали одна за другой.

Сергей был удручён. Но на следующий день опытный теннисист и журналист В.Коллегорский, подводя в местной газете итог закончившимся состязаниям, назвал Андреева в числе главных героев. "Матч Андреева с Подпориним, – говорилось в отчёте, – мог бы стать украшением и любого взрослого турнира. Перед нами прекрасные турнирные бойцы; и мы будем с большой надеждой ждать их новых встреч".

Увы, им не суждено было состояться. Вскоре началась война. Подпорин погиб в сражениях за Родину, Андреева роковая судьба миновала, хотя он пробыл на фронте более трёх лет.

Когда гитлеровская Германия напала на нашу страну, Сергея уже хорошо знали в мире тенниса. Он выиграл несколько крупных взрослых турниров (в одном из них он встретился в финале с Борисом Ивановичем Кочетковым, матч игрался два дня подряд, и наконец ученик одолел своего любимого учителя), играл в паре с Николаем Озеровым...

- Прошу немедленно отправить меня на передовую, – Андреев сам не заметил, как повысил голос.

Но военком уже не в первый раз встречался с такими отчаянными молодцами. Да и, по правде говоря, отлично понимал их. Но и они должны, чёрт возьми, понять его.

- Вам ещё нужно научиться воевать, товарищ Андреев. Тогда и поговорим.

Сергея зачислили курсантом Московской школы авиационных механиков. Трудные дни учёбы в столице. Эвакуация на Урал. Занятия в холодных, нетопленых классах, на аэродроме, продуваемом ледяными ветрами, ночные вахты в карауле... Сколько раз он с благодарностью вспоминал спорт, который дал ему физическую силу, терпение и мужество. Он закончил школу по высшему разряду и получил приглашение остаться в ней для прохождения дальнейшей службы. Но Андреев был твёрд в решении, которое созрело у него ещё в первый день войны:

- Прошу отправить на фронт.

Очень жаль, что в нашей военной литературе, создавшей много прекрасных произведений о Великой Отечественной, нет ещё достойного произведения об авиационных инженерах, техниках и механиках. Бесстрашные, неутомимые, непрехотливые "рабочие войны", они скромно, безупречно делали своё великое дело, готовя к боевым вылетам самолёты. Им не присваивали звания Героев, но все они были героями. Я видел, как они работали без перчаток на сорокаградусном морозе, на ледящем ветру, видел их окровавленные пальцы и кожу, слезавшую с ладоней. Я видел, как они "штопали" насквозь продырявленные вражескими пулями фюзеляжи и плоскости, как провожали лётчиков в очередной вылет, а потом, задрвав голову в поднебесье, чутко прислушиваясь к каждому возникавшему звуку, томительно долго ожидали возвращения "своего" пилота. И иногда, так и не дождавшись, рыдали, как дети.

Всё это испытал на себе механик по авиационным приборам старший сержант Сергей Андреев. Три с небольшим года провёл он на фронтовых аэродромах. Помнит раскалённые знойным летним солнцем степи Заволжья, откуда его друзья-лётчики летали бомбить и обстреливать танковые колонны фашистов, помнит жаркие воздушные сражения под Мелитополем, грозное небо Крыма, штурм Кенигсберга. Помнит яростные бомбёжки "юнкеров", свежерытые могилы, в которых они навсегда оставляли в чужой земле безвременно ушедших товарищей.

Только через три месяца после того, как была завоёвана Победа, вернулся Сергей Андреев в родную Москву. На его солдатской гимнастёрке – орден Красной Звезды, медали "За отвагу" и "За боевые заслуги".

В первое же воскресенье Сергей отправился в парк ЦДКА, где проходил открытый чемпионат столицы. Из газет он знал всё или почти всё о теннисной жизни страны, о молодых именах, заявивших о себе во весь голос, о взлёте своего друга и напарника Коли Озерова... Но лишь взглянув на происходящее собственными глазами, Сергей понял, как безнадежно он отстал. Даже те, кого он знал, с кем выступал до войны – Озеров, Зигмунд, Белиц-Гейман, Синючков, играли совсем в другой теннис, чем тот, который он исповедовал. А молодые – эстонцы Алас и Крее, москвич Корбут, тбилисцы Элердашвили, Крупенников – какой они демонстрировали темп, какое богатство техники! Вернувшись со стадиона, Сергей долго разглядывал своё отражение в зеркале и резюмировал отнюдь не весёлым голосом:

- Товарищ гвардии старшина запаса, в свои двадцать два года вы уже старик и теннис обойдётся без вас...

Но на следующее утро приступ пессимизма прошёл. Переодевшись в свой любимый "цивильный" костюм, прихватив видавший виды чемоданчик с формой, ракетку и мячи, фронтовик отправился на стадион, приговаривая на ходу:

- Надо отвоёвывать место под солнцем ...

То было радостное, но ещё очень трудное время. Нужно было думать о том, как жить дальше. И тут Сергею повезло: он встретился с добрым, отзывчивым человеком, прекрасным организатором тенниса и вдумчивым тренером Николаем Карповичем Каракашем из спортивного общества "Большевик". Он помог Сергею устроиться на работу и стал регулярно заниматься с ним.

В "Большевике" было много преимуществ для молодого, ещё не набравшего силу и не имевшего авторитета спортсмена. Но главное состояло в том, что здесь ему доверили выступать на "первой доске", а значит, он имел возможность во время командных состязаний (которые в ту пору проводились куда чаще, чем нынче) встречаться с сильнейшими мастерами Москвы и страны.

Желая скорее вернуть себе былую форму, а потом двинуться вперёд, Андреев тренировался так, как не тренировался в то время никто: он работал на кортах два раза в день по два часа, не менее.

- Фанатик! – говорили о 23-летнем спортсмене коллеги и тренеры. Они не понимали, что он обладал даром предвидения. Ведь то, что он делал тогда и что считалось исключительным, невероятным, сегодня стало обычным даже для новичков. Сергей Андреев стал провозвестником нового подхода к тренировочному труду, пионером неведомых до этого нагрузок, образцом трудолюбия. Не забывает он

и правил, выученных в детстве. Он по-прежнему много читает. Его домашней картотеке на лучших теннисистов страны мог бы позавидовать любой научно-исследовательский институт. Точность, глубина сведений, знание общей тактики, физической, технической и психологической подготовки всех без исключения спортсменов, участвующих в чемпионатах страны и других внутренних состязаниях, позволяли ему выходить на каждый матч с "открытыми глазами". Так формировался этот характер, давший нашему теннису игрока-мыслителя, спортсмена, умевшего видеть каждую предстоящую игру заранее, умевшего необыкновенно тонко уловить психологическую нить любой предстоящей дуэли на корте.

Конечно, в этом титаническом, многогранном труде проглядывается стремление Андреева к признанию, к личным успехам. Но вот передо мной короткое интервью, данное им корреспонденту журнала "Физкультура и спорт" в 1947 году после победы над сильным эстонским мастером Э. Крее в трёх партиях (6:4, 8:6, 6:3). Между прочим, этот матч проходил на том самом центральном корте стадиона "Динамо", где ровно десять лет назад четырнадцатилетний Серёжа нежданно-негаданно для всех выиграл звание чемпиона столицы среди мальчиков.

-Я хочу сообщить вам вот что. В детстве у меня был замечательный тренер Борис Иванович Кочетков. Он учил меня играть в теннис, а ещё больше – учил жизни. Когда грянула война, Борис Иванович ушёл добровольцем на фронт. И погиб. Во имя его памяти мне хочется сделать в спорте как можно больше! Каждый мой успех – это памятник учителю. Хочется делать такое, за что Борис Иванович обязательно похвалил бы.

"Такое" он впервые совершил в 1952 году, выиграв звание чемпиона СССР в одиночном разряде. В финале он встретился с Евгением Корбутом. Этот двухметровый гигант, перехватывавший все мячи у сетки, владевший уверенным смешем, уже давно слыл "грозою чемпионов", но самому стать чемпионом ему не удавалось. И вот, казалось, счастье было как никогда близко. Сергей Андреев, правда, к этому времени стоял во всесоюзной классификации выше "Гулливера из ЦДСА" (в 1950-м – он третья ракетка страны, в 1951-м – вторая), но Евгений в личных встречах имел определённый перевес. Он явно надеялся на успех. Его оптимизм разделяли многие специалисты.

Но с первых минут матча стало ясно, что "фанатик" тактически и психологически значительно лучше подготовился к дуэли. Прежде, играя с Корбутом, Андреев пытался обводить его тончайшими ударами по линии: но мяч после такого удара летит довольно высоко над сеткой, и Корбуту часто удавалось перехватить его и "убить".

На этот раз Андреев применил совершенно иную тактику, попробовав обводить Евгения кроссами. Мяч при этом как бы ныряет под сетку, и игроку с таким ростом, как Корбут, куда сложнее его достать и отбить. Конечно, схема эта выглядит весьма упрощённо, в ходе борьбы Андреев применил и ряд других новинок. Но факт остаётся фактом: все "ключевые очки" Сергей играл кроссом, и это приносило ему успех и обезоруживало не ожидавшего такой фабулы матча армейца. В результате он проиграл подряд три сета (3:6, 5:7, 2:6), и Андреев впервые стал лучшим из лучших.

На следующий сезон чемпионат страны проходил в Киеве, и Андреев снова дошёл до финала, но в решающем матче в редкой по упорству и красоте борьбе уступил Озерову. По поводу их встречи ведущая газета республики "Правда Украины" писала: "Жаль, что в теннисе не бывает ничьих и нельзя золотые медали вручить обоим спортсменам, стоявшим по разные стороны от сетки, но показавших одинаково красивую игру и безупречно зрелое мастерство".

Относительная неудача пятьдесят четвёртого года была последней в творческой биографии Андреева. На следующий сезон он возвращает себе звание чемпиона СССР в одиночном разряде и сохраняет его бессменно пять лет подряд. Не буду утверждать, чтобы не ошибиться, по-моему, за это время он вообще не проиграл ни одного крупного состязания.

Это был поистине игрок номер один. На протяжении второй половины пятидесятих годов он считался бесспорным эталоном. Выиграть у него было чрезвычайно трудно. Про того, кто побеждал Сергея Сергеевича (что, повторяюсь, случалось чрезвычайно редко), говорили:

- Вот это настоящий мастер!

Или:

- Вот растёт настоящий теннисист.

Арсенал технических средств Андреева был чрезвычайно широк, но особенно много беспокойства соперникам доставлял его мощный, безупречный удар с лета у сетки, с правой руки – так называемая "андреевская хлопушка", о которой слагались легенды.

В принципе Андреев любил играть больше с задней линии. Поэтому некоторые считали, что Сергей Сергеевич играет однообразно. Но что было ему делать, если он именно такой игрой повергал соперников, в том числе и тех, кто считался "сеточником". Он был просто сильнее всех, кто входил тогда в когорту сильнейших.

Но когда нужно было, Андреев умел играть и у сетки, да ещё как! Его поединки с Негребецким, Озеровым, Корчагиным не оставляли в этом никакого сомнения и остались в памяти как прекрасные образцы высокой спортивности и красоты.

Сколько бы ещё продержался Андреев в лидерах? Это можно только предполагать. Все, кто знал истинную цену мастерству Сергея Сергеевича, отвечают однозначно: "До середины шестидесятих годов".

Но стали поговаривать, что никто не может обыграть Андреева и это тормозит отечественный теннис. Непобеждённому, полному сил спортсмену, шестикратному чемпиону СССР в одиночном разряде, четырёхкратному победителю в мужском парном разряде (в 1954 и 1956 гг. – с Белиц-Гейманом, в 1957-1958 гг. – с Озеровым), двукратному чемпиону в "миксте" (в 1954 г. – с Борисовой, в 1956 г. – с Преображенской) намекнули, что пора, мол, повесить ракетку на стенку. Правда, взамен предложили почётную должность старшего тренера сборной страны.

Это были золотые годы нашего тенниса. Именно в период "царствования" Сергея Андреева, работавшего в теснейшем контакте со всеми заинтересованными лицами, и прежде всего с начальником отдела Спорткомитета СССР В. Коллегорским, наш теннис "прорубил окно в Европу", воспитал игроков мирового класса, получил высокое международное признание. То, чего он не успел как игрок, он добился как тренер. При Сергее Сергеевиче мы стали оспаривать Кубок Дэвиса, попали в "священный" Уимблдон, стартовали в первенстве Европы... Он не отдыхал, не жалел себя и других, думая лишь о славе отечественного тенниса и отдавая этой мечте, этой конкретной работе себя без остатка. Он даже семьёй не обзавёлся, чтобы она не мешала главному делу его жизни. Не знаю, плохо это или хорошо, – это просто один факт из жизни фанатика.

Старший тренер сборной, особенно сборной теннисной, – это, прежде всего, лицо административное, это командарм, определяющий общую стратегию. Анна Дмитриева, вспоминая о годах совместной работы с Сергеем Сергеевичем, говорит:

- С ним всегда было трудно и радостно. Он учил играть, мыслить, сражаться. Он всегда ставил перед учениками высокую цель, убеждал, что до неё можно дойти, и помогал в этом. Благодаря ему игра в теннис вдруг совершенно заново и на другом уровне увлекла меня.

От себя добавлю, что благодаря ему наш отечественный теннис, несомненно, стал мудрее и сильнее.

Глава девятая ПРОДОЛЖАТЕЛЬНИЦА ТРАДИЦИЙ

Отец Ани Дмитриевой был художником Московского художественного театра, славного не только театральными, но и теннисными традициями. А её двоюродный дед, Всеволод Алексеевич Вербицкий, уже известен нам как блестящий мастер ракетки.

Поэтому Аню Дмитриеву, спортсменку яркую, своеобразную можно с полным основанием назвать продолжателем семейных традиций.

Именно Всеволод Алексеевич Вербицкий показал своей горячо любимой внучке, как держать ракетку. И в этом был, безусловно, заключён определённый символ. Он как бы из рук в руки передавал эстафету этому чудесному юному созданию, к которому относился с трогательной любовью.

Повезло Ане и с педагогом – науку тенниса она проходила у Нины Сергеевны Тепляковой.

Судьба Ани Дмитриевой выгодно отличается от судьбы тех, о ком шла до сих пор речь в этой книге. Период самодеятельности, талантливых самоучек, случайных взлётов в советском спорте окончился. 11 января 1953 года тринадцатилетняя Аня Дмитриева вошла в прекрасную динамовскую школу тенниса, где преподавали такие знаменитости, как Борис Ильич Новиков, Нина Сергеевна Теплякова, Нина Николаевна Лео и другие, где не было недостатка в площадках, мячах, форме, а главное – всё было подчинено строгой дисциплине, научно обоснованной методике. Евгений Кудрявцев, Эдуард Негребецкий, Борис Новиков, Николай Озеров, Нина Теплякова не только не участвовали в крупных международных турнирах, но даже не имели возможности – за редчайшим исключением – увидеть игру мастеров мирового класса. Ну а Аня Дмитриева уже вскоре после начала учёбы в динамовской школе подавала мячи участникам матча СССР – Венгрия, когда на стороне последних играли такие знаменитости, как Йожеф Ашбот и Жужи Кермеци. Иными словами, Аня Дмитриева – представитель нового поколения теннисистов, которому многое дано и с которого больше спрашивается.

Когда 16-летнюю Дмитриеву впервые допустили к зимнему взрослому первенству Москвы, жребий в первом круге свёл её с экс-чемпионкой Советского Союза Е.Чувыриной, прославленной спортсменкой, которая по возрасту вполне годилась Ане в матери. Как проходил матч, Дмитриева совершенно не помнит: она думала только о том, что играет как равная с равной со спортсменкой, четыре года подряд бывшей лучшей теннисисткой страны. И когда судья объявил, что матч окончен, Аня даже подпрыгнула от радости, словно выиграла не соперница, а она сама.

Но постепенно вместе с техникой, тактическим опытом, ощущением мастерства приходило чувство, которое можно назвать по-разному: то ли спортивной злостью, то ли просто вполне естественной жадностью победы.

Заметив это в своей ученице, Нина Сергеевна сказала однажды Ане:

- А ты, знаешь ли, стала настоящей спортсменкой...

Это было сказано в январе пятьдесят восьмого. А летом того же года Дмитриева и Андрей Потанин, две восходящие звезды советского тенниса, отправились в Англию, чтобы принять участие в юношеском турнире Уимблдона. Это событие было в прямом смысле слова историческим. То о чём не могли мечтать мастера довоенной поры, то, чего жадно хотели Борис Новиков и Николай Озеров, Елизавета Чувырина и Вера Филиппова, свершилось. В те дни английскую прессу обошёл оригинальный снимок: нога Ани Дмитриевой, робко ступающая на травяной газон. Под снимком, величиною в газетную полосу, крупными буквами напечатан текст: "Невероятно, но факт: русские сделали свой первый шаг в царство Уимблдона".

Начинать было чрезвычайно трудно. Аня и Андрей не имели ни малейшего представления о своих соперниках. К тому же они не знали английского языка, на котором говорили почти все фавориты мирового тенниса.

Турнир юниоров в Уимблдоне начинается в последний понедельник июня, спустя неделю после открытия взрослого турнира. Незадолго до начала соревнований Андрея Потанина отвезли в мужской пансионат на окраине Лондона, а Аню Дмитриеву в женский, расположившийся как раз напротив Британского музея. Она ни с кем не была знакома, никто не обращался к ней, и, решив сломать это удручающее одиночество, Аня подошла к приглянувшейся ей француженке, благо по-французски могла кое-как объясниться. Аня назвала свою фамилию, а в ответ услышала:

- Галтье.

- Какое совпадение, – заметила москвичка. – На международных спортивных играх в честь Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Москве я играла с мадам Галтье из вашей страны и победила её.

- Я знаю. Это была моя мама. Она много рассказывала мне о России, о русских людях и о спортсменке, положившей её на лопатки, – засмеялась девушка. Они стали добрыми знакомыми.

Дни летели за днями, и каждый приносил множество впечатлений. Перед глазами проплывала вся эскадра мирового тенниса, звонкие имена её "кораблей" кружили голову, и в то же время Аня убеждалась, что даже самые знаменитые чудотворцы ракетки – всего лишь живые люди.

Внутренне успокоившись, Аня начала соревнования уверенно, побеждая одну соперницу за другой. Только в одной четвёртой финала ей достался "крепкий орешек" – первая ракетка Англии среди девушек Труби. Аня уже играла с ней: до начала официальных поединков руководитель советской делегации Семён Павлович Белиц-Гейман устроил им несколько товарищеских встреч.

Тем не менее официальный матч сложился трудно. Ане казалось, что всё у неё получается нормально, а счёт первого сета оказался в пользу англичанки – 6:4.

- Аня, не копируй великих, играй в свою игру, – услышала она откуда-то сбоку голос Семена Павловича. И сразу наступило просветление: она поняла, что все эти трудные геймы подражала то Куперу, то Фрезеру, поразивших её воображение. Настроившись на обычную волну, она сумела – правда, не без труда – довести дуэль до победы. А потом был финал, где она уступила "надежде американского тенниса" обаятельной Салли Мур.

Но это поражение никого из нашей делегации не расстроило. Наоборот, выход дебютантки в финал был однозначно расценён как большой успех не только самой спортсменки, но и советского тенниса. Издающийся в Лондоне журнал "Мировой спорт" поместил на своих страницах фотографию Ани Дмитриевой, снабдив её следующей подписью:

"Успехом этой очаровательной девушки из Москвы русские предъявляют оплаченный счёт на своё место под солнцем и в мире современного тенниса".

Может быть, эта фраза излишне красива, но Аня и в самом деле была из того счастливого поколения, перед которым открылись двери "волшебных замков": Уимблдон, открытое первенство Франции, другие турниры в разных странах и на разных континентах. Она видела воочию великих игроков своего времени, прославленные чемпионки становились её соперницами, а иногда и напарницами.

Так, летом шестьдесят третьего года её пригласила играть дуэт восходящая звезда австралийского тенниса Джуди Тегарт, впоследствии не раз входившая в мировую "десятку". Девушки быстро нашли общий язык и преодолевая упорное сопротивление соперниц, вышли в полуфинал, где им предстояло играть с трёхкратной чемпионкой Уимблдона, одной из самых прославленных теннисисток современности бразильской спортсменке Марией Буэно и её знаменитой коллегой чемпионкой США, Франции, Италии, двукратной финалисткой Уимблдона Дарлин Хард.

Казалось, силы неравны. Но поединок, по всеобщему мнению, получился не просто хорошим, а одним из самых интересных в женском парном разряде. Победа "звёздам" далась с большим трудом, и пресса восторженно отзывалась о побеждённых, которые не

дрогнули перед грозными соперницами. "Особенных похвал, – писал редактор отдела спорта газеты "Дейли миррор", ныне президент Международной ассоциации спортивных журналистов Фрэнк Тейлор, – у побеждённых заслуживает русская, показавшая на редкость мужественную и содержательную игру. Зрители по достоинству оценили всё это".

Потом Дмитриева – Тегарт играли матч за третье место, выиграли его и получили по бронзовой медали.

Так Анна первой из наших теннисисток стала игроком международного класса. Не отличаясь высокой стабильностью, необычайно чутко реагирующая на любые "внешние раздражители", она в лучших своих матчах была просто великолепна и поднималась в них до высоты необычайной.

Первый большой успех у нас в стране пришёл к Дмитриевой в пятьдесят девятом, в дни II летней Спартакиады народов СССР. Месяца за полтора до её начала Аня ездила в Лондон, участвовала во "взрослом" Уимблдоне, но неудачно, и специалисты, пытаясь определить фаворитов предстоящих состязаний, меньше всего называли её фамилию. И сама Дмитриева, казалось, ни на что не рассчитывала. Мало тренировалась, готовилась к поступлению на филологический факультет МГУ, просто отдыхала от трудной поездки.

По регламенту Спартакиада началась командным турниром. Дмитриева, выступая первой женской ракеткой Москвы, играла из рук вон плохо, проиграла и киевлянке Кузьменко, и своей сверстнице из Тбилиси Ире Рязановой. Другую такая серия неудач, может быть, окончательно выбила бы из колеи, но только не Аню, и в личной сетке её нельзя было узнать.

В полуфинале жребий свёл её снова с Ирой Рязановой. Спортсменка из Грузии, несколько дней назад обыгравшая москвичку, и на этот раз начала уверенно, дерзко, в ошеломляющем темпе и вскоре повела в первом сете 5:2.

Но тут Дмитриева проявила себя необыкновенно чутким тактиком. Не выдерживая темпа соперницы, её стремительного натиска, Аня стала кидать "свечи". Она дожидалась, когда соперница, выведенная из терпения этими "свечками", сбившись со своего ритма, перебросит лёгкий мяч, и тогда стремительно шла к сетке, чтобы безжалостно убить его.

Теннисная публика, известная своей изысканностью, предельной корректностью, на этот раз не выдержала: со всех сторон раздавались свистки, улюлюканье.

- Брось качать!

- Как тебе не стыдно!

Но сквозь этот гром Аня отчётливо услышала голос своего тренера Нины Сергеевны Тепляковой:

- Правильно, Аня! Всё делаешь правильно. Умный педагог, тонкий тактик, Теплякова поняла замысел ученицы: сразить молодую соперницу непонятной, не характерной для Дмитриевой манерой действий. И опыт блестяще удался. Дмитриева выиграла первый сет 7:5, второй проигрывала 1:4, а потом снова взялась за своё и довела поединок до победы.

Когда соперницы шли в раздевалку, Рязанова не выдержала:

- Ну и тактику ты придумала. А ещё говорят: современный игрок... Завтра Лерка тебя раздавит.

Но в финале против чемпионки СССР 1958 года киевлянки Кузьменко Дмитриева играла иначе. Начав немного закрепощённо, Аня поначалу проигрывала в первом сете 1:3. Но на этот раз она ответила на агрессивность агрессивностью, на смелость – отвагой. Болельщики, ещё вчера безжалостно критиковавшие москвичку, сегодня восторженно аплодировали ей.. Такой мудрой, разнообразной игры они ещё не видели. Буквально каждый ход был неожиданностью для соперницы, каждый удар удавался, и мяч летел именно туда, куда его направляла Аня и где его не могла, как ни старалась, достать Лера.

То, к чему москвичка шла уже несколько лет подряд, за что вместе с тренером Ниной Сергеевной Тепляковой боролась, свершилось: Дмитриева стала чемпионкой страны в одиночном разряде. И первой её горячо поздравила та, у которой она только что отняла этот титул. Валерия Кузьменко подбежала к ней, притянула к себе через сетку, поцеловала:

- Ты сегодня была неподражаемой, Аня.

И все сидевшие на трибунах, на судейских вышках или за столиками секретариата могли единодушно присоединиться к этой оценке. Чемпионка играла воистину по-чемпионски: мощно, умно и красиво. .

Парный финал А. Дмитриева играла с И.Рязановой против ветеранов советского тенниса Л.Преображенской и В.Филипповой, которые дважды, в 1956 и 1957 годах, были первыми на чемпионате Союза. С этой парой Аня уже встречалась, когда в 1958 году Е. Чувырина, бессменная чемпионка страны в одиночном разряде с 1951 по 1954 год, выбрала её в напарницы. Разница между партнёрами составляла почти двадцать пять лет. Но это не помешало им отлично понимать друг друга и победить "непобедимых". Это был "последний вальс" Елизаветы Чувыриной: она оставила большой теннис.

И вот снова те же соперницы. Поначалу казалось, что восторжествуют более опытные Преображенская и Филиппова, довольно легко выигравшие у молодёжного дуэта первый сет: Аня и Ира, сыгравшие до этого свой напряжённейший двухчасовой полуфинал, не находили общий язык и уступили 2:6. Но два последующих сета молодые уже были полными хозяевами на площадке.

А на следующий день, выиграв личное первенство, Аня вышла играть "микст" с бакинцем Сергеем Лихачёвым против титулованной пары Л.Преображенская – С.Андреев.

Переполненный до отказа стадион болел за молодых. Дмитриева, чувствуя это, и уже имея "в кармане" две золотые медали, не то нервничала, не то, как выражаются иногда в спортивной среде, – "пижонила". А скорее всего, у неё не было сил играть с предельной собранностью. Зато её партнёр, за которым недаром закрепилась кличка "король пары", был великолепен. Видя его необычайную самоотверженность, Аня постепенно вошла в ритм поединка и в третий раз за последние два дня торжествовала победу. Тем самым она установила два весьма почётных всесоюзных рекорда: стала первой из женщин абсолютной чемпионкой СССР и первой среди мужчин и женщин, кто достиг этой высоты в восемнадцать лет! В дальнейшем она повторила этот успех в 1961, 1962 и 1964 годах, что тоже было "рекордом", ибо Евгений Кудрявцев был абсолютным чемпионом всего один раз (1928 г.), Николай Озеров дважды (1944 и 1953 гг.), Эдуард Негребецкий – один раз (1950 г.), Сергей Андреев дважды (1954 и 1956 гг.). Достижение заслуженного мастера спорта Анны Дмитриевой держалось более десяти лет, и только Александр Метревели превысил его в 1975 году. Что касается наших спортсменов, то ни одной самой знаменитой из них не удалось даже повторить своеобразный рекорд Ани.

Дмитриева стала как бы связующим звеном между двумя поколениями. Я уже писал, что она выступала в паре с Елизаветой Чувыриной, которая вполне годилась ей в мамы, а потом долгие годы побеждала в паре с Галиной Бакшеевой, родившейся позже неё на семь лет. Вместе со своими партнёрами она играла в "миксте" и против Николая Озерова, и против ставшего её тренером Сергея Андреева.

Кстати, коль скоро я упомянул о том, что Андреев стал тренером Дмитриевой, то должен, естественно, объяснить читателю, как это произошло. Тем более что в своё время в теннисном мире было немало разговоров о "чёрной неблагодарности", которую Аня, якобы, проявила по отношению к Нине Сергеевне Тепляковой.

Да, Теплякова взяла её к себе малюсенькой, почти ничего не умевшей девчонкой и довела до звания абсолютной чемпионки страны. И когда это свершилось, именно в момент наивысшего торжества учительницы и ученицы, Аня объявила – честно, без обиняков, в открытой беседе с Ниной Сергеевной, что принимает опеку Андреева.

- Почему? – спросила Теплякова.

- Потому, – ответила 18-летняя абсолютная чемпионка, – что мои мечты уходят далеко за границы внутренних турниров. Сергей Сергеевич сможет помочь мне в этом...

В этой сцене сфокусировались две важнейшие черты характера Дмитриевой: её прямота, честность и её постоянная устремлённость к максимально высокой цели.

Нина Сергеевна глубоко переживала этот уход. Переживала и Аня. Но тёплые отношения между ними были восстановлены, и до последних дней жизни Н.С.Тепляковой Аня Дмитриева относилась к ней с большой любовью и уважением, а Нина Сергеевна к Ане с присущей ей теплотой и вниманием.

Иногда в среде теннисных специалистов приходится слышать разговоры о том, что Дмитриева не сделала на международной арене того, что могла и должна была сделать. С этим можно согласиться. Её талант был гораздо шире её усилий. Аня не относилась к числу тех, кто во имя спорта и честолюбивых планов может жертвовать всем. К тому же, на мой взгляд, в ней было значительно больше женственности, чем может допустить современный большой теннис. Её часто подводила повышенная эмоциональность, природная склонность к глубокому и постоянному самоанализу, которая не оставляла её и тогда, когда она находилась на корте. Это уже было скорее недостатком, нежели достоинством.

Все сказанное выше отнюдь не умаляет её достижений и не бросает даже подобия тени на прекрасные страницы, вписанные ею в историю советского тенниса. Заслуженный мастер спорта Анна Дмитриева – первая спортсменка, которая утвердила в нашем теннисе подлинно современный стиль с его мощью, ставкой на атаку, сокрушающей игрой с лета, смелыми, осмысленными выходами к сетке... На её опыте учились и восходили к вершинам мастерства и Галя Бакшеева, и Ольга Морозова, и многие другие наши звёзды и звёздочки.

У каждой спортсменки разное отношение к парным играм. Дмитриева в принципе глубоко понимала их и по-своему любила.

- Состязания, в которых выступают дуэтом, имеют глубокий смысл и столь же глубокий интерес. Здесь проверяются человеческие характеры и сердца, здесь на первый план выступают умение дружить, способность к самопожертвованию и чисто человеческая порядочность. Очень много значили для меня выступления с Чувыриной. Сражаясь рядом, она давала мне каждый раз урок стабильности, класса, выдержки. А я старалась разжечь её своей подвижностью и наивной верой, что для нас всё возможно. Мы понимали друг друга, – вспоминает Аня.

Потом, когда Чувырина ушла, Дмитриева три года подряд выигрывала первенство СССР с Ириной Рязановой, а потом сама выбрала себе в партнёрши молодую, исключительно талантливую киевлянку Галину Бакшееву. Дуэт этот был, пожалуй, одним из самых интересных и ярких в истории отечественного спорта. И дело не только в том, что дважды – в 1966 и 1967 годах – они завоёвывали золотые медали, а в том, что их игра была на редкость интересной.

Это мнение не только советских, но и видных иностранных специалистов, спортивных обозревателей крупнейших газет, наблюдавших их выступления в Уимблдоне, Париже, Праге... Но, к великому сожалению, большого спортивного результата, которого от них всегда ждали, не получилось. Почему так произошло – трудно ответить. Может быть, тут сказались их многолетнее упорное соперничество в одиночном разряде. Они часто соединялись в пару после отчаянных сражений один на один. Тут даже ангелы не всегда бы нашли то безукоризненное родство душ, которого требует от партнёров парная игра. Ну а Галя и Аня отнюдь не были ангелами.

В смешанном разряде судьба – именно судьба, а не обоюдное желание – свела Аню Дмитриеву с бакинцем Сергеем Лихачёвым. В одиночном разряде этот не очень высокого роста, коренастый спортсмен никогда за свою долгую спортивную карьеру не добивался сколько-нибудь значительной победы. Но в парных мужских соревнованиях он десять раз завоёвывал звание чемпиона СССР, выступая с самыми различными партнёрами – киевлянином М.Мозером, Т.Лейусом из Таллина, тбилисцем А.Метревели... О нём говорили как об очень одарённом командном игроке, и в 1959-м руководители Всесоюзной федерации решили подключить его к Дмитриевой, вероятно, в надежде, что эта пара сумеет проявить себя на международной арене.

Но "фокус" удался лишь наполовину. Эта пара четырежды выигрывает первенство СССР (в 1959, 1961, 1962, 1964 гг.), но в других состязаниях ничем себя не проявила. Причина была та же: они были несовместимы, и не могли стать единым, завершённым, творческим целым. Их союз распался ещё задолго до того, как Аня окончательно ушла из спорта.

Аня сыграла немало прекрасных игр, особенно на зарубежных стадионах, с Александром Метревели. У неё хранится номер знаменитой спортивной газеты "Экип", в котором помещена их фотография, и под ней короткая подпись: "Эта русская пара стала одним из настоящих украшений открытого чемпионата Франции".

Вот написал об этом и по какой-то странной ассоциации вспомнил, что Аня, несмотря на постоянный дефицит времени, с успехом окончила французское отделение филологического факультета Московского государственного университета. Полученные знания помогают ей в сегодняшней жизни. Так, в 1972 году Аня выпустила в свет книгу "Играй в свою игру". В ней использован богатейший материал по истории её любимой игры, несомненно почерпнутый из французских источников.

Свой рассказ о теннисистке Анне Дмитриевой я начал с того, как её двоюродный дед, прекрасный артист театра и вдохновенный художник тенниса, учил свою малолетнюю внучку правильно держать ракетку. А двадцать лет спустя в туманном Лондоне чемпионка Советского Союза Анна Дмитриева была приглашена в гости к графу Михаилу Сумарокову-Эльстону, самому блистательному чемпиону дореволюционной России, знававшему в своё время её двоюродного деда и даже встречавшегося с ним на корте.

Она прошла по амфиладе просторных комнат и вошла в зал, где у камина сидел этот в прошлом поистине прекрасный игрок. Тяжело больной, нигде не бывающий, он оставил для себя одну связь с живым миром – теннис. Следить за ним ему помогал телевизор. Не в силах говорить, он скорее шептал, выдувал из себя едва слышимые, но, видно, хорошо знакомые ему имена – Бакшеевой, Лейуса, Метревели. Потом он положил свою сухую, почти ничего не весившую ладонь на руку Дмитриевой и сказал:

- Я рад за вас. Я благодарю вас всех как достойных наследников. Рад за Россию, которая столько добилась и ещё большего добьётся в спорте.

Когда заслуженный мастер спорта, комментатор Всесоюзного телевидения Анна Владимировна Дмитриева выходит в эфир, чтобы рассказать о теннисном матче, она иногда вспоминает об этой удивительной встрече в Лондоне и о словах первого русского чемпиона. Да, у советского спорта много достижений, много выдающихся чемпионов, много ярких побед. И об этом рассказывает миллионам людей вчерашняя кудесница тенниса.

Глава десятая ГОРИ, ГОРИ, МОЯ ЗВЕЗДА...

Так уж устроена жизнь, что иногда полезно оглянуться назад. Тогда легче сопоставить настоящее с прошлым. Легче понять суть своего времени.

Ещё в десятую годовщину Октября газета "Красный спорт" писала: "...Мы слишком к себе привыкли. Привыкли к темпу своего роста, и к размаху, и к достижениям... Но когда вспоминаешь, что за "физкультура" была у нас до революции, когда какие-либо моменты современной физкультурной жизни сравниваешь с тем, что было, то кажется, что не 10 лет советской физкультуре, а сотни. Не верится, что в 10 лет можно пройти такой путь и добиться таких результатов".

Газету с этой статьёй самым бережным образом сохраняла в своём архиве Нина Сергеевна Теплякова. Часто, когда её ученицы начинали капризничать или лениться, в чем-то недоработывать, она приносила им свой "воспитательный" альбом, зачитывала документы и рассказывала, каким трудным было спортивное детство её поколения и какой необъятный простор, какие поистине бескрайние возможности предоставила страна тем, кто приходит в спорт сегодня.

Нина Сергеевна с нескрываемой гордостью рассказывала мне про эти педагогические чтения. И при этом всегда добавляла:

- Знаете, из всех моих девочек только Оля Морозова миновала эту ступень спортивного образования. Знаете почему? Её никогда не нужно было уговаривать. Она родилась убеждённой спортсменкой. И чувство долга было у неё в крови.

Ольга пришла в спорт в то время, когда педагоги детско-юношеских спортивных школ с упорством и настойчивостью, я бы даже сказал с жадностью, искали, опираясь на собственное чутьё, одарённых учеников.

Но несмотря на подобную ситуацию, далеко не каждый потенциально способный мальчик или девочка попадали в "сети удачи". Нередко найти подлинный самородок помогал счастливый случай.

Когда Аня Дмитриева ушла к Сергею Сергеевичу Андрееву, Нина Сергеевна Теплякова почувствовала себя глубоко несчастной. Не потому, что её обидел уход лучшей ученицы, в которую она вложила столько сил и души. Нет, как большой художник, она нуждалась в настоящей "натуре", чтобы создавать, дарить нашему спорту достойные его произведения. Она тосковала по интересному "материалу", по истинно творческой работе.

Говорят, кто ищет – тот всегда найдёт. Однажды, возвращаясь домой после рабочего дня (который никогда не укладывался в "законные" временные рамки), Теплякова остановила свой взгляд на девочке, каждое движение которой выглядело как чудо.

- Как тебя зовут? – спросила Нина Сергеевна.

- Таня. Таня Чалко, – последовал ответ.

- Приходи ко мне заниматься теннисом. Из тебя получится настоящая чемпионка.

Теплякова не ошиблась в потенциальных возможностях абитуриентки динамовской теннисной школы. Но Таня Чалко не стала знаменитостью, хотя тренер и довела её до уровня мастера, дважды входившего в десятку лучших теннисисток страны. В том, что на редкость одарённая девочка не поднялась выше, нет никакой вины педагога. У таланта не было главного – фундамента в виде трудолюбия, настойчивости, умения преодолевать себя. И, может быть, в этой книге можно было бы не упоминать так и не взошедшую звезду, если бы благодаря ей не пришла в теннис ещё одна девочка, на три года моложе Тани, но с совсем иным характером и иными взглядами на спорт.

Чалко уже года два занималась в секции, многому научилась, но была избалованной и довольно ленивой. Чтобы заставить свою ученицу заниматься дома, Теплякова подарила ей прекрасную динамовскую ракетку. Таня принесла её в школу. Сидевшему с ней за партой мальчишке Вите Насонову не виданный никогда прежде спортивный снаряд приглянулся, и он попросил подружку:

- Разреши мне взять её на время домой...

- Бери, мне не жалко, – согласилась Таня, которой в тот день хотелось пойти в кино, а не тренироваться, как того требовала тренер.

С этого всё и началось. Витька принёс ракетку и мяч домой, вышел во двор, и завязалась игра. Девочки и мальчики стали яростно бить мячом о стенку, соревнуясь, кто выдержит больше – сначала до десяти, потом до ста... Так родилось у них новое увлечение, которое затмило все прежде любимые игры и забавы. И вдруг у кого-то возникла дерзкая мысль: "А что если записаться в секцию, где занимается Витькина подружка?"

Так девятилетняя Оля Морозова стала юной динамовкой и попала в группу замечательного игрока и известного тренера Тепляковой. И в тот же день новенькая увидела на корте Анну Дмитриеву. Сама она ничего ровным счётом не знала про эту спортсменку, но её новые подружки, занимавшиеся здесь уже по несколько месяцев, пояснили:

- Она чемпионка Советского Союза...

- И в Англии была...

- Да и в других странах тоже.

Так сознание малышки, вольно или невольно, привыкало к категориям больших величин, значительных свершений, которые происходят под той самой крышей, где начинается свой спортивный путь она.

Морозова училась играть. Было ли в этом юном создании что-нибудь такое, что уже тогда отличало её от сверстниц и заставляло Нину Сергеевну думать об Оле чаще, чем о других? Когда я задал летом восьмидесятого года этот вопрос Тепляковой, она сразу ответила:

- Да было. В этой девочке отчётливо просматривались исключительная целеустремлённость и редкое трудолюбие. И ещё – удивительная вера в себя. Однажды, это было примерно в шестьдесят пятом, я поставила Олю сыграть тренировочный матч с Таней Чалко, которая тогда уже вошла в "десятку" сильнейших, её называли преемницей Дмитриевой. Она и впрямь была очень похожа на нашу чемпионку – и тонким чувством мяча, и непредсказуемостью своих тактических ходов, и постоянной приверженностью к атаке... Но учебный поединок с Морозовой ей пришлось играть в три сета: первый она проиграла, второй взяла с большим трудом и лишь на финише полностью овладела положением.

В тот раз, как это часто бывало и прежде, Оля ушла из зала вместе с Тепляковой.

- Нина Сергеевна, как вы думаете, я скоро догоню Таню?

Теплякову тогда поразил не сам вопрос (начавшееся между её девочками соперничество она уже давно заметила), а то, каким тоном он был задан: чувствовалось что в том, что это обязательно произойдёт, Оля ни на мгновение не сомневалась, была уверена, что догонит старшую, догонит обязательно, во что бы то ни стало. И, может быть, для того, чтобы поддержать это прекрасное чувство уверенности, Нина Сергеевна сказала:

- Думаю, Оля, что это произойдёт скоро. Конечно, если ты будешь и впредь относиться к тренировкам так же серьёзно, как сейчас.

- О, насчёт этого можете не сомневаться, – совсем по-взрослому ответила девочка, и тренеру впоследствии никогда не нужно было напоминать ей это заверение. Оно выполнялось в точности. Из всех учениц в группе Тепляковой Морозова была не только самой способной, но и самой трудолюбивой. Её чувству ответственности удивлялась даже вроде бы давно научившаяся ничему не удивляться Нина Сергеевна. Её ничего не надо было заставлять делать, а, наоборот, даже иногда пресекать излишнее усердие, которое могло подорвать детский организм и привести к перетренировкам.

Тепляковой, которая старалась в первое время всем девочкам в младшей группе уделять одинаковое внимание, интуиция и опыт подсказали, что этой девочке внимание надо уделять особое.

В закрытом манеже и на кортах стадиона "Динамо", где занималась младшая группа, регулярно тренировалась под руководством своего нового тренера и Аня Дмитриева. Оля никогда не пропускала возможности понаблюдать за ней, поучиться. А однажды, когда прославленная чемпионка отрабатывала подачу, Нина Сергеевна, которая по-прежнему относилась к Ане исключительно доброжелательно, поставила по другую сторону сетки своих девочек подавать летящие с той стороны один за другим мячи.

Подача у Дмитриевой была мощной, "мужской", и малышки бежали за мячами, когда они уже гасили скорость. Но когда настала очередь Морозовой, она храбро стала на линии установленного квадрата, изготовилась в стойке и смело отпарировала один мяч, другой, третий... Дмитриеву это озадачило, и она стала подавать изо всей силы, но девчонка с прежней невозмутимостью продолжала возвращать на её сторону мячи, лишь изредка допуская ошибки и промахи.

- Ну и молодец! – сказала Дмитриева, когда Морозова, окончив "смену", уступила почётную вахту подружке. С тех пор Аня стала внимательно приглядываться к Оле, а потом и приглашать потренироваться вместе. Вероятно, потому, что раньше других почувствовала её нарастающую силу.

У каждого большого спортсмена бывает в жизни такой момент, такая грань, когда количество затраченного на тренировки труда перерастает в качество и происходит яркий взлёт, для непосвящённых всегда неожиданный, вроде бы случайный, а на самом деле подготовленный и обеспеченный всем ходом событий, всей логикой повседневной спортивной жизни.

Для Оли Морозовой таким "рубиконом", рубежом, за которым навсегда осталось спортивное детство, стал шестьдесят пятый год. Начался он с того, что ещё в разгаре зимы, на первенстве "Динамо", она обыграла Таню Чалко. На этом же турнире заставила "сложиться оружие" Марину Чувырину и ещё нескольких "твёрдых" перворазрядниц. Пятнадцатилетнюю динамовку отличал интересный стиль игры – смелый, откровенно наступательный основанный на высокой индивидуальной технике и точном расчёте.

- Ну поздравляю, Нина Сергеевна, – сказал коллеге Андреев, – алмазик, который вы нашли, уже начинает сверкать. Беру, если не возражаете, вашу девочку на сбор в Северодонецк.

- Не возражаю, – в тон ему ответила Теплякова. – Ей уже и в самом деле пора в свет выходить.

Так "несовершеннолетняя" Оля попала в компанию сильнейших. Она встала в один строй с Анной Дмитриевой, Галей Бакшеевой, Ирой Рязановой, вместе с ними бегала на зарядку, проводила тренировочные матчи, надевала такой же, как у них, спортивный костюм, на синем фоне которого было вышито – СССР. Когда никого не было рядом, Оля подходила к зеркалу и рассматривала себя как бы заново. Шутка ли – она в главной команде страны!

По окончании учебно-тренировочного сбора Андреев устроил для его участников турнир. По существу, это было "закрытое", или точнее "малое", первенство Советского Союза, где играли только лучшие из лучших. У этого соревнования был и другой "пароль": отборочное к Уимблдонскому турниру. Привожу эти "опознавательные" не напрасно: совершенно очевидно, насколько высока была здесь цена победы в каждом матче.

И вот неожиданность: Морозова, которую ещё никто из участниц всерьёз не принимал, выигрывает встречу за встречей. В полуфинале она играет с киевлянкой Галиной Бакшеевой, занимавшей в тот год почётное место во взрослой "десятке", славившейся своей редкой по красоте и вдохновению игрой. Поэтому понятно, сколь велико было изумление даже самых невозмутимых зрителей и самых тонких знатоков, когда матч в двух сетах выиграла пятнадцатилетняя москвичка.

- Да, теперь с этой девочкой придётся считаться нашим лидерам, – так резюмировал исход борьбы Сергей Сергеевич Андреев.

И по его настоянию через каких-нибудь три-четыре месяца Оля летит в Лондон, чтобы принять участие в юношеском первенстве Уимблдона. Какая огромная психологическая и физическая нагрузка легла на её плечи! Впервые оказаться за рубежом, да ещё в самом Уимблдоне (от одного этого слова её бросало в дрожь) и без родной Нины Сергеевны, без подруг.

- Иногда передо мной возникали картины одна страшней другой, казалось, что я позорно провалюсь и на этом моя карьера окончится, – вспоминает с горькой усмешкой Оля.

Не мудрено, что психологически самым трудным для неё стал матч первого круга, где она встретилась с рослой, физически и технически великолепно подготовленной Катрин Эбенхауз из ФРГ. В первом сете Оля выглядела... впрочем, она никак не выглядела, растерялась и не успела опомниться, как счёт стал 6:0 в пользу соперницы. Но тут-то и проявился характер Морозовой. Сражаясь за каждый мяч, за каждое очко, тонко используя настроение потерявшей бдительность соперницы, она буквально вырвала победу со счётом 10:8 и 9:7. Этот успех в казавшемся поначалу безнадёжным поединке вдохновил юную москвичку, и она успешно дошла до финала.

- Ну а как сложился решающий матч? – спросил я у Оли во время одной из бесед, которые мы вели в процессе работы над этой книгой.

- Против меня вышла Джисгафр из Аргентины, – вспоминает она. – Ракель, так зовут её друзья, моя одногодка. Уже тогда она считалась теннисисткой с большим опытом, имела в активе большое число международных встреч. Это, несомненно, давало ей некоторое преимущество передо мной, потому что я тогда фактически дебютировала за рубежом.

И вот мы с ней на корте. Я всеми силами стремлюсь Унять волнение, постепенно забираю инициативу в свои руки и веду в первом сете 3:0. И тут меня посещает предательская посторонняя мысль: я начала думать, что буду второй после Бакшеевой советской теннисисткой, сумевшей подняться в этих состязаниях на высшую ступень пьедестала почёта. И едва я начала рисовать в своём воображении подобные картины, как на демонстрационных щитах одна против другой выстроились две одинаковые цифры – 3:3. Большим усилием воли я "согнала себя с пьедестала", сосредоточилась на игре и закончила первую партию – 6:3!

Начался второй сет. Веду 1:0, 2:0, 3:0... И вдруг происходит нечто неожиданное и ужасное для меня: вижу, что моя противница рыдает. Слезы буквально градом льются из её глаз, она не может их сдержать. Моё сердце цепенеет от созерцания этой картины. И почти мгновенно перед глазами – видение далёкого детства. Я играла в Москве свою первую в жизни официальную встречу со своей сверстницей, двенадцатилетней девчонкой. Отлично помню даже её фамилию – Грант. Я выиграла первый сет, повела во втором и вдруг увидела, как моя соперница плачет. Мне стало её жалко, и я отдала ей обе оставшиеся партии.

- Что с тобой случилось, Оля? – спросила меня потом в раздевалке Нина Сергеевна.

Я рассказала, уверенная, что меня похвалят за благородство, за то, что во мне живёт чувство жалости, но Теплякова буквально расвирепела:

- Ты выходишь, чтобы выигрывать! – закричала она. – Какая разница, что она плакала? Чтобы я в жизни больше не слышала таких оправданий! Ты спортсменка, а спортсмены должны быть бойцами!..

И сейчас мне отчётливо представилось, как над Уимблдоном звучит голос Нины Сергеевны, будто-то она где-то здесь, совсем рядом. "Нет, – произнесла про себя, – я должна повторить подвиг Бакшеевой..."

Ах эта Бакшеева! Только подумала о ней, только расслабилась, счёт снова сравнялся – 3:3. Нервы на пределе. Но всё-таки где-то в тайниках души нахожу в себе силы изменить ход борьбы. Второй сет, как и первый, мой. А с ним и звание победительницы Уимблдона среди девушек. Тогда мне только-только исполнилось шестнадцать.

- А что ты испытывала в тот момент, Оля?

Ответ прозвучал для меня совершенно неожиданно. Она сказала так:

- Чувство простоты. Да, да, всё казалось в тот миг таким простым, обычным и лёгким. Мне трудно было объяснить это состояние тогда, сразу после победы, а вот теперь, кажется, я нашла объяснение. Когда находишься в хорошей форме, когда тебе всё удаётся, когда получают удары, очки в твою пользу – тебе вдруг кажется, что всё вышло очень просто. Больше того, тогда тебя посещает мысль, что так будет каждый день, каждый год, что удачи – подарок на десятилетия. Но так могла думать только наивная девочка, которой первый раз в жизни улыбнулась удача. Прошло совсем немного времени, и я поняла, что оставаться молодой и сильной долгие годы можно лишь при одном условии. И это условие – труд, предельная самоотдача и умение понимать, глубоко знать себя изнутри...

Итак, в 1965 году к Оле Морозовой пришли известность и признание. А в 1930-м она в последний, пятый раз стала чемпионкой страны в одиночном разряде и десятый – в парном. Таким образом, на орбите большого тенниса, больших побед и славы Оля пробыла пятнадцать лет. Остановитесь на мгновение, дорогой читатель, и вдумайтесь в эту цифру. За ней стоит жизнь, полная невероятного труда. Мы как-то подсчитали, что за один сезон Ольга Морозова принимала участие в большем числе соревнований, чем когда-то её наставница Нина Сергеевна – за десять лет. Темп советского тенниса изменился неузнаваемо, так же как неузнаваемо изменилась его

география и высота полёта. Для Нины Сергеевны поездка во Францию стала событием всей жизни, а Оля Морозова, случалось, за одну поездку успевала побывать в Лондоне и Париже, Нью-Йорке и Стокгольме, Риме и Праге.

Конечно, она пришла ко всему не сразу. И сегодня, когда спортивный путь закончен, интересно услышать ответы чемпионки на некоторые вопросы.

- Скажи, Ольга, был ли такой матч, который ты могла бы назвать самым важным, самым значительным или самым интересным в жизни?

- Одного такого матча нет. В каждом периоде моей теннисной карьеры был свой главный матч. И помню я их всё так хорошо, так отчётливо, словно не держу в памяти, а рассматриваю фотографии...

Первый из них – это выступление в финале Спартакиады народов СССР в парном разряде. Я тогда дебютировала в этом соревновании и считала, как считаю и сейчас, что участвовать в них – уже большая честь. Это своеобразные Олимпийские игры нашего народа.

Мне в ту пору исполнилось семнадцать, и я играла микст с одним из сильнейших теннисистов того времени – Славой Егоровым. Для меня всё происходящее казалось невероятным. Я, девчонка, нахожусь в окружении блистательных игроков, играю с ними как с равными. И жутко, и радостно от сознания этого. Каждое имя соперников для меня священо; Аня Дмитриева, Алик Метревели Галя Бакшеева, Валерия Кузьменко... Экзотика! Да я специально употребляю это слово "экзотика" – ничего другого подобрать не могу. У меня буквально дыхание останавливалось, когда я стояла рядом с этими людьми. А что же сказать о моём самочувствии, когда они оказывались по ту сторону сетки.

Играла, как во сне, но старалась очень. И постепенно страх проходил, вместо него появлялась уверенность. В полуфинале мы обыграли Дмитриеву с Метревели. Журналисты писали об этом как о сенсации, специалисты говорили: "Случайность".

В финале нам предстояло опровергнуть такое мнение, но мы понимали, что будет очень трудно. Против нас вышли лучший микстёр страны бакинец Сергей Лихачёв и Алла Иванова из Тбилиси, в то время пятая ракетка страны.

Борьба была на редкость упорной. И они и мы дрались за каждый мяч. И вот наступают решающие минуты. Всё, что происходило тогда, и сейчас стоит перед глазами Последний гейм первого сета. Сильнейшая подача Лихачёва при счёте 30:40. Сетбол. Отчётливо помню, как Серёжа вышел к сетке. И мы оказались лицом к лицу. И вот с расстояния метра в три он наносит сильнейший удар. Мяч летит прямо в меня. В каком-то невероятном прыжке, извернувшись, сама не знаю как, я отбиваю этот безнадежный мяч, держа ракетку двумя руками (в то время это было необычно, так никто ещё не играл, да и у меня всё получилось произвольно), мяч снова попадает под удар Лихачёва, он выдвигается вперёд ещё на метр и снова сильно, беспощадно бьёт справа в меня. Я снова отбиваю. Нет, это не был удар в истинном смысле слова. я только успела подставить ракетку. И, коснувшись её, мяч полусвечой перелетает на сторону соперников, летит через Иванову и... приземляется в пределах площадки. Первый сет за нами! Удача так вдохновила, что мы заиграли как черти, и южане, при всём своём старании уже ничего не могли с нами поделать.

Так была выиграна Спартакиада, так я впервые стала чемпионкой Спартакиады народов СССР. До сих пор не могу забыть, как мы вместе со Славой стояли на высшей ступеньке пьедестала почёта, а ниже нас были Иванова и Лихачёв, сама Дмитриева и сам Метревели. Нет, такое не забывается!

...На какое-то мгновение наступает тишина. Нелегко оживлять прошлое, возвращаться в дни счастливой и буйной молодости, переживать давно пережитое, каким бы радостным оно ни было.

- Второй матч, оставшийся во мне на всю жизнь, матч, в котором я победила Дмитриеву. Это было очень важным событием в моей теннисной судьбе, ибо для меня Аня была (и есть!) огромным авторитетом, образцом спортсмена и человека. Это был идеал теннисистки в моём понимании, к которому я всегда мечтала приблизиться.

Я любила её (и люблю сейчас) в первую очередь за её интеллект. Она всегда была интересным человеком, мне доставляло радость общения с ней. И играть с ней всегда было очень интересно. Интересно потому, что на корте она умела мыслить, постоянно задавала своим соперникам сложнейшие задачи, плела комбинации, которые совсем не просто было разгадать.

Итак, Дмитриева. До того случая, о котором я рассказываю, мне уже доводилось побеждать её на зимнем первенстве "Динамо", на первенстве Москвы, но всё это и специалисты, и я сама относили скорее за счёт того, что Аня не очень выкладывалась в тех состязаниях.

Теперь же было другое дело. Чудесной осенью шестьдесят восьмого года в Тбилиси проходил крупный международный турнир. В его полуфинале я выиграла у Гали Бакшеевой, чемпионки СССР и Спартакиады 1967 года, первой ракетки страны. Мой успех в поединке с ней многие тогда расценили как случайность. У киевлянки игра была всегда броской, яркой, своеобразной, но она считалась человеком настроения. Вот и сейчас люди поговаривали: "Это не Морозова выиграла, а Галя проиграла... Вот посмотрим, что сделает с ней Дмитриева".

А Аня, нужно сказать, в предыдущем сезоне отдала первое место Бакшеевой, проиграла ей в двух крупнейших соревнованиях, и теперь ей просто необходимо было восстановить репутацию. И вот мы встретились в финале.

Тбилиси жил этим соревнованием. В ту пору в столице Грузии было два теннисных героя – Александр Метревели и Теймураз Какулия. Их обожали. На них ходили. Трибуны стадиона, где мы играли, были не просто переполнены – по-моему они даже трещали под тяжестью болельщиков. Люди сидели на заборах, на ветках деревьев, окружающих стадион. И кажется, сам воздух был полон неподдельной спортивной страстью, жадной красивого зрелища, острой борьбы.

Итак, финал международного турнира, прекрасный солнечный день, многоликая толпа зрителей... Нас с Дмитриевой вызывают на корт. Нина Сергеевна Теплякова (теперь она уже только мой тренер) и Сергей Сергеевич Андреев, тренер Ани и старший тренер сборной страны, сидят на трибуне для почётных гостей рядом. Меня эта картина забавляет. Все люди, близкие к теннису, прекрасно знали привычку и того и другого подсказывать по ходу своим ученикам. И усадили их на столь почётные места плечом к плечу, конечно же, в "профилактических" целях. И созерцая их якобы безразличные лица, я засмеялась в душе, и настроение стало таким хорошим, что лучше и желать нечего. Бывает же такое!

Оно, это настроение, не покидало меня в течение всего матча. Я радовалась от сознания того, что могу бегать, прыгать, разгадывать Анины "шарады", доставать, казалось бы, невысказанные мячи. И, конечно же, невероятную радость испытала я оттого, что впервые победила в настоящем, крупном международном турнире, победила в двух сетах и Бакшееву, и Дмитриеву. И хотя позади уже был успех в юношеском Уимблдоне и другие яркие события, только победив Аню, я сказала себе: "Наконец ты стала теннисисткой, Оля!"

Вот как велико моё уважение к этому человеку. Вот почему победа над Дмитриевой стала столь важной в моей судьбе.

В подтверждение этих слов можно напомнить, что уже на следующий сезон Морозова завоёвывает звание чемпионки СССР 1969 года в одиночном разряде и подтверждает этот успех в 1970 и 1971 годах. К этому следует добавить, что примерно в этот же период (1969-1973 гг.) она вместе с рижанкой З.Янсоне-Ивановой – чемпионка страны в парном разряде, а с Александром Метревели – в смешанном (1970-1973 гг.). Совершив гигантский качественный скачок, Ольга Морозова становится признанным лидером советских теннисисток и приносит нашему спорту, благодаря своим успехам за рубежом, неслыханную доселе известность.

Предваряя свой последующий рассказ, могу сказать, что ни одна советская теннисистка ни до ни после неё не добивалась на международной арене таких успехов, какие имеет на своём лицевом счёту заслуженный мастер спорта Ольга Морозова.

Первый выдающийся успех пришёл в 1973 году, когда москвичка выступила в открытом первенстве Великобритании и победила в финале знаменитую австралийку О.Гулагонг – чемпионку Уимблдона 1971 года (в 1980-м она повторила этот успех), многократную победительницу первенства своей страны и многочисленных международных турниров. Иными словами, Гулагонг в ту пору была звездой первой величины, мастером не просто сильным, но необычайно самобытным, играющим, по выражению Морозовой, в "шахматный теннис", где виртуозная техника дополняется утончённостью мысли, необыкновенной глубиной и разнообразием. И не случайно именно в тот год советская спортсменка впервые в истории была "посеяна" в Уимблдонском турнире среди сильнейших. О ней много и тепло писала в те дни английская печать, отнюдь не склонная к перехваливанию посланцев нашей страны.

В начале следующего года Оля летит в Филадельфию и выступает в личном открытом чемпионате США в закрытом помещении, собравшем исключительно сильный состав участниц. Она последовательно обыгрывает чемпионку ФРГ, чемпионку Голландии, чемпионку Франции... И в полуфинале сражается со второй ракеткой США Р.Казалс – неоднократной чемпионкой Уимблдона в парном разряде, смелой, своеобразной спортсменкой. И вот против неё выходит, по существу, не известная на американском континенте Морозова. Публика, уверенная, что гостье не устоять против знаменитой соперницы, поначалу остро болеет за Олю. Болельщики криками подбадривали её:

- А ну-ка, выиграй пару геймов у этой чемпионки...
- Пощекочи ей нервишки.
- Пусть поборется перед выходом в финал.

Но когда "неизвестная" выиграла первый сет и повела во втором, настроение зрителей, заполнивших огромную арену, резко переменялось. Постепенно все начали болеть за Казалс, поддерживать аплодисментами каждый её удачный удар, каждый смелый выход вперёд, каждую атаку. Но, как выяснилось, ничего уже не могло остановить разыгравшуюся москвичку. Выиграв второй сет, она поставила точку в этом матче и вышла в финал.

Здесь её соперницей оказалась знаменитая Билли Джин Кинг. Эта необычайно одарённая спортсменка (урождённая Моффит) уже в 16 лет вошла в число ведущих теннисисток США, в 17 выиграла Уимблдонский турнир в паре со своей соотечественницей Карен Хантце, а в 23 года стала победительницей Уимблдона в одиночном разряде и первой теннисисткой мира.

В течение многих лет Джин Кинг не давал покоя один из самых застарелых рекордов мирового тенниса, установленный её соотечественницей Э.Райян ещё в 1934 году. Именно тогда Райян в последний раз стала победительницей Уимблдонского турнира и довела общее число завоёванных ею в Уимблдоне титулов в различных разрядах до 19 (12 раз в смешанном и 7 – в паре). В 1975 году Кинг повторила это достижение, а четыре года спустя превзошла его, завоевав звание первой ракетки Уимблдона в 20-й раз (6 – в одиночном, 10 – в паре и 4 – в смешанном). Она четырёхкратная чемпионка США в одиночном разряде, многократная победительница открытых первенств Франции, Италии, Австралии в различных разрядах, обладательница более 50 первых призов главных международных турниров.

Огромный Дворец спорта, вмещающий 18000 зрителей (советские зрители не раз видели его во время трансляции хоккейных матчей), был заполнен до отказа. Сенсации никто не ждал, но было интересно посмотреть, как поведёт себя на этот раз упорная русская.

Интересно, что среди огромной толпы, собравшейся на финал, был один человек, который сам того не ведая, очень помог Оле. Этим человеком был муж Билли Джин Кинг. По профессии адвокат, он увлёкся теннисом, не пропускал ни одного состязания с участием жены и специальным образом записывал её выступления. Записал он и оба полуфинальных матча на этом турнире: Морозова – Казалс, Кинг –

Уэйд. По его статистике, с которой он любезно ознакомил Морозову, выходило, что у Оли процент первого попадания подачи, чище приём, меньше ошибок при игре с лёта...

- Не такой уж плохой баланс, – подытожил он, забирая свои записи. И эти его выкладки, спокойная, обнадеживающая фраза воодушевили нашу чемпионку.

В тот день Оля, по всеобщему признанию, играла, как богиня. Кинг старалась изо всех сил, восемнадцать тысяч болельщиков яростно поддерживали её, а побеждала русская. Её подачи, её выходы к сетке, её мощнейшие удары с лёта заставили дрогнуть даже непобедимую Кинг. В жестокой борьбе она вынуждена была уступить. И на следующий день во всех местных газетах появился портрет Морозовой. Под ним была подпись следующего содержания: "Мисс Ольга достойно представила русский теннис и подняла его авторитет в глазах американцев".

Подобное могли повторить газеты Лондона и Парижа, Сиднея и Рима – многих стран и городов, где она выступала. Потому что борьба за признание класса и авторитета советского тенниса стала целью и смыслом её спортивной жизни.

Ольга с Ниной Сергеевной постоянно искала возможности усилить свою игру, исправить недостатки техники, держать себя в образцовой форме. А когда отправлялась в зарубежные поездки без Тепляковой, работала сама, искала напарниц. О её отношении к делу говорит факт, который прозвучит ярче и убедительнее в её собственном изложении.

- Весной шестьдесят восьмого, – вспоминает Ольга, – я оказалась в Египте вместе с Анной Дмитриевой. Игр было мало, и мы с ней решили потренироваться по австралийской системе. Эту систему открыла Аня, она познакомила меня с ней, и мы принялись за дело.

Что же это за тренировки?! Чтобы подготовиться к напряжённым играм (а в современном теннисе даже женская игра может длиться несколько часов), австралийские теннисисты, их тренеры применяют так называемую игру без остановок. В чем её суть? На корт доставляется несколько десятков мячей, не меньше. Один из соперников, например, встаёт у сетки и тренирует удары с лёта, меняя направление полёта и длину мяча, другой тренирует в это время только заднюю линию, стремясь достать любой мяч и во что бы то ни стало обвести партнёра или низом, или свечой. Затем спортсмены меняются местами... И снова обязанность каждого брать все без исключения удары с лёта или с первого отскока, в предельном темпе... Сначала после десяти минут такой работы мы буквально валились с ног, но потом постепенно втягивались, время "дуэлей" удлинялось, и вскоре мы обе почувствовали себя в отличной форме...

Это лишь один эпизод из её биографии, а их можно набрать тысячи. Своей природной одарённости Морозова не доверяла, она постоянно заряжала её самоотверженностью, полной самоотдачей, напряжённой работой.

- Меня тренировки утомляли, но утомляли, если можно так выразиться, положительно, – говорит она. – Если на тренировку не являлся мой партнёр или в моей тренировке не хватало какого-то нужного компонента, меня это просто бесило. Не представляла себе, как это можно прийти, посидеть в раздевалке, поболтать о том о сём или поиграть вполсилы и спокойно уехать домой. Спортсменов, которые допускали такое, я отказывалась понимать и переставала уважать...

Это всё было проявлением её спортивного характера. Характера человека, который всегда ставит перед собой максимальную цель. Есть спортсмены, которым достаточно того, что они едут за рубеж в составе советской сборной команды, участвуют в престижных состязаниях, могут бросить в кругу друзей: "Когда я играл (или играла) в Уимблдоне..."

Для Ольги Морозовой такая позиция была органически неприемлема. На турнир любого ранга с участием даже самых знаменитых, самых прославленных спортсменов она ехала только с одним желанием – побеждать.

И если уступала, то только потому, что соперник оказывался сильнее. Вот почему ни одной советской теннисистке ни до неё ни после не удалось добиться таких взлётов, какие были у Ольги и которые навсегда остались в золотом фонде нашего спорта.

Возвращаюсь в семьдесят четвёртый год, который так счастливо начался для Ольги в Филадельфии. Потом она вышла в финал открытого первенства Франции, Италии, Испорна, побеждая многих выдающихся теннисисток своего времени. И во всех финалах выше названных турниров ей противостояла Кристина Эверт, только что выигравшая открытое первенство США. В Париже Оля проиграла ей в двух сетах, в Италии – в трёх, в Испорне – снова в трёх. Иными словами, в каждом состязании шла упорнейшая, непримиримая, полная драматизма и редкой красоты борьба. Между прочим, во всех этих турнирах Морозова – Эверт играли пару и побеждали триумфально. А потом их уже разъединяла сетка, и они стояли по разные стороны от неё.

Эверт – "спортсменка без нервов", как называла её пресса. Она всегда была готова к любому удару соперницы, словно заранее читая её мысли. Игра Морозовой, как правило, базировалась на мощнейших ударах с лёта. Они были её "коньком", её грозным оружием. Крис же предпочитала игру с задней линии. Её удары, нанесённые из глубины корта, отличались высочайшей точностью, а обводка была выше всяких похвал. Морозовой же каждый раз она предлагала ещё и "свечи", да так часто, что, подстраховывая себя от них, москвичка чуть-чуть не доходила до нужной позиции, откуда было удобно сыграть с лёта. Они вели тончайшую тактическую и психологическую игру. И после каждого матча Эверт откровенно заявляла журналистам, что победа досталась ей с превеликим трудом.

"Морозова – великая теннисистка", – это признание Крис вынесла в заголовок парижская "Экип".

Потом начался Уимблдон. Условия состязаний выдались на этот раз особенно трудными: непрерывно шли дожди, организаторам приходилось то и дело корректировать расписание, уплотнять график, а Оля играла и пару (с Эверт) и микст (с Метревели) и, конечно, сражалась в одиночном. Распорядок дня был невероятно трудным. Она уезжала из гостиницы в 10 утра, возвращалась к 9 вечера, а назавтра приходилось всё начинать сначала.

В одиночном у Ольги дела шли особенно успешно. В четвертьфинале в третий раз за сезон она "свалила" американку Кинг. Об этом матче вся лондонская пресса писала с восхищением.

На следующий день Оле в полуфинале предстояло встретиться с чемпионкой Англии Уэйд – прекрасной теннисисткой, всеобщей любимицей лондонцев. Вечерние газеты были заполнены прогнозами. В одном из них, словно бы выражая всеобщее мнение, знаменитый в прошлом игрок и ныне не менее знаменитый обозреватель Фред Перри писал: "Конечно, должна победить наша прекрасная, любимая, несравненная, обожаемая Уэйд. Она должна обыграть эту русскую Морозову. Единственное, что я могу сказать в защиту последней, так это то, что Морозова неплохо бегают..."

В то лето в Лондоне гастролировал Большой театр, директором которого в ту пору был замечательный организатор, композитор, музыкант, страстный поклонник тенниса Кирилл Молчанов. Он пригласил Олю с Александром Метревели посмотреть балет "Спартак", насладиться триумфом Владимира Васильева. Потом, после окончания спектакля, он довёз ребят до гостиницы и, счастливо возмущаясь, сказал:

- Что это происходит, Оля? О тебе в газетах пишут больше, чем о нас. Ты на первых страницах, мы – на последних. Чёрт знает что такое. И потом – задай ты этой Уэйд. Уж очень её хвалят.

И вот соперницы на корте. Стадион не заполнен, а буквально забит до отказа. Первый сет. Кажется, что на корте одна Уэйд. Она "снесла" Морозову, как говорят, без вариантов. А Оля чувствует, что играет хорошо, делает всё что надо и... ничего поделать не может. "Дзинь-дзинь" – удар в линию – то справа, то слева. Там Морозова не достала, там не добежала... Одним словом, как говорят теннисисты, она "проигрывала на вылет". Чопорная английская публика ревела от восторга. И, кажется, не было в мире спортсменки, которая в такой ситуации смогла бы сохранить спокойствие.

Но Морозова доказала, что такая спортсменка существует. Во втором сете завязалась уже упорнейшая борьба за каждый мяч, за каждый метр площадки, за каждый сантиметр сетки. Каждая из спортсменок берёт гейм на своей подаче. Потом Оле удаётся взять подачу Уэйд и вырвать сет – 7:5. Публика притихла. Стало ясно, что теперь победит тот, у кого осталось больше физических и духовных сил. И тот, у кого крепче нервы.

- Начало решающего сета показало, вспоминает Ольга, – что неудача в предыдущем ничуть не повлияла на "хозяйку поля". Она опять неудержима и вырывается вперёд – 4:1. Моя подача. Проигрываю два мяча подряд – 0:30. Подаю третий мяч. Уэйд чётко принимает и быстро занимает позицию у сетки. Потом в раздевалке очевидцы говорили мне – "Тебя спасла свеча". Действительно, мне каким-то чудом удалось добежать до резко посланного соперницей мяча и ответить высокой свечой, после которой мяч приземлился точно на задней линии, да так, что поднял лёгкую белую пыль. Сомнений не было – мяч правильный. 15:30. Воодушевлённая таким оборотом дела, я выигрываю и следующий мяч, а затем – гейм. 2:4. Перевожу дыхание и вновь бросаюсь в погоню за Уэйд. Теперь в каждом гейме происходит как бы перетягивание каната – то я приближаюсь к сопернице, то она ко мне.

Но всё-таки в конце каждого гейма сильнее оказываюсь я. И так медленно, в борьбе за каждое очко, я делаю сначала счёт ничейным (4:4), а затем беру ещё два гейма подряд. 6:4! Победа! Невероятная трагедия для Уэйд и невероятный праздник для меня. Что поделаешь: в теннисе ничьих не бывает, всегда кто-то торжествует, кто-то покидает корт с поникшей головой...

К этому добавлю лишь то, что эта победа была праздником советского тенниса, всего нашего спорта. Стать финалисткой Уимблдона в одиночном разряде – это достижение самого высокого международного класса.

А ведь оно не единственное на её счёту. Ольга в 1970, 1971 и 1973 годах завоёвывала звание абсолютной чемпионки Европы, она чемпионка Европы в женских и смешанных парных играх в 1969, 1972 и 1974 годах, двукратная финалистка Уимблдона в смешанном разряде, четвертая ракетка мира по официальной классификации. 22 раза Ольга Морозова завоёвывала золотые медали чемпионки СССР (5 раз – в одиночном разряде, 10 – в парном женском и 7 – в парном смешанном), а её побед на всевозможных внутренних турнирах, зимних чемпионатах, первенствах Москвы, "Динамо" – не счесть!

Никто из советских теннисисток не добивался того, чего добилась Ольга. Добилась благодаря своему таланту, труду, самоотверженности, преданности спорту. Её признавали самые яркие "звезды". Она играла в паре почти со всеми сильнейшими ракетками мира – Уэйд, Эверт, Корт... Восемь раз она возглавляла всесоюзную "десятку" и сегодня пока остаётся, бесспорно, теннисисткой номер один за всю историю этого вида спорта в нашей стране.

Сейчас Ольга Васильевна выступает в новом качестве. Она – старший тренер женской сборной команды по теннису. Она на этом посту всего два года и, обучая других, учится сама.

- Я пришла в сборную, чтобы отдать ей всё, что у меня есть, всё, что знаю, – говорит она. – Я люблю теннис и хочу, чтобы мои подопечные, мои ученицы пошли дальше меня и сделали то, что не удалось нам!

Глава одиннадцатая А ЛЮБОВЬ ОСТАЁТСЯ ЖИТЬ

Май 1983 года выдался в Ташкенте, этом никогда не забываемом солнцем городе, жарким. Уже к десяти часам утра столбик термометра поднимался за отметку тридцать и уползал от неё на несколько делений только на короткие ночные часы.

Но несмотря на это Центральный теннисный стадион столицы Узбекистана неизменно собирал большое число зрителей: шли турнирные схватки по программе VIII летней Спартакиады народов СССР.

В те незабываемые дни ташкентцы и все приехавшие на соревнования снова увидели в игре нашего прославленного чемпиона Александра Метревели. "Забыв" о своём высоком служебном положении, он в интересах своей команды – неожиданно для всех – вышел на корт. Ему было тогда без малого тридцать девять лет. Конечно, время, отсутствие систематической тренировки сделали своё дело: отняли у него былую скорость, феноменальную реакцию, неиссякаемую выносливость... И всё-таки они не смогли перечеркнуть главного: его мастерства, его яркой индивидуальности, неповторимой красоты его движений. Вот почему даже тогда, когда в острейшей борьбе он уступал молодым соперникам, с трибуны неслось искреннее, радостное, неудержимое: "Браво, Метревели!" "Молодец, Алик!"

И в эти мгновения всем нам казалось, что время отступило. И ему, вероятно, тоже. Потому что он снова был в своей стихии, в упоении борьбой. Он снова слышал звон мяча, ощущал сладостную упругость ракетки... Он снова был в мире большого тенниса, в котором прожил такую прекрасную жизнь...

Он родился и рос в Тбилиси – городе, где развиты многие виды спорта, но кумиром был, есть и, вероятно, навсегда останется футбол. С тех пор как в середине тридцатых годов местное "Динамо", ведомое легендарным Борисом Пейчадзе, совершило сенсационный взлёт от неизвестности к всесоюзной славе, этой игре в столице и во всей солнечной Грузии неизменно отдают предпочтение. И когда маленького Алика Метревели взрослые спрашивали, кем он хочет быть, он неизменно отвечал: "Конечно, футболистом!"

И он имел право на такие категоричные заявления, потому что слыл среди сверстников неизменным заводилой и ни одна встреча со сборной соседнего двора или соседней улицы не обходилась без его участия.

Мы не раз встречались с Метревели на всесоюзных турнирах самого различного ранга, однажды провели вместе более месяца в Соединённых Штатах Америки, где тбилисец выступил в нескольких крупных состязаниях, часто говорили о теннисе, и мне казалось, что этот человек и родился с ракеткой в руках. Но оказалось, что Алик даже не знал о существовании этой игры, пока ею не стал заниматься старший брат – Пётр. К слову сказать, он тоже добился определённых успехов, стал мастером спорта, выступал за сборную Грузии.

А пришёл Пётр в теннисную секцию случайно, его привела мать товарища, которая хотела, чтобы её сын чаще бывал на свежем воздухе и больше двигался. Через несколько дней новобранцам выдали ракетки, мячи, новенькую форму, и "неорганизованного" Алика всё это очень заинтересовало. Он стал просить Петра взять его с собой, тот поначалу отказывался, говорил:

- Ты ещё маленький для такого дела. – А шёл Алику в ту пору одиннадцатый год. И он настаивал:

- Возьми. Я хочу посмотреть, что вы там делаете.

И вот в один прекрасный день 1955 года Алик появился на кортах "Динамо". Он был единственным зрителем, наблюдающим за очередным уроком только что открытой детской школы. Проводивший занятия Арам Герасимович Хангулян заметил пришельца и спросил:

- Кто это там гуляет по трибунам, когда мы все работаем?

- Это мой братишка, – ответил Пётр. – Он немножко посмотрит и уйдёт.

- А как его зовут?

- Алик.

- Эй, Алик, – крикнул Хангулян, – ну-ка спустись сюда, возьми ракетку, мяч и попробуй поиграть со своим братом. Не бойся...

Так без всякой подготовки, не имея никакого представления о теннисе, юный Метревели сыграл свой первый в жизни тренировочный матч. Длился он минут пять-десять, не больше. Потом тренер подошёл к нему и сказал:

- Приходи завтра обязательно. Мы тебе выдадим форму, и будешь заниматься со всеми.

Так Алик обрёл свою спортивную школу и своего педагога.

Тут самое время представить читателю человека, который с первого взгляда определил несомненную одарённость одиннадцатилетнего тбилисского мальчишки и повёл его трудной и приятной дорогой восхождения.

Арам Герасимович Хангулян был человеком, который вместе с Яном Яновичем Гомером начал создавать советскую теннисную школу в Грузии. Они открыли эту игру людям, проводили первые показательные матчи и турниры. Благодаря их стараниям и энергии теннис в короткое время завоевал признание в городе и республике, на I Всесоюзной спартакиаде 1928 года сборная Грузии заняла высокое место в командном зачёте и выдвинула из своей среды уже хорошо известного нам Эдуарда Негребецкого. Ко всем этим блистательным успехам Арам Герасимович имел самое прямое отношение.

В ту же пору Хангулян выигрывает первенство республики в паре с молодой красивой спортсменкой Женей Вермишевой. Теннис соединил их на всю жизнь. А можно сказать и так, что теннис стал их жизнью, её главным смыслом и содержанием. Уже в начале тридцатых годов они открывают первую в Грузии и едва ли не первую в стране специализированную детскую школу тенниса. Её авторитет быстро рос, и когда во второй половине тридцатых годов в Советский Союз приехал Анри Коше, Арам Герасимович был среди тех, кого вызвали на учебно-тренировочный сбор, проходивший под руководством "великого француза".

Игра гостя, его техника, понимание природы и законов тенниса произвели большое впечатление на Хангуляна. Он многому научился у Коше, который был не только прекрасным спортсменом но и мудрым педагогом. Вместе с Евгенией Александровной они поняли свою задачу так: надо искать, работать не жалея сил, чтобы на советском теннисном небосклоне зажглись свои звёзды. Уже в первые послевоенные годы "школа Хангуляна" выдвинула в десятку лучших ракеток страны Б.Крупенникова, И.Элердашвили, а в начале пятидесятых годов страна заговорила о Викторе Ураевском.

"Это было блестящее, но, увы, незавершённое творение Арама Герасимовича и Евгении Александровны", – сказал об этом спортсмене один из ближайших соратников и партнёров Хангуляна и Вермишевой Эдуард Эдуардович Негребецкий. Что же скрывалось за этой формулировкой? Молодой тбилисец был блестяще подготовлен своими учителями в техническом и тактическом отношении. Он прекрасно играл и слева, и справа, смело, красиво выходил к сетке, шутя справлялся с мячами любой силы. В пятидесятом году на различных состязаниях он побеждает москвичей Б.Новикова, М.Корчагина, ленинградца Л.Мищенко, киевлянина С.Фридланда. В 1951, 1952, 1954 и 1955 годах включается во всесоюзную "десятку". Специалисты видели в этом, безусловно незаурядном, спортсмене мастера весьма перспективного, связывали с ним самые радужные надежды. Но у восходящей звезды не хватило характера.

- Его погубила избыточная жажда жизни и неумение отказаться от её сомнительных радостей, – сказал через несколько лет Арам Герасимович. И почти в то же время сам Виктор, увидев на корте нового ученика Хангуляна, четырнадцатилетнего Алика Метревели, сказал без зависти и без тени сомнения: "Этот мальчик взлетит высоко!"

А мальчик учился у Хангуляна и Вермишевой искусству играть и искусству жить. Супруги создали в школе обстановку, в которой ученики составляли одну семью, где общими были и труд, и радости, и огорчения.

- Наши педагоги, – вспоминает Александр, – очень строго подходили непосредственно к процессу тренировки. Всё было подчинено закону единой творческой дисциплины: нельзя было даже на минуту опоздать, прийти небрежно одетым, работать вполсилы...

Но после занятий они становились для каждого из нас любящими родителями. Часто вся школа собиралась у них дома "на чашку чая". Чай готовила и торты пекла Евгения Александровна. А мы читали стихи, спорили о прочитанных книгах, выбирали любимых литературных героев. И, конечно, говорили о теннисе, о его проблемах.

Мне необыкновенно повезло, я попал в большую, крепкую семью, где всё держалось на фундаменте дружбы и доброжелательства. Я был самым младшим среди всех и тянулся, чтобы догнать лидеров. А ребята были сильные. Со мной в группе занимались два брата Мдзинаришвили, Грант Мусаелян, Леонид Мудзари, Сталик Лукашвили, Володя Гоглидзе, сын известного шахматиста, Гиви Ахоладзе. Это

была большая и ровная группа, многие уже тогда вплотную подошлись к званию мастера, а Грант Мусаелян входил в основной состав сборной СССР, играл на Кубок Галеа. Каждый был личностью, все тянулись друг за другом. Школа на нас действовала, как магнит. Каждую свободную минуту мы проводили в ней. Там было очень интересно и уютно.

Однажды Евгения Александровна организовала соревнования под названием "верёвочка". Составляется список учеников, он вывешивается на видном месте, и каждый может играть с вышестоящим. Кто выиграет – поднимается на номер выше, а неудачник соответственно опускается. Это была своеобразная классификация. "Верёвочка" очень нравилась нам всем, а главное – она зажигала жаждой побед, во имя которых нужно было работать всё больше и больше...

Вот в какой обстановке вырос будущий чемпион. Учителя держали их в строгости: Хангулян, например, категорически запрещал поднимать ракеткой мяч с земли. Увидев "нарушителя", он говорил ему строго: "Какое право ты имеешь портить инвентарь?!" И после такого вопроса уже никто не отваживался повторить что-либо подобное.

Всё в школе было скромно: играли старыми тянутыми-перетянутыми ракетками и уже побывавшими в обращении мячами. Только на второй год занятий в секции тренер перед строем учеников вручил Алику новую ракетку, и этот день запомнился ему на всю жизнь как праздник. А первую импортную ракетку Хангулян вручил своему любимому ученику (привязанности к которому, впрочем, никогда и ничем не выказывал) в день его пятнадцатилетия. И Алик буквально молился на неё. Но сломал во время одной из тренировочных встреч и вынужден был играть другой, а во снах часто видел ту – разлетевшуюся в прах.

Бывало, Алик обижался на Хангуляна: то казалось что тренер уделяет ему мало внимания, то, что слишком придирается, а иногда, что вовсе не замечает. Но Арам Герасимович прекрасно всё видел. Видел природную одарённость Метревели, своеобразную технику, естественную грациозность, ловкость, чистоту исполнения... Он всё видел, но знал, что не сюсюканье, а суровость, требовательность, а иногда и откровенная мужская жёсткость воспитывают настоящих бойцов. А из Алика ему нужно было подготовить бойца. Хангулян смотрел вперёд. Ещё в пятьдесят восьмом, когда Алик не был даже первым учеником школы, Арам Герасимович сказал жене:

- Ты знаешь, мне кажется, что этот плаксивый Метревели (а Алик тогда часто ронял слёзы после поражений) сможет когда-нибудь добиться того, чего не добивался ещё ни один советский теннисист...

Евгения Александровна тогда промолчала. А в пятьдесят девятом произошло следующее. Они поехали в Москву на Всесоюзную спартакиаду школьников. Героем этих соревнований стал Нугзар Мдзинаришвили, о котором Алик всегда вспоминает очень тепло как о старшем товарище и прекрасном игроке, у которого он многому научился.

Так вот, на Спартакиаде Метревели, от которого никто ещё ничего не ожидал, в последнем туре встречался с москвичом Зайцевым. Высокий, сильный парень, он был старше Алика года на два. Тбилисцы, посмотрев начало этой встречи, ушли все до единого на другой корт, где Нугзар, уже в ранге чемпиона, доигрывал ничего не решавшую турнирную партию.

Она неожиданно затянулась, потом Мдзинаришвили и его тренеры принимали поздравления и цветы. Все участники сборной Грузии окружили Нугзара. Он ликовал, но вдруг лицо его посерьёзнело:

- А где же Алик?

- Алик ещё играет свою партию, – невозмутимо сообщила мама Нугзара.

- Так пойдёмте же поможем ему! – закричал сын.

Борьба между двумя школьниками длилась третий час. В решающем сете счёт был равный 20 : 20. Потом каждый из соперников выиграл по два гейма на своей подаче. И тогда могучий, рослый, со стороны казавшийся несокрушимым Зайцев положил ракетку на истерзанную ногами площадку и громко произнёс:

- Больше сил нет... Сдаюсь.

Вечером того необыкновенного дня Евгения Александровна, словно продолжая давно начатый разговор, сказала мужу:

- А ты прав, Арам, Метревели создан для больших дел.

- Да, – согласился Хангулян, – у нас растёт настоящий мастер. Он любит игру. И понимает её... Всё это очень важно. Всё это – его и наши козыри!

То, о чём мечтали вслух и про себя два человека, "вылепивших" из маленького Алика большого мастера, вскоре начало сбываться. В шестьдесят втором году юный тбилисец под восьмым номером вошёл в десятку сильнейших теннисистов страны. Этому событию предшествовал ряд знаменательных побед, в том числе на Московском международном турнире над восходящей звездой американского тенниса, четвертьфиналистом Уимблдона 22-летним Кеном Флетчером. Сообщение об этом успехе напечатали все теннисные издания Старого и Нового Света. Так впервые имя юного тбилисца узнала планета.

Александр Метревели! Он пришёл в когорту сильнейших мастеров советского тенниса в ту счастливую пору, когда в ней было много исполнителей – хороших и разных: ленинградец А.Потанин, таллинец Т.Лейус, киевлянин М.Мозер, ростовчанин Р.Сивохин, бакинец С.Лихачёв, москвич Вяч.Егоров, таллинец Я.Пармас... За каждой фамилией – интересная спортивная биография. Нужно было обладать незаурядными достоинствами, чтобы прорваться сквозь этот строй. Метревели медленно продвигался к желанной цели. Он далеко не сразу понял свои истинные возможности. И не все сразу "разгадали" его.

Солнечный февральский день шестьдесят четвёртого года. Северодонецк. На прекрасном крытом комплексе, по тем временам лучшем в стране, идёт зимний всесоюзный турнир. К нему внимание особое: он – увертюра ко всему сезону.

В финале мужского одиночного разряда Александр Метревели играет с чемпионом страны – таллинцем Тоомасом Лейусом.

Первые два сета в упорной борьбе выигрывает южанин – 7:5 и 6:4. Причём играл он так красиво, что зрители многие его удары сопровождали громкими аплодисментами, и судьям не раз приходилось обращаться к публике с настоятельной просьбой соблюдать тишину.

Но когда начался третий сет, чемпион преобразился. Его игровая мудрость, которой он славился всегда, проявилась в полной мере. Теперь почти каждый мяч он посылал в то место, от которого Метревели в данный момент был дальше всего. Счёт рос довольно быстро – 6:2, 6:1.

"Все, игра сделана, пятый сет можно не начинать", – сказал сидевший неподалёку от нас Николай Николаевич Озеров. Мне кажется, в ту минуту все думали так, как он. Но сет в блестящем стиле выиграл Метревели. Выиграл в упорнейшей борьбе – 7:5. По-мальчишески несдержанный, Алик перепрыгнул через сетку и расцеловал побеждённого, лицо которого при этом не выражало особого восторга. Но Метревели ничего не замечал. Он весь светился счастьем от первой в своей жизни победы на всесоюзных состязаниях.

Многие тогда считали этот успех неожиданным и были неправы. Ведь год назад, в финале III летней Спартакиады народов СССР, соперники уже встречались в финале, борьба была острой, равной, и Тоомас победил за счёт большого опыта и поразительной способности навязывать сопернику самые невыгодные для него ходы.

Таллинец был первой ракеткой страны в течение трёх лет – с 1963 по 1965-й включительно. И всё это время тбилисец преследовал его по пятам. Наконец случилось то, чего уже все ожидали и что должно было случиться: летом 1966 года Александр Метревели впервые завоевал звание чемпиона Советского Союза в одиночном разряде и повторил это достижение на следующий сезон, став одновременно и чемпионом Юбилейной спартакиады народов СССР. Поздравляя его с этим блистательным успехом, Борис Новиков писал в статье, подводившей итоги состязания, что, кажется, мы получили самого яркого теннисного чемпиона за всю историю развития этого вида спорта в стране, и очень хочется, чтобы наши предположения сбылись, чтобы Александр оправдал надежды, которые мы связываем с ним.

Думается, что сейчас, по истечении времени, мы можем с полным основанием сказать: Метревели не только выполнил, но и перевыполнил планы, которые мы строили в отношении его. Заслуженный мастер спорта Александр Метревели – абсолютный чемпион отечественного тенниса по всем возможным показателям. Он единственный, кто 12 раз выигрывал звание чемпиона Советского Союза в одиночном разряде, причём с 1969 по 1976-й включительно владел этим званием безраздельно. Борис Новиков и Сергей Андреев уступают ему в этом "показателе" ровно вдвое.

Конечно, и сама по себе приведённая цифра внушительна. Но важнее то, что скрывается за ней. На протяжении полутора десятков лет Алиқ, как его любовно называли все без исключения, был бессменным лидером нашего тенниса, его первой скрипкой, его "знаком качества". Не нужно обладать особым воображением, чтобы представить, какого огромного физического, психологического и эстетического потенциала требовало это от спортсмена. Сколько мастеров и старшего, и младшего поколения считали своей основной задачей победу над Метревели. Вспоминаю бесчисленное число турниров, где ему противостояли "сходящий" Андрей Потанин и несдающийся Тоомас Лейус, честолюбивый Таймураз Какулия и атлетичный Вячеслав Егоров, молодые, делавшие первые шаги в большом теннисе Константин Пугаев и Владимир Борисов.

Листаю подшивки газет поры его долгого царствования. Вот "рядовая" корреспонденция, относящаяся к апрелю 1970 года, когда в Алма-Ате второй раз подряд (и четвёртый вообще) он поднимается на высшую ступень всесоюзного пьедестала почёта: "Откровенно говоря, финал получился менее увлекательным, чем можно было ожидать: в то время как Лейус всё время действовал на пределе своих возможностей, у Метревели всегда сохранялся какой-то резерв, и мы не увидели его искусства во всем его блеске"... Такая взыскательность прессы, специалистов требовала от Алика огромной и постоянной работы. От него ждали не просто побед, а побед красивых, убедительных, отмеченных высоким классом и неповторимым изяществом. Любое отступление от этих "нормативов" ему не прощали. И он почти всегда был на высоте своего положения, своего трудом завоёванного спортивного величия.

Твёрдо убеждён, что по своим личным качествам, складу характера, темперамента, отношения к игре и её восприятию Метревели был ярко выраженный "одиночник" (чем, кстати, как, впрочем, и многим другим, напоминал своего знаменитого земляка и предшественника Эдуарда Негребецкого), но это не мешало ему прекрасно выступать и в парных играх. Ведь недаром же ему принадлежит один из самых блестящих "рекордов": 6 раз (в 1970, 1971, 1972, 1973, 1975 и 1976 гг.) он становится абсолютным чемпионом СССР, то есть выигрывает золотые медали в личном первенстве, в мужском парном и в "миксте". Такого не добивался у нас никто – ни среди мужчин, ни среди женщин.

В мужском парном разряде этот неутомимый боец только на чемпионатах страны побеждал 11 раз. За это время его партнёрами были С.Лихачёв, Т.Какулия, А.Богомолов, Е.Бобоедов.

- Менялись составы, но всегда лидером, душой этих дуэтов оставался Алиқ, – вспоминает Семён Павлович Белиц-Гейман. И с этим нельзя не согласиться. Даже когда он был ещё совсем молод и когда рядом с ним на площадке находился признанный "парный" игрок бакинец Лихачёв, преобладающая роль тбилисца в каждой победе, в каждом выступлении просматривалась с не вызывающей сомнения отчётливостью. В смешанном разряде он выступал только с Ольгой Морозовой, и здесь первыми они становились в главных наших всесоюзных турнирах 6 раз. Итого в домашней коллекции Александра Метревели 29 золотых медалей чемпиона СССР. Это тоже абсолютный рекорд советского тенниса.

Если кто-нибудь задумал составить статистический перечень сыгранных им матчей, получилась бы весьма объёмная и, между прочим, весьма показательная книга. Пишу об этом не только для того, чтобы сообщить читателю ещё одну важную деталь его биографии, но и подчеркнуть, что у меня нет никакой возможности описать даже самые яркие, этапные для него матчи.

И всё-таки мы должны попытаться дать оценку выступлений тбилисца, многолетнего лидера отечественного тенниса.

На кортах страны, как читатель уже смог убедиться из предыдущих очерков, было немало замечательных спортсменов. Тбилисец не просто пришёл им на смену. Он вобрал в себя лучшие черты своих предшественников, синтезировал их мастерство, их наиболее яркие и существенные качества. Александр Метревели стал вершиной – до сих пор никем не превзойдённой – того дорогого для нас здания, имя которому советский теннис.

Что отличало этого выдающегося солиста? Прежде всего и больше всего – стабильность мастерства, всегда привлекающий и восхищающий класс исполнения. На протяжении многих лет он практически не знал, не имел себе равных в борьбе за звание чемпиона СССР в одиночном разряде. И тем не менее любой матч с участием южанина всегда и везде собирал максимальное количество зрителей. И это не случайно. Поклонники, ценители игры прекрасно знали, что Алик в каждом поединке, каким бы лёгким он ни представлялся, постарается показать всё, на что способен, будет действовать с полной отдачей сил, на пределе своих творческих возможностей. Это было его кредо – кредо истинного артиста большого спорта, предельно взыскательного художника.

Чтобы подтвердить эту мысль, не нужно рыться в памяти, подбирать соответствующие примеры. Достаточно вспомнить любой год, любой чемпионат, и он даст нам все необходимые примеры.

...Озарённый всё ещё достаточно жарким, хотя и ноябрьским, солнцем Ташкент, где проходило первенство страны 1969 года. Здесь впервые на высшую ступень пьедестала почёта поднялась Ольга Морозова, победившая в решающем поединке свою землячку Р.Исланову (7:5, 6:2). Я не случайно вспомнил об этом. До указанного дня в течение ряда лет любители тенниса следили за восхождением Морозовой, искренне верили в неё. И вот надежды оправдались: Ольга – чемпионка страны, первая ракетка Советского Союза.

К началу мужского финала достаточно вместительный теннисный стадион столицы Узбекистана был заполнен до отказа. Ожидалось, что здесь чемпионом станет Метревели. Но это ожидание было совсем иного рода, чем то, которое мы испытывали перед встречей представительниц "слабого пола". Морозова, повторяюсь, впервые стала чемпионкой, а Метревели уже завоевал высший титул в 1966 и 1967 годах, а в 1968-м уступил его своему давнишнему сопернику таллинцу Т.Лейусу. И вот теперь он должен был доказать, что происшедшая "осечка" всего лишь случайность.

На этот раз в решающем поединке тбилисец противостоял ленинградец В.Пальман. Игрок вообще чрезвычайно интересный, смелый, технически хорошо подготовленный, к тому же левша, в сезоне, о котором идёт речь, достиг, можно сказать, своего расцвета, заняв в итоге почётное шестое место во всесоюзной классификации.

Финальный матч получился интересным, ярким, волнующим, несмотря на то, что закончился в трёх партиях – 7:5, 9:7, 6:4. В нём было столько огня, столько жизни, столько неповторимых, удивительных ходов, столько искренней страсти.

Этот матч трудно охарактеризовать несколькими словами. В нём не было от начала до конца выдержанного плана, потому что по особому плану разыгрывался едва ли не каждый гейм. Соперники избирали то оружие, которое наиболее подходило в данной конкретной ситуации.

Борьба началась стремительным рывком ленинградца, он повёл 3:0. Метревели это не обескуражило. Он имел некоторое преимущество в подачах, которые Пальман далеко не всегда отражал. И вот уже 3:3. Южанин усиливает натиск. Он играет на редкость разнообразно, часто выходит к сетке, демонстрирует красивейшие удары с лёта. Ленинградец оказывает упорное сопротивление, часто переходит в атаку. Счёт 5:5. подача Пальмана, но... Он её проигрывает, а с ней и сет.

В отличие от Метревели Пальман совершал больше ошибок, блестящие удары у него чередовались с досадными промахами. А южанин действовал в решающих геймах первого сета с академизмом и выдержкой испытанного мэтра.

Второй сет порадовал редкой остротой. Оба спортсмена играли великолепно. Но Метревели – это видели даже не очень искушённые зрители – тоньше чувствовал те моменты, когда следовало усилить темп и во что бы то ни стало выиграть очко. В конце концов и в этой партии ему удаётся выйти вперёд и закончить её в свою пользу.

В третьем сете тбилисец демонстрирует великолепный финиш. Его атаки, исполненные одновременно мощи и грациозности, ошеломляют соперника. В результате – победа. Победа, одержанная, как всегда, в отличном стиле.

"А. Метревели не просто вернул себе звание чемпиона, а показал, что за истекший период не терял времени даром и прибавил в своём мастерстве", – писала в своём отчёте газета "Комсомольская правда".

Это как раз и составляло его сущность, было отличительной особенностью. Александр никогда не удовлетворялся достигнутым, никогда не позволял себе предаться благодущию. Отдавая теннису всего себя без остатка, он непрестанно двигался вперёд, рос в творческом отношении сам и увлекал за собой других, поднимая своим изо дня в день растущим мастерством общий уровень отечественного тенниса.

Александр Метревели занимает в советском теннисе особое, исключительное, место: никто ни до него, ни после не добивался таких ярких, таких многозначительных побед на международной арене, как он. Достижения теннисного гроссмейстера из Тбилиси, мне кажется, нужно поставить на одну ступень с успехами таких выдающихся спортсменов, как Владимир Куц, Юрий Власов, Вячеслав Иванов, Борис Лагутин, Лев Яшин... Он первый представил миру советский теннис как игру подлинно международного класса, он стал живым олицетворением высшего творческого взлёта нашей теннисной школы.

Давайте вспомним хотя бы некоторые из его выступлений за рубежом. В 1966 году Алик принимает участие в открытом чемпионате Скандинавии, который проходил в шведском курортном городке Бостад и привлёк очень крупные силы.

Поначалу шансы тогда ещё никому не известного Метревели расценивались как равные нулю, но, когда он "свалил" нескольких сильных игроков, а в четвертьфинале обыграл знаменитого итальянца Н.Пьетранджели, местная газета написала: "Хотя в победе Сантаны никто не сомневается и исход решающей встречи заранее предрешён, специалисты считают, что матч с участием загадочного русского всё же обещает быть интересным".

Безапелляционность этой заметки можно понять: трудно было найти в ту пору спортсмена более известного своими громкими успехами, чем испанец Мануэль Сантана – чемпион открытого первенства США, чемпион Уимблдона 1966 года. Мировая пресса писала в те дни о необычайной талантливости Мануэля, о тонкости его теннисного мышления, виртуозности техники. Особенно сильно чувствовал он себя на земляных кортах, а в Бостаде были именно такие, причём одни из лучших в Европе. Словом, прогноз местной газеты имел под собой основания.

Финальный матч проходил в тонкокомбинационном стиле, в основном с задней линии, что являлось одним из козырей испанца. В начале поединка он полностью навязал эту тактику сопернику. Он почти не делал ошибок, а когда Алик рвался к сетке, точно и стремительно обводил его и справа и слева своими знаменитыми кручеными свечами (он выполнял этот коронный удар так замаскированно, что предугадать его было почти невозможно). Одним словом, он легко взял первые два сета – 6:3, 6:2 – и никто не сомневался, что развязка близка.

Вот тут-то всё и началось. По-видимому поняв, что "терять уже нечего", Алик изменил тактику. Казалось, что на корте другой спортсмен. Методически играя длинными, низкими ударами, он резко затруднил действия испанца, а сам всё чаще, всё успешнее выходил к сетке и изматывал соперника обилием неожиданных ходов. То он применял короткие удары, то косые, то крученые, то резаные... И знаменитый маэстро... растерялся. Третий сет он отдал 1:6. Публика овацией приветствовала успех дебютанта. Эта перемена настроения толпы взорвала честолюбивого Мануэля. Он вновь заиграл в полную силу, демонстрируя всё необычайное

разнообразии своей техники и тактики. Но Метревели уже почуял запах удачи, он играл с необыкновенным даже для себя вдохновением. На корте завязалась такая напряжённая, такая острая борьба, что даже искушённые зрители не остались равнодушными. В этой дуэли мастерства и нервов верх берёт советский спортсмен – 7:5. Счёт партий уравнивается.

- Конечно, победит наш несравненный Сантана, – успокаивает земляков комментатор испанского радио, – но этого русского можно поздравить с большим успехом: не каждому дано выиграть два сета подряд у несравненного Мануэля...

Но Метревели сделал большее: он выиграл третий сет (6:4), а с ним матч в целом, и стал чемпионом Скандинавских стран. Комментируя этот поистине сенсационный успех тбилисца, Сантана заявил на пресс-конференции:

- Я от души поздравляю своего соперника. Победа досталась ему благодаря применённой умной тактике, содержательной, интересной игре. Советский теннис приобрёл в лице этого юноши мастера высокого класса, способного достойно представлять свою страну на турнирах любого ранга.

И нужно сказать, что Александр Метревели оправдал это предсказание, сделанное в день столь блестящего успеха на международной арене. Вспоминаю те счастливые для всех нас годы, когда он находился в "боевом" строю. Пожалуй, не было ни одного сезона, который бы обошёлся без его подарка, без его побед, прославляющих советский теннис.

Весна шестьдесят седьмого. Экс-ан-Прованс, маленький, уютный курортный городок на юге Франции, всего в 30 километрах от Марселя. Миниатюрная золотая ракетка – главный приз вот уже в течение многих лет традиционно разыгрываемого здесь международного турнира. Приз вручается победителю мужского одиночного первенства. Имена тех, кто становился обладателем "золотой ракетки", не нуждаются в комментариях. Это Б.Патти и Г.Мэллой (оба – США), Ж.Пилэ и П.Дармон (Франция), И.Будинг (ФРГ), К.Флетчер (Австралия), И.Гуйяш (Венгрия)... На этот раз среди посланцев 20 стран впервые оказались советские мастера – Т.Лейус, С.Лихачёв, А.Метревели. К ним как к "новобранцам" и зрители, и пресса проявляли особый интерес. Много забот с непрерывно атаковавшими журналистами оказалось у руководителя нашей делегации Виктора Коллегорского, к слову сказать, прекрасного человека, отменного организатора, много сделавшего для развития советского тенниса.

Наши ребята произвели хорошее впечатление. Так Тоомас Лейус победил австралийца Дж.Мура и вторую ракетку ФРГ И.Будинга, два выигрыша на старте имел и Сергей Лихачёв, но к полуфиналу дошёл только Алик. Здесь он встретился с румыном И.Нэстасэ. В то время Метревели ещё только "выходил в свет", но многие специалисты уже угадывали в этом спортсмене качества, которые вскоре привели его к финалу Уимблдона, выигрышу крупнейших турниров в Европе и Америке и признанию одним из лидеров мирового тенниса.

В Экс-ан-Провансе Нэстасэ был одним из главных фаворитов. Матчи с его участием транслировались на всю Францию. И страна, давшая четырёх великих гроссмейстеров ракетки, увидела, как чемпион Румынии, игравший с присущим ему блеском, с полным напряжением сил, всё же вынужден был уступить чемпиону Советского Союза, не сумев взять у него ни одного сета – 5:7, 6:8, 3:6. А в финале нашему Алику противостоял молодой чемпион Чехословакии Ян Кодеш, уже в ту пору славившийся своей большой подвижностью, сильным ударом слева и главное – огромной волей к победе. Журналисты Экс-ан-Прованса так описывали выступления спортсмена из Чехословакии: "Он вцепляется в соперника бульдожьей хваткой, и не отпускает до тех пор, пока не выпотрошит окончательно".

На финальный поединок с Метревели Кодеш вышел полный уверенности в себе и решимости, которые отчётливо просматривались в его игре на протяжении всего состязания. И вот уже первый сет за ним – 6:4. Но чемпион СССР сумел переломить ход поединка и стал на корте полным хозяином положения. "Три партии подряд, выигранные Александром Метревели с необычайной лёгкостью (6:4, 6:2, 6:2), стали демонстрацией игры, исполненной яркой мысли и подлинного изящества". Эти слова принадлежат Анри Коше, присутствовавшему на турнире в качестве специального корреспондента газеты "Экип".

Имя Метревели приобретает всё большую и большую известность. Буквально через месяц Алик становится героем матча на кубок Дэвиса против сборной ФРГ. В 1968 году он в паре с Ольгой Морозовой выходит в финал Уимблдона, победив такие всемирно известные дуэты, как Н.Ричи – Т.Оккер, Р.Казалс – П.Гонзалес, Э.Джонс – Ф.Столле. Это первый подобный успех в истории советского тенниса, вызвавший бурю восторгов... в самой Великобритании. Пресса, радио, телевидение страны не пожалели места и времени, рассказывая об успехах советской теннисной школы. Все утверждали: "Этот взлёт не случаен". И оказались правы: через сезон Ольга и Алик снова вышли на главный матч Уимблдона. И в упорнейшей, полной драматизма борьбе (был момент, когда Оля дотронулась до летящего в аут мяча, а не сделай она этого – матч мог завершиться в нашу пользу) уступили международной паре Р.Казалс (США) – И.Нэстасэ (Румыния).

Каждый сезон поднимал Метревели ещё на одну ступеньку. Но Александр никогда не удовлетворялся достигнутым. Он говорил в одной из бесед:

- Зрелость приходит от матча к матчу. Вот почему я, прежде всего, ищу причину своих поражений, анализирую допущенные ошибки, стремлюсь ликвидировать слабые места. И стараюсь в тренировках приобрести то, чего мне ещё не хватает.

Эта самокритичность и завидное трудолюбие были естественным выражением его спортивного характера и чисто человеческих качеств. Он высоко ценил и тех, против кого выступал, и тех, перед кем демонстрировал своё искусство. Для него никогда не существовало среднестатистического, абстрактного зрителя. Где бы он ни играл – дома, в Америке, в Австралии, на земляных, травяных или деревянных кортах Европы, он обращал своё искусство, поведение, манеру игры к конкретной личности, человеку взыскательному не только к результату, но и к форме, к способу, к манере его достижения. В этом глубоком уважении к соперникам и зрителям – одна из причин того, что он постоянно изменялся, постоянно искал и находил дорогу вперёд. У него много заслуг, но самую важную, самую главную я вижу в том, что он стал первым советским теннисистом, которому удалось овладеть техникой современной активной и универсальной игры, воплотить в своих действиях, в своих лучших матчах многие передовые идеи, передовые тенденции развития техники и тактики.

Где только не побывал за свою карьеру этот человек, где только не оставил славный след. В 1967 году к званию чемпиона СССР Алик добавил титул чемпиона Азии. А три года спустя пришла пора "открывать" новый континент.

...Когда в Северном полушарии наступает зима, сильнейшие теннисисты мира собираются в дальнюю дорогу. В Австралии их ждут марафонские испытания под жгучими лучами солнца.

Эти ежегодные соревнования как бы венчают каждый сезон и благословляют новый.

"Золотая цепочка" соревнований состоит из шести звеньев – следующих друг за другом открытых международных первенств каждого из шести австралийских штатов. Шесть штатов – шесть международных турниров, сорок два дня непрерывных сражений на травяных кортах! Вот где идёт величайшая проверка бойцовских качеств и мастерства представителей этого вида спорта, которые приезжают сюда из Европы, Америки, Азии, Африки. Лучшие из лучших! Кончается "цепочка" встреч, и после этого по результатам всех международных турниров объявляют первого теннисиста Австралии.

Долгие годы спор за обладание этим почётным титулом вели главным образом американские и австралийские спортсмены. Победы американцев воспринимались хозяевами, конечно, с огорчением, но всё же считались вполне естественными и закономерными. Американская школа тенниса имела отличную репутацию.

Когда пальма первенства досталась представителям третьей страны, это было воспринято как нечто из ряда вон выходящее.

Автором этой сенсации стал в 1971 году студент-филолог из советского города Тбилиси Александр Метревели. В ту пору спортивные газеты Австралии, США, Англии, Франции, Италии на первых полосах печатали сообщения о его беспроигрышных сериях. Вот январский номер "Нью-Йорк таймс". В нём крупным шрифтом набрано:

"Третье подряд выступление советского спортсмена Александра Метревели на теннисных турнирах Зелёного континента вновь принесло ему победу. Завоевав первенство на чемпионатах Южной и Западной Австралии, теперь он оказался лучшим на открытом чемпионате Тасмании. В финале Метревели взял верх над сильным Австралийцем Джоном Александером – 8:6, 6:3, 4:6, 6:3. Игра русского, по общему мнению специалистов, отмечена высоким классом и вызывает уважение".

- Такие оценки давались в тот год систематически вспоминает Семён Павлович Белиц-Гейман.

- Алик играл как "бог", – вторит ему Сергей Сергеевич Андреев.

В 1971 и 1972 годах Александр Метревели буквально завоёвывал всю Австралию, два сезона подряд завоевав звание чемпиона этой страны. А вместе с Ольгой Морозовой он одержал верх и в большинстве соревнований смешанных пар. Оба они получили призы за успешное выступление и были признаны первыми ракетками мира среди игроков-любителей. Это почётное место советским спортсменам присудила специальная комиссия экспертов, которая подсчитала и по достоинству оценила все их победы и достижения за последнее время.

Тогда же А.Метревели и И.Гулагонг были награждены специальными призами, предназначенными первым игрокам Австралии.

Прошло ещё несколько дней, и телевидение, радио, газеты сообщили, что Александр Метревели и Ольга Морозова провозглашены почётными гражданами Австралии. Такой чести до этого не удостоивался ни один иностранный спортсмен. Комментируя это исключительное событие, знаменитый Род Лэйвер заявил своим согражданам:

- Такое решение – дань нашего всеобщего большого уважения к советским спортсменам, показавшим в "стране тенниса" выдающиеся результаты и полюбившимся многочисленным поклонникам "белого спорта" за красивую, смелую, темпераментную игру и безупречное спортивное поведение. Как представитель мужского тенниса, я не могу не отметить особо мастерство и высокую степень игрового артистизма, который показывает всегда Александр Метревели.

Если уж обращаться к высказываниям "звёзд" мирового тенниса, то сейчас с Зелёного континента нам предстоит перенестись в туманную Англию. Здесь в семьдесят первом второй год подряд победителем Уимблдона в одиночном разряде стал выдающийся австралийский спортсмен Джон Ньюкомб. Выступая после окончания турнира по английскому радио, он сказал:

- Самым трудным для меня в этом соревновании от его начала и до конца был матч одной восьмой финала против Александра Метревели. Это чрезвычайно интересно мыслящий и безупречно подготовленный игрок. Я ничуть не удивлюсь, если в один из сезонов он станет здесь победителем...

Это предсказание почти сбылось. Да, почти... Но и это не так уж мало.

Стояло прохладное даже для Англии лето семьдесят третьего. Алик приехал на турнир не совсем залечив полученную в начале года травму. Но пропускать сезон не хотелось.

По многолетней традиции участники Уимблдона проводят своеобразную разминку, пробуют свои силы в открытых первенствах графства Кент и Лондона.

Первый турнир проводится в небольшом городке Бекнеме, где расположен один из старейших теннисных клубов страны. Александр сдал "вступительный экзамен" блестяще. Одерживая победу за победой, он вышел в финал, где победил Бьёна Борга. Кроме основного приза тбилисец получил ещё один – "за самую красивую партию". Местная газета назвала его "выдающимся солистом современного тенниса".

Затем начался турнир Хьюндклуб. К участию в нём допускаются лишь спортсмены "с именем", поэтому по составу он бывает не слабее Уимблдона.

Алик и здесь оказался на высоте. Он дошёл до финала, где ему противостоял И.Нэстасэ. Первую партию выиграл румын (7:5), вторая была за Аликом (6:3). В третьей, решающей (матчи здесь играют из трёх сетов), он вёл со счётом 4:1... В этот момент экспансивный и, как известно, обладавший далеко не безукоризненной выдержкой румынский спортсмен начал яростно спорить с судьями, апеллировать к публике и вообще вести себя весьма эксцентрично. "Все это ужасно действовало на нервы. Я отвлекся, расслабился и отдал "верную" партию со счётом 6:8", – вспоминает Метревели.

А примерно через две недели, в начале июля, английская газета "Таймс" вышла с аншлагом: "В одиночном финале Уимблдона – впервые советский теннисист!" Александр Метревели продвигался к финалу уверенно, демонстрируя, как отмечали потом все виднейшие специалисты, на редкость точную, мощную и разнообразную игру как у задней линии, так и у сетки. Не мог устоять перед мастерством тбилисца и главный фаворит турнира знаменитый американец Д.Коннорс. Советский спортсмен стойко выдержал неукротимый напор "ураганного Джимми". Их матч, полный искромётного темпа, разнообразных, редких по красоте комбинаций, неожиданных, глубоких по замыслу тактических ходов, был справедливо оценён как самый яркий, самый захватывающий в летописи Уимблдона-73.

Казалось, и в заключительном матче с чехом Я.Кодешем у чемпиона СССР есть шансы на успех. Тем более, что тактика этого соперника была досконально известна Метревели. Ведь он во встречах с этим спортсменом не раз одерживал верх, в том числе и в матчах Уимблдонского турнира.

Но именно это предчувствие "вероятной победы", о которой писали газеты, говорили тренеры и руководители, оказало Алику плохую услугу.

- Все предсказывали ему победу, – вспоминает Сергей Сергеевич Андреев. – Говорили: ты уже два раза обыгрывал Кодеша "на траве", имеешь все шансы. И хотя Метревели очень серьёзный спортсмен, хотя он настраивался на трудную борьбу, медоточивые речи убаюкивали.

- Возможно, – добавляет Семён Павлович Белиц-Гейман, – повлияло и то обстоятельство, что перед финалом два дня шёл дождь и главный судья объявил, что решающий поединок перенесут с субботы на понедельник. Алик после этого известия как-то сразу расслабился, настроился на длительный отдых. Но потом матч всё-таки стали играть в субботу, и, вероятно, он не смог сразу вновь перестроиться...

Все эти версии правдоподобны. Но, пожалуй, главное всё-таки в том, что финал Уимблдона предъявляет к спортсменам колоссальные психологические требования. Александр Метревели не смог преодолеть этот самый сложный барьер, он играл против Кодеша явно ниже своих возможностей и – уступил.

Но уступил в поединке равном, в упорной борьбе. Вот как оценивает этот главный матч своей жизни Александр Метревели.

- На травяных кортах изменить тактику невозможно, – говорит он. – Здесь просто необходим элемент сильной подачи с выходом к сетке. Принимать чужую подачу надо сильным ударом или закинуть мяч в ноги сопернику, чтобы вторым обводящим ударом выиграть очко.

Кодеш, в общем, игрок задней линии, на травяном корте ему играть значительно труднее. Вот почему до начала финала все или почти все отдавали предпочтение мне. Но забыли одну деталь: у спортсмена из Чехословакии безупречный приём подачи, а его подачу выиграть очень трудно. К тому же, ему в тот день очень везло: то ударит ободом и совершенно неожиданный мяч падает на мою площадку, то мяч "зависнет" на тресе и сваливается на мою сторону. Это давило на психику. Первый сет я проиграл начисто. Во втором у

меня был сетбол при счёте 5:4. Кодеш подал вторую подачу более осторожную, я к ней хорошо подготовился, так как очень хорошо знал все его повадки. Но мяч, как на зло, попал в выбоину и отскочил в сторону. Меня это окончательно выбило из колеи...

Но, как бы оно ни было, победил Кодеш. Он играл не ярко, но исключительно точно, не позволяя себе ни одной ошибки. И победил заслуженно.

Итак, подведём итог. За всю историю отечественного спорта Александр Метревели, бесспорно, - теннисист номер один. Финалист Уимблдона в одиночном мужском разряде и двукратный в смешанном, чемпион Австралии, Скандинавии, Азии. В его активе блестящие победы над такими "звездами", как Борг, Нэстасэ, Сантана, Пьетранджели, Гонзалес, Хoad, Кодеш, Коннорс, Тейлор, Ралстон, Маллиган, Бунгерт...

Сегодня Александр Ираклиевич – заместитель председателя Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров Грузинской ССР. Но и занятый неотложными делами, погруженный в бесчисленные заботы, он не забывает о предмете своей горячей любви – теннисе. В августе восьмидесят третьего года мы встретились с ним на чемпионате Европы в латвийском курортном городке Юрмала. Мы много беседовали о жизни, о прошлом и о будущем. И сейчас я хочу предоставить слово герою этого очерка.

- Мне кажется, что можно достичь настоящих высот в любой области человеческой деятельности, только если хочешь быть нужным и полезным своему народу. Скажу ещё так: то, что человек сохраняет только для себя, он неизбежно теряет; то, что отдаёт людям, – остаётся ему навсегда, становится его богатством. Мы не жалели себя на корте, отдавали каждой игре весь запас душевных и физических сил, и именно поэтому, прежде всего, пришли успех и признание.

Я уверен, что в любом деле, а тем более в спорте, можно добиться настоящих успехов, лишь посвятив ему себя без остатка, ставя перед собой ежедневно и ежечасно только сверхзадачи, испытывая постоянное неудовлетворение достигнутым.

Я видел за свою жизнь немало парней, щедро одарённых от природы, по-настоящему талантливых. Но они так и не испытали радости больших свершений, потому что довольствовались малым и приходили в спорт не во имя спорта, а во имя тех благ, которые он даёт. Они не хотели трудиться, не желали отказывать себе в различных мелких житейских радостях и неизбежно проигрывали.

Иначе и быть не может. Если бы все люди смирились с тем, что имеют, то не было бы прогресса, не было бы таких чудес, имя которым Майя Плисецкая и Людмила Турищева, Алексей Баталов и Лев Яшин...

Мне кажется, что трудно переоценить роль спорта высших достижений в воспитании и закалке советского характера. Качества, которыми одаряет спорт в ответ на преданность, вооружают человека физически и духовно, готовят его для всех других родов деятельности, для жизни. Ведь жизнь, как и спорт, представляет собой не что иное, как вереницу взятых и ещё не взятых преград.

Успех – это всегда талант плюс случай. Его Величество Случай. Конечно, многое зависит от самого спортсмена, от степени его одарённости, веры в себя, трудолюбия, самодисциплины. Но ещё многое, по-моему, зависит от того, к какому тренеру он попадёт.

Особенно важен начальный период, детская пора. Позволю себе такое сравнение. Современные космические корабли поднимаются в необозримые дали и творят там настоящие чудеса. Но их взлёт прежде всего зависит от ракетносителя, от идеальной точности её курса. Малейшее отклонение – и может произойти катастрофа. Так вот, детские тренеры, на мой взгляд, это ракетносители советского спорта. Именно они выводят нас на орбиту жизни, именно от них во многом зависит успех наших взлётов.

С тренерами в детстве нам повезло. Супруги Арам Герасимович Хангулян и Евгения Александровна Вермишева основали спортивную школу юных теннисистов, стали её руководителями и педагогами. О каждом из этих дорогих мне людей я мог бы, кажется, говорить бесконечно, отметить множество присущих им замечательных качеств – доброту, воспитанность, исключительную любовь к своему делу. Но самое главное, что в них подкупало, это истинно отеческая забота о своих подопечных, педагогическая самоотверженность, позволявшая им держать в поле зрения каждого из нас и бережно сохранять нашу индивидуальность. Как умели они

заметить у одного тончайшее искусство обводки, у другого тактическую мудрость, у третьего поразительную меткость и делали всё, чтобы сохранить эти ростки будущего мастерства, вдохновляли при всякой удаче, поддерживали при срывах...

Мне иногда, увы, приходится слышать, как некоторые наставники требуют даже от самых маленьких только: "Выиграй этот сет!" "Ты должен победить в матче!" А как это будет сделано, их не интересует. Можно не сомневаться: у таких садовников не вырастут яркие цветы.

Я говорю об этом и вспоминаю беседы, которые вёл с нами Арам Герасимович: "Мальчишки, каждый из вас – чудо, и нет другого такого на свете. Миллионы лет стоит земля, но точно такого, как ты, не было, нет и не будет. Ты только взгляни на себя: как дивно устроено твоё тело, твои ноги, руки, ловкие пальцы. И как всё это приходит в движение! Тебе подвластно всё, ты можешь удивить мир, если будешь добросовестно трудиться..."

После таких слов нам казалось, что вырастают крылья. Этот дух округлённости сделал своё дело: тбилисская детская школа тенниса дала стране хорошую "продукцию".

Потом я встретил Сергея Сергеевича Андреева, который мне очень помог и которому я обязан своим продвижением вперёд. Это человек, который в теннисе достиг всего сам, без чьей-либо помощи. Может быть это связано с его замкнутостью, необщительностью, неумением или нежеланием завязывать с людьми дружеские отношения. Но несомненно – он у нас один из самых тонких знатоков тенниса. Может быть, единственный, кто способен – если предоставить ему условия – доводить игроков до уровня самого высокого класса. Повторяю, мне он очень помог.

То же могу сказать о Семёне Павловиче Белиц-Геймане – "главном теоретике" советского тенниса. Он не только отлично разбирается в технике, но и прекрасный организатор, чуткий наставник. Эти люди дали не только мне, всему нашему теннису многое. Разные по характеру, по стилю работы, по взаимоотношению с окружающими, они представляли одно целое в творческой смелости, новаторстве, преданности игре, глубоком понимании того, какими путями должно идти её развитие.

Ну и ещё замечательными учителями для меня были всегда соперники. Мои первые успехи в юношеском теннисе связаны с Нугзаром Мдзинаришвили. Это мой товарищ по тбилисской школе и первый соперник. Нугзар был влюблён в теннис. Серьёзному отношению к тренировкам, к соревнованиям я учился у него.

Когда я вышел на всесоюзную арену, начал выступать в сборной, моими постоянными соперниками стали Тоомас Лейус, Андрей Потанин и Михаил Мозер. Мозер был самым старшим из них и вскоре сошёл. За ним – Потанин. Это всегда было и остаётся серьёзной проблемой нашего тенниса: большие мастера очень рано уходят из спорта. Не знаю чем это объяснить: то ли какими-то объективными причинами, то ли тем, что люди считают, что достигли своего потолка и им больше делать нечего. Уходят, не до конца отдав себя, не дослужив советскому теннису.

В первую очередь я бы отнёс эти слова к Потанину. Таких игроков у нас больше не было и пока, к сожалению, нет. У него была очень мощная и стабильная игра с задней линии. Стиль его формировался на медленных песчаных кортах Ленинграда, поэтому он не стремился к игре у сетки, не обладал точной и сильной подачей. Но он очень тонко действовал на контратаках, блестяще обводил соперника у сетки, мощно и точно играл с задней линии. Из теннисистов моего поколения – я не говорю о Новикове и Андрееве, которые выступали значительно раньше, – такой стабильной игры больше ни у кого не было.

Потанин был очень полезен – не кому-то одному, а всему нашему теннису. Через него должны были пройти молодые спортсмены, чтобы научиться как следует играть. Уйдя с арены, он создал вакуум. А когда выступал, тренеры просто-напросто не понимали, какую драгоценность имеют в его лице. Они его "шпыняли" за игру с задней линии.

Почему? В то время наступала эра атакующего тенниса, повсюду говорили только о том, что лишь наступательный теннис может приносить результаты. Так же, как и Потанина, критиковали Сергея Сергеевича Андреева, ещё продолжавшего, несмотря ни на что, выступать и побеждать. Андрей был человеком с сильным характером. Мне явно не хватало такого спарринг-партнёра, как он. И все-таки многому я успел у него научиться.

У Миши Мозера мне особенно нравилось, что он умел создавать темп в игре. Мог так "закрутить", что предложенная скорость становилась невыносимой для любого из нас. То есть одним темпом мог поставить соперника в тяжелейшее положение. Эта отличительная черта его игры лучше всего говорила о характере: Миша был человеком риска. Он никогда не осторожничал, не держался за заднюю линию. Он понимал теннис как-то по-своему, был в этом не похож ни на кого. У него были свои удары: "потапы" и "шептуны". Его и называли все ласково – Миша Потапыч. "Потапы" – это были сильные удары, а "шептуны" – ими можно было обвести тихо, в ножки забросить. Он всегда играл туда, где противнику было труднее всего принимать. Он играл с вращением, кручеными такими ударами по восходящему мячу. За счёт этого и возникала необыкновенная скорость. При этом он всегда успевал занять выгодную позицию на корте. И ещё: Миша был очень ровный, волевой игрок. Я у него многому научился. Особенно умению играть по восходящему мячу и упорству.

Тоомаса Лейуса я отношу к "великой тройке": Озеров, Андреев и он, на мой взгляд, внесли наибольший вклад в развитие отечественного тенниса.

Лейусу долго не везло. Будучи практически сильнейшим игроком страны, он никак не мог доказать это официально – то есть выиграть звание чемпиона Советского Союза. Он последовательно проигрывал Потанину, Мозеру. Наконец, золотая медаль всё-таки увенчала его. Это случилось на Спартакиаде народов СССР 1963 года. "Жертвой" эстонца в финале оказался я. Не боясь выглядеть нескромным, могу сказать с полным основанием: это был красивый матч. Я выиграл у Тоомаса два первых сета. В третьем тоже повёл со счётом 4:2, потом 5:3. Но Лейус сумел переломить ход поединка и завершить его в свою пользу. Такой исход меня просто ошеломил, но и стал прекрасным уроком.

Три года я был вторым. Я добивался побед над Тоомасом в самых различных состязаниях, но на первенстве Союза выигрывал он.

Лейус не отличался какой-то особой техникой, у него не было мощной игры с задней линии, как у Потанина, или стремительного темпа Мозера. Но это был бесподобно мыслящий теннисист. Очень хорошо, исключительно тонко разбирался в любой игровой ситуации. И всем тем немногим, чем обладал, умел блестяще пользоваться. У такого игрока каждый мяч нужно было выигрывать в упорнейшей борьбе: просто так он тебе его не отдавал. Он обыгрывал более талантливых, более техничных соперников, и тут нужно отдать должное его уму, воле и физической подготовке, которой Лейус всегда уделял много внимания.

Хорошими помощниками и в известном смысле учителями были Анна Дмитриева, а позже – Оля Морозова.

Когда я вышел на международную арену, учителей стало более чем достаточно. Я учился у всех. Учился у своих победителей. Учился у побеждённых. Учился у тех, с кем не играл, за кем наблюдал со стороны. Только постоянная учёба, только тщательное освоение опыта других обеспечивает нам продвижение вперёд.

С тех пор как я вошёл в "большой спорт", он стал неразрывной частью моей жизни, захватил меня, взял в "плен". Чем объяснить это глубочайшее увлечение?

Теннис предоставляет человеку неограниченные возможности проявить свой характер, всесторонне проверить себя. Есть виды спорта, которые ставят перед человеком, ими занимающимся, какие-то ограничения в технике и тактике. Пусть, ради бога, не обижаются гандболисты, но, к примеру, выбор их технических и тактических возможностей кажется мне весьма ограниченным. И даже баскетбол ненамного ушёл в этом смысле. То же можно сказать о сугубо индивидуальных видах: лыжи, плавание, бокс... В теннисе вариативность техники и тактики практически не ограничена, бездонна. Каждый день ты можешь совершенствоваться и всё равно непременно

открываешь что-то новое, вчера ещё неведомое. Горизонт твоих познаний, твоего искусства владеть ракеткой, управлять мячом как бы всё время отодвигается. Теннис по многообразию вариантов, глубине и тонкости ходов можно сравнить разве только с шахматами. Некоторые – те, что никогда не испытали радости борьбы на кортах, говорят, что это слишком интеллигентная игра, что она – не для мужчин. Но я-то прекрасно знаю на собственном опыте, скольких моральных и физических сил, сколько мужества ежедневно и ежечасно требует она. Я в детстве увлекался многими видами спорта. Я был подвижен, хорошо прыгал, бегал, отлично играл в футбол и даже в Тбилиси, в этом городе, где всегда изобилие мальчишек, влюблённых в кожаный мяч, мне обещали несомненную карьеру на зелёном поле. Но я выбрал теннис – и никогда не раскаивался. Теннис – это нервы и вариантность. Нервы – это проверка на прочность, когда получаешь, играя с задней линии, по 10-15 ударов. Длительный розыгрыш мяча в определённом смысле мучителен. Но когда ты его выиграешь, это приносит огромное удовлетворение, потому что выиграть случайно нельзя. Где-то ты применил неожиданный приём, в чем-то обхитрил соперника, загнал в угол, заставил – именно заставил! – ошибиться. Вот почему я говорю, что каждый розыгрыш мяча – это шаг к самопознанию, освоению собственной личности...

Сегодня популярность этой прекрасной игры ещё более возрастает в связи с тем, что с 1988 года он возвращается в олимпийскую семью. Следовательно, забота о развитии отечественного тенниса, о его "качестве" приобретает сегодня особый смысл. В этой связи хочется пожелать, чтобы на смену спортсменам, о которых рассказано в этой книге, пришли новые замечательные мастера, способные продолжить и умножить славные традиции отечественного тенниса.

НА ПЬЕДЕСТАЛАХ ПОЧЁТА

(результаты выступлений героев книги во всесоюзных соревнованиях)

СОФЬЯ МАЛЬЦЕВА

Двукратная чемпионка СССР в одиночном разряде – в 1928 и 1932 годах.
Чемпионка СССР в парном разряде в 1928 году в паре с Е. Александровой.
Победительница Всесоюзной спартакиады 1928 года в одиночном разряде.
Входила в число 10 лучших спортсменов 6 раз:

1927 год – 5-е место	1931 год – 4-е место
1928 год – 1-е место	1932 год – 1-е место
1929 год – 1-е место	1933 год – 3-е место

ЕВГЕНИЙ КУДРЯВЦЕВ

Четырёхкратный чемпион СССР в одиночном разряде – в 1925, 1927, 1928 и 1934 годах.
Восьмикратный чемпион СССР в парном разряде:
в 1924 году в паре с Б.Шпигелем
в 1925 году в паре с В.Косяковым
в 1928 и 1932 годах в паре с В.Мультино
в 1937-1940 годах в паре с Э.Негребецким.
Пятикратный чемпион СССР в смешанном разряде:

в 1927 году в паре с З.Клочковой
в 1928 году в паре с Т.Суходольской
в 1935 году в паре с М.Мейер
в 1936 и 1937 годах в паре с Т.Налимовой.
Абсолютный чемпион СССР 1928 года.
Победитель Всесоюзной спартакиады 1928 года:
в одиночном разряде
в парном разряде в паре с В.Мультино
в смешанном разряде в паре с Т.Суходольской.
Победитель всесоюзных зимних соревнований на закрытых кортах:
в одиночном разряде в 1935 и 1936 годах
в парном разряде в 1937 и 1938 годах в паре с Э.Негребецким
в смешанном разряде в 1938 году в паре с Т.Натмовой
Входил в число 10 сильнейших спортсменов 11 раз

1927 год – 1-е место	1933 год – 1-е место
1928 год – 1-е место	1934 год – 1-е место
1929 год – 1-е место	1936 год – 2-е место
1930 год – 1-е место	1937 год – 2-е место
1931 год – 1-е место	1938 год – 3-е место
1932 год – 3-е место	

НИНА ТЕПЛЯКОВА

Семикратная чемпионка СССР в одиночном разряде – в 1927 и 1934-1939 годах.
Двукратная чемпионка СССР в парном разряде:
в 1927 году в паре с Е. Александровой
в 1934 году в паре с А. Сурначевой.
Победительница всесоюзных зимних соревнований на закрытых кортах:
в одиночном разряде в 1935-1938 годах.
Входила в число 10 сильнейших спортсменок 13 раз:

1927 год – 1-е место	1935 год – 1-е место
1928 год – 3-е место	1936 год – 1-е место
1929 год – 2-е место	1937 год – 1-е место
1930 год – 1-е место	1938 год – 1-е место
1931 год – 1-е место	1939 год – 1-е место

1933 год – 1-е место 1940 год – 2-е место
1934 год – 1-е место

ЭДУАРД НЕГРЕБЕЦКИЙ

Четырёхкратный чемпион СССР в одиночном разряде – в 1932, 1947, 1949 и 1950 годах.

Десятикратный чемпион СССР в парном разряде

в 1934-1936 годах в паре с А.Мдивани

в 1937-1940 годах в паре с Е.Кудрявцевым

в 1950-1952 годах в паре с Н.Озеровым.

Шестикратный чемпион СССР в смешанном разряде:

в 1938 году в паре с З.Клочковой

в 1939, 1947, 1950-1952 годах в паре с Т.Налимовой.

Абсолютный чемпион СССР 1950 года.

Победитель всесоюзных зимних соревнований на закрытых кортах:

в одиночном разряде в 1948 году

в парном разряде в 1937-1938 годах в паре с Е.Кудрявцевым

в смешанном разряде в 1948-1951 годах в паре с Т.Налимовой.

Входил в число 10 сильнейших спортсменов 20 раз

1931 год – 5-е место	1944 год – 4-е место
1932 год – 1-е место	1945 год – 5-е место
1933 год – 3-е место	1946 год – 3-е место
1934 год – 4-е место	1947 год – 1-е место
1935 год – 2-е место	1948 год – 3-е место
1936 год – 3-е место	1949 год – 1-е место
1937 год – 3-е место	1950 год – 1-е место
1938 год – 2-е место	1951 год – 1-е место
1939 год – 2-е место	1952 год – 4-е место
1940 год – 6-е место	1953 год – 9-е место

БОРИС НОВИКОВ

Шестикратный чемпион СССР в одиночном разряде в 1935-1939 и 1948 годах.

Победитель зимних всесоюзных соревнований на закрытых кортах:

в одиночном разряде в 1937-1938 и 1946 годах.

Входил в число 10 сильнейших спортсменов 21 раз:

1928 год – 6-8-е места	1943 год – 1-е место
1929 год – 4-е место	1944 год – 2-е место
1933 год – 2-е место	1945 год – 4-е место
1934 год – 2-е место	1946 год – 2-е место
1935 год – 1-е место	1947 год – 4-е место
1936 год – 1-е место	1948 год – 1-е место
1937 год – 1-е место	1949 год – 4-е место
1938 год – 1-е место	1950 год – 4-е место
1939 год – 1-е место	1952 год – 8-е место
1940 год – 2-е место	1954 год – 7-е место

НИКОЛАЙ ОЗЕРОВ

Пятикратный чемпион СССР в одиночном разряде в 1944-1946, 1951 и 1953 годах.

Тринадцатикратный чемпион СССР в парном разряде:

в 1944-1949 годах в паре с З.Зигмундом

в 1950-1952 годах в паре с Э.Негребецким

в 1953 и 1955 годах в паре с М.Корчагиным

в 1957-1958 годах в паре с С.Андреевым

Шестикратный чемпион СССР в смешанном разряде:

в 1940 году в паре с Т.Шершовой

в 1944 году в паре с З.Клочковой

в 1949 году в паре с О.Калмыковой

в 1953 и 1955 годах в паре с Е.Чувьириной

в 1957 году в паре с И.Литовченко-Новак.

Абсолютный чемпион СССР 1944 и 1953 годов.

Победитель всесоюзных зимних соревнований на закрытых кортах:

в одиночном разряде в 1947, 1949-1950 и 1952 годах

в парном разряде

в 1946, 1947 и 1949 годах в паре с З.Зигмундом

в 1950, 1957 и 1958 годах в паре с С.Андреевым

в смешанном разряде

в 1946-1947 годах в паре с О.Калмыковой

в 1952 году в паре с А.Нифонтовой

в 1955 году в паре с Е.Чувьириной

Входил в число 10 сильнейших спортсменов 18 раз:

1940 год – 3-е место	1951 год – 1-е место
1943 год – 5-е место	1952 год – 3-е место
1944 год – 1-е место	1953 год – 1-е место
1945 год – 1-е место	1954 год – 3-е место
1946 год – 1-е место	1955 год – 2-е место
1947 год – 2-е место	1956 год – 4-е место
1948 год – 4-е место	1957 год – 7-е место
1949 год – 4-е место	1958 год – 7-е место
1950 год – 2-е место	1959 год – 8-е место

СЕРГЕЙ АНДРЕЕВ

Шестикратный чемпион СССР в одиночном разряде – в 1952, 1954-1958 годах.

Четырёхкратный чемпион СССР в парном разряде: в 1954 и 1956 годах в паре с С.Белиц-Гейманом.

Двукратный чемпион СССР в смешанном разряде: в 1954 году в паре с К. Борисовой и в 1956 году в паре с Л. Преображенской.

Абсолютный чемпион СССР 1954 и 1956 годов.

Победитель I Спартакиады народов СССР в 1956 году:

в одиночном разряде

в парном разряде в паре с С.Белиц-Гейманом

в смешанном разряде в паре с Л.Преображенской.

Победитель всесоюзных зимних соревнований на закрытых кортах:

в одиночном разряде

в 1951, 1953-1958 и 1960 годах

в парном разряде

в 1950 и 1957-1958 годах в паре с Н.Озеровым,

в 1951 и 1953-1956 годах в паре с С.Белиц-Гейманом

в смешанном разряде

в 1956-1957 годах в паре С Л. Преображенской

Входил в число 10 сильнейших спортсменов 15 раз:

1947 год – 5-е место	1955 год – 1-е место
1948 год – 7-е место	1956 год – 1-е место
1949 год – 3-е место	1957 год – 1-е место
1950 год – 3-е место	1958 год – 1-е место

1951 год – 2-е место	1959 год – 4-е место
1952 год – 1-е место	1960 год – 5-е место
1953 год – 2-е место	1961 год – 9-е место
1954 год – 1-е место	

АННА ДМИТРИЕВА

Пятикратная чемпионка СССР в одиночном разряде – в 1959 и 1961-1964 годах.

Девятикратная чемпионка СССР в парном разряде:

в 1958 году в паре с Е. Чувьириной

в 1959-1961 годах в паре с И. Рязановой

в 1962-1964 и 1966-1967 годах в паре с Г. Бакшеевой

Четырёхкратная чемпионка СССР в смешанном разряде: в 1959, 1961-1962 и 1964 годах в паре с С.Лихачёвым

Абсолютная чемпионка СССР 1959, 1961, 1962 и 1964 годов.

Победительница II Спартакиады народов СССР в 1959 году:

в одиночном разряде

в парном разряде с И. Рязановой

в смешанном разряде в паре с С.Лихачёвым

Победительница III Спартакиады народов СССР в 1963 году: в одиночном разряде

и в парном разряде в паре с Г.Бакшеевой.

Победительница IV Спартакиады народов СССР в 1967 году в парном разряде

в паре с Г.Бакшеевой.

Победительница всесоюзных зимних соревнований на закрытых кортах:

в одиночном разряде

в 1961-1965 годах

в парном разряде

в 1959 году в паре с Е.Чувьириной

в 1960-1961 годах в паре с И.Рязановой

в смешанном разряде

в 1959-1961 и 1963-1964 годах в паре с С.Лихачёвым

в 1967 году в паре с А.Метревели.

Входила в число 10 сильнейших спортсменок 14 раз:

1957 год – 9-е место	1964 год – 1-е место
1958 год – 3-е место	1965 год – 2-е место
1959 год – 1-е место	1966 год – 5-е место

1960 год – 2-е место	1967 год – 2-е место
1961 год – 1-е место	1968 год – 4-е место
1962 год – 1-е место	1971 год – 7-е место
1963 год – 1-е место	1972 год – 5-е место

ОЛЬГА МОРОЗОВА

Пятикратная чемпионка СССР в одиночном разряде – в 1969-1971, 1976 и 1980 годах.

Десятикратная чемпионка СССР в парном разряде:

в 1969-1973 годах в паре с З.Янсоне-Ивановой

в 1975 и 1977 годах в паре с М.Крошиной

в 1976 году в паре с М.Чувыриной

в 1979 и 1980 годах в паре с О.Зайцевой.

Семикратная чемпионка СССР в смешанном разряде

в 1967 году в паре с В.Егоровым

в 1970-1973 и 1975-1976 годах в паре с А.Метревели

Абсолютная чемпионка СССР 1970, 1971 и 1976 годов.

Победительница IV Спартакиады народов СССР в 1967 году в смешанном разряде в паре с В.Егоровым.

Победительница VI Спартакиады народов СССР в 1975 году в парном разряде

в паре с М.Крошиной и в смешанном разряде в паре с А. Метревели.

Победительница всесоюзных зимних соревнований на закрытых кортах:

в одиночном разряде

в 1969-1970, 1973-1974 и в 1980 годах

в парном разряде

в 1969-1970 и 1973 годах в паре с З. Янсоне-Ивановой

в 1974 году в паре с Е. Бирюковой

в смешанном разряде

в 1969 году в паре с В.Пальманом

в 1974 году в паре с К.Пугаевым

Входила в число 10 сильнейших спортсменов 14 раз:

1966 год – 8-е место	1973 год – 2-е место
1967 год – 3-е место	1974 год – 1-2-е места
1968 год – 3-е место	1975 год – 1-2-е места
1969 год – 1-е место	1976 год – 1-е место
1970 год – 1-е место	1977 год – 2-е место

1971 год – 1-е место 1979 год – 1-е место
1972 год – 2-е место 1980 год – 1-е место

АЛЕКСАНДР МЕТРЕВЕЛИ

Двенадцатикратный чемпион СССР в одиночном разряде – в 1966-1967, 1969-1976, 1978 и 1980 годах.

Одиннадцатикратный чемпион СССР в парном разряде:

в 1967-1968, 1970-1971 годах в паре с С.Лихачёвым

в 1972-1976 годах в паре с Т. Какулия

в 1980 году в паре с Е.Бобоедовым

Шестикратный чемпион СССР в смешанном разряде: в 1970-1973, 1975-1976 годах в паре с О.Морозовой.

Абсолютный чемпион СССР в 1970-1973 и 1975-1976 годах.

Победитель IV Спартакиады народов СССР в 1967 году:

в одиночном разряде

в парном разряде в паре с С.Лихачёвым.

Победитель VI Спартакиады народов СССР в 1975 году-

в одиночном разряде

в парном разряде в паре с Т.Какулия

в смешанном разряде в паре с О.Морозовой.

Победитель всесоюзных зимних соревнований на закрытых кортах:

в одиночном разряде

в 1964, 1966-1968, 1970 и 1978 годах

в парном разряде

в 1967-1968 и 1970 годах в паре с С.Лихачёвым

в 1980 году в паре с Т.Какулия

в смешанном разряде в паре с А. Дмитриевой

Входил в число 10 сильнейших спортсменов 18 раз:

1962 год – 8-е место 1968 год – 2-е место

1963 год – 2-е место 1969 год – 1-е место

1964 год – 2-е место 1970 год – 1-е место

1965 год – 2-е место 1971 год – 1-е место

1966 год – 1-е место 1972 год – 1-е место

1967 год – 1-е место 1973 год – 1-е место

1974 год – 1-е место 1977 год – 1-е место

1975 год – 1-е место

1978 год – 1-е место

1976 год – 1-е место

1980 год – 3-е место